

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

СЕЛИНА КАТРИН
ГЕНЕТИКА
ЛЮБВИ

Annotation

Ориелла – замужняя дама с двумя детьми, которая давно мечтает о разводе, вот только на планете Цварг их официально не существует. Жизнь Ориеллы переворачивается вверх дном, когда на её пути встречается привлекательный профессор генетики. Себастьян Касс изучает проблему рождаемости у расы и находится в поисках молодой невесты. Почему же он так добивается развода для Ориеллы?

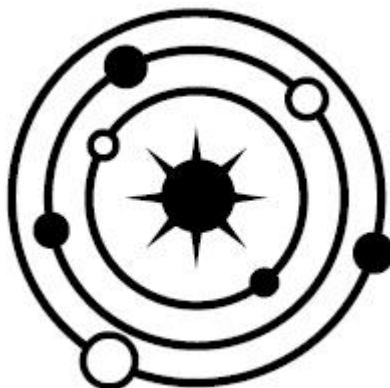
- [Селина Катрин](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Селина Катрин

Генетика любви

Любовь внеземная

© С. Катрин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Дети скрепляют брак

Орианн Мэрриш

– Ты только взгляни! Ни стыда ни совести! Что за молодежь пошла!..

Я с тихим вздохом посмотрела туда, куда указывал супруг: молодой подтянутый цварг приятной наружности запарковал спортивный лимонный кабрио-флаер прямо на газоне и лихо выпрыгнул из него, перемахнув через переднюю дверцу. Высокий, кареглазый, с задиристой улыбкой и короткими черно-коричневыми рожками, берущими начало в кудрявой шатенистой шевелюре. На незнакомце была надета облегающая майка без рукавов, подчеркивающая рельефные светло-лиловые руки и не менее прокачанный верх спины.

Разумеется, я знала, что именно возмутило моего мужа: и увы, это была не парковка в неполюженном месте.

– Пф-ф-ф, можно подумать, он надорвется, если напялит приличный пиджак или толстовку, – продолжал брюзжать супруг. – Ужас какой! Вот как ему не стыдно ходить с таким цветом кожи? Светло-лиловый! Еще бы транспарант на себя повесил: «Я – полукровка!»

«Мы не выбираем, кем рождаться. Нельзя осуждать гуманоидов за то, кем они пришли в этот мир, только за то, кем стали».

– Морис, но ведь сегодня очень жарко. Он оделся по погоде.

Я мудро умолчала о том, что сама по просьбе мужа надела двуслойный теплый шарф, из-за которого теперь нещадно потела, но Морис утверждал, что так я выгляжу солидно и под стать положению замужней цваргини с двумя детьми.

– И что? Срамоту-то надо прикрывать! Нашел что на себя одеть! Неужели воспитание настолько скудное, что мальчишка не знает, что вот так демонстрировать светлую кожу неприлично?!

«Не одеть, а надеть. Лучше бы собственным образованием занялся...» – подумала я и тут же себя с горечью одернула.

К сожалению, на этой планете нельзя даже просто думать то, что хочется.

– Ориёлла. – Морис поморщился так, будто ему под нос сунули тухлую рыбу. – Я же говорил тебе так не делать, тем более в городской черте! Тебя же учили в этой... как ее там... школе для леди, как блокировать неприятные мысли. Сделай что-нибудь! Это, в конце концов, неприлично! Ты пахнешь!

– Извини.

«Вдох-выдох. Надо успокоиться».

Мы и правда на публике, нельзя так выдавать эмоции в ментальный фон... Тем более Морис – цварг со средними способностями, а каково вон тому мужчине в деловом костюме с мощными витыми рогами-резонаторами, который изо всех сил вежливо старается не оглядываться?

У меня ушла почти минута, чтобы очистить голову от негативных эмоций и улыбнуться. Как и всегда, мысли о Лансе и Лотте согрели.

– Ну вот и отличненько, теперь постарайся держать себя в руках все время, что мы будем в банке! – важно заявил Морис и потеревил единственную пуговицу пиджака на объемном пузе. В последний год он так растолстел, что никакие другие модели на нем не сходились. – Как я выгляжу?

Я взглянула на Мориса и механически поправила шелковый галстук, чуть-чуть его ослабив, чтобы собравшаяся на шее кожа не смотрелась двойным подбородком.

«Все верно, так должна поступать любящая жена, Орианн: заботиться о здоровом ментальном фоне и одежде мужа, готовить еду, убирать дом, – мысленно сказала я самой себе. – Ты сама вышла замуж за этого цварга, никто тебя не заставлял. Теперь у вас дети, так что будь добра, исполняй долг заботливой жены».

Мы поднялись по белоснежной центральной лестнице сверкающего здания с полупрозрачной крышей и множеством сделанных будто из хрусталя колонн.

Когда я впервые увидела это место, спросила:

«Это дворец?»

«Нет, глупенькая, это Первый Центральный Банк Цварга», – снисходительно ответил супруг, поправил мою ладонь на своем локте и принялся величественно подниматься по ступеням.

Я же смотрела во все глаза на потрясающую архитектуру и ничего не могла с собой поделать – от поглотившего восторга запиналась каждые два или три шага.

Сейчас я готова была вспорхнуть по ступеням как птичка, но Мориса мучила одышка, на висках выступили здоровенные капли пота.

– Погоди-погоди, Ориелла, – бормотал он. – Не выставляй меня в дурном свете. Какой недоразвитый малый проектировал это здание? Неужели нельзя было построить здесь лифт?!

«Это всего лишь лестница, Морис, и она совсем не большая. Два пролета. Я говорила, что столько жирного не переварить даже чистокровному цваргу, рано или поздно начнет сказываться на здоровье».

– Здравствуйте. Чем Первый Банк Цварга может вам помочь? Вы уже являетесь нашими клиентами или только хотите открыть счет?

Голос менеджера заставил сосредоточить внимание на нем.

Очевидно, сотрудник был новым, раз еще не знал нас в лицо.

– Мы хотели бы распорядиться ежемесячной дотацией от правительства на детей. – Морис гордо приосанился и выдал стандартную, до крайности неприличную, но почему-то считающуюся им глубоко интеллектуальной шутку: – Я заделал ей двойню с первого раза. Аппарат Управления Планетой официально признал, что у меня одни из лучших живчиков, и теперь платит за это.

Я вздрогнула на слове «заделал» и бросила на менеджера извиняющийся взгляд. Он понимающе кивнул и вежливо улыбнулся. С точки зрения Цварга, беременность в течение года после свадьбы – это действительно «с первого раза».

– Так, господин... Как к вам можно обращаться?

– Господин Морис Мэрриш, – важно кивнул супруг. – А это моя супруга, Ориелла Мэрриш.

Вообще-то Орианн. Морис украл не только мою фамилию, но и имя. Убедил, что имя звучит слишком по-эльтонийски, а так как со своей внешностью я могу претендовать на то, чтобы считаться чистокровной цваргиней, да и выхожу за него замуж, имеет смысл переделать имя и указать в новых документах более благозвучное и цваргское... Тогда я искренне думала, что он таким образом проявляет обо мне заботу.

– Нам полагается четыреста кредитов от АУЦ...

– Да-да, секунду, сейчас проверю по базе.

Менеджер провел нас в индивидуальный кабинет-аквариум с прозрачными стенками и быстро набрал на клавиатуре нужный запрос. Пока он занимался работой, я рассматривала плитку на полу и клиентов в других кабинках. Мужчин, как обычно для Цварга, оказалось существенно больше, чем женщин. Большинство надело легкие льняные костюмы или вовсе потертые джинсы с футболками. Цваргини предпочли яркие платья. Ни одна из них не стала повязывать на шею шарф или платок. Я с завистью посмотрела на молодую цваргиню в легком клетчатом сарафане по колено. Ее мужчина положил руку ей на талию и незаметно поглаживал спину, пока она шумно общалась с менеджером.

Какое же жаркое лето в этом году!

– Итак, господин Мэрриш, прежде чем переходить к вопросу о распределении ежемесячного родительского капитала, я вижу, что ваш предыдущий менеджер почему-то не заполнил поле работы. Подскажите, кем работает ваша супруга?

– Пф-ф-ф, никем, разумеется! Вы что, собираетесь унижить меня, будто я не могу содержать собственную семью?! Я буду жаловаться вашему руководству!

– Нет-нет-нет, вы не так поняли! – Сотрудник слегка побледнел. – Замужние цваргини имеют право заниматься всем, чем хотят... Многие начинают собственный бизнес, потому что им это нравится. Вас никто ни в коем случае не унижает... Это же просто анкета! Банк хочет знать максимально полную информацию о клиентах, вот и все.

– Ах, ну если так... – Морис заметно расслабился. – Нет, Ориелла не работает. Она большую часть дня отдыхает.

«Только убираю, готовлю, глажу, стираю, заказываю еду и одежду, помогаю детям делать уроки, гуляю с ними и читаю сказки на ночь... Но да, денег в семью я не приношу», – горько подумала я про себя.

Менеджер сделал пометку в компьютере.

– А вы кем работаете?

– Я – специалист по логистическим операциям.

– Простите... а какая фирма?

– Я работаю исключительно на себя.

– А, то есть вы консультируете малый бизнес, как правильно перевозить товар? Межпланетные перелеты?

– Не совсем, я работаю с людьми в рамках планеты...

Я тихо вздохнула, в тысячный раз слушая, как Морис иносказательно объясняет, чем занимается. С тех пор как у нас родились близнецы, он не менял профессию, но по необъяснимым для меня причинам стал ее стыдиться. Статус отца настолько ударил ему в голову, что вдруг стало неловко произносить слово «шофер». На Цварге царила настоящая катастрофа с рождаемостью и перекосом в сторону мужчин, но я и представить не могла, что Морис вдруг застесняется прежней двухкомнатной квартирki в городе, оформит неподъемную ипотеку на трехэтажное поместье в предгорье, начнет покупать дорогостоящие костюмы и всячески делать вид, что мы баснословно богаты, когда это не так.

– Итак, с этим покончили, господин Мэрриш. Как бы вы хотели распределить четыреста кредитов от государства? Я вижу, что вам в этом месяце надо внести еще двести на дом, а также есть незакрытые кредиты в магазине элитных костюмов от Каррисона и в частном ювелирном.

На последнем слове молодой цварг бросил на меня лукавый взгляд, очевидно предполагая, что господин Мэрриш решил побаловать жену подарком. Кисловатая горечь растеклась во рту. Банковский клерк даже представить себе не мог, что все счета из ювелирных за последние годы выставлялись исключительно за драгоценные запонки и ремешки к многочисленным мужским коммуникаторам.

Морис поморщился. Он явно не рассчитывал, что банк увидит еще и эти долги.

– Хм-м-м, да, переведите все на ипотеку и в магазины, а остаток я бы хотел, чтобы вы внесли на счет кейтеринговой компании. Вот реквизиты.

Он порылся в кармане, вынул кожаную визитницу и протянул визитку.

– Всю сумму? Получается восемьдесят шесть кредитов, – деловому уточнил консультант.

– Да, все восемьдесят шесть кредитов, – уверенно кивнул Морис.

Празднование восьмилетия мальчишек на плэйере на широкую ногу стало его следующей навязчивой идеей.

«Он очередной раз решил спустить деньги на свои желания».

Я протестующе дотронулась до рукава супруга.

– Госпожа Мэрриш, у вас есть какие-то возражения? Банковский служащий оказался внимательнее мужа.

Морис нахмурился и раздражающе похлопал меня по руке:

– Ну что же ты, дорогая, мы все обсудили. Послезавтра день рождения близнецов. Неужели ты не хочешь, чтобы их праздник был хорошим?

«В том-то и дело, что я хочу. Хочу видеть искренние улыбки Ланса и Лотта, когда они получают желанные игрушки, воздушные шары и торт в виде истребителя. Хочу, чтобы их день им запомнился как лучший в году благодаря веселым играм с ровесниками, а не толпу твоих франтов-приятелей, которые будут есть мидии и пить шампанское за наш счет и наверняка даже забудут принести детям подарки».

– Возможно, не стоит спускать все деньги на кейтеринговую компанию.

– И что же ты предлагаешь? – Муж нахмурился еще сильнее. – Я же не могу тебе позволить провести у плиты весь день.

«Действительно, кто же тогда будет поддерживать чистоту в трехэтажном поместье и перестилать постельное белье для неожиданных гостей?»

За годы брака Морис всегда обесценивал все, что я делала. Он умудрялся выворачивать наизнанку ситуации так виртуозно, что долгое время я верила, что ведение хозяйства и воспитание детей не являются работой. Обязанностью женщины – да, работой – нет. Когда же я уставала так, что сбивалась с ног и мечтала о сне, Морис говорил что-то наподобие: «Я же не могу тебе позволить провести у плиты весь день» – и обязательно добавлял, какой он замечательный супруг, который зарабатывает кредиты ради блага семьи. После его утешений всегда становилось стыдно, что я испытываю усталость от своей не-работы.

– Вообще-то я имела в виду, что Ланс и Лотт наверняка обрадуются больше, если мы пригласим их друзей из школы.

– Вот пускай друзья и поздравят в школе.

Супруг сделал ударение на последнем слове, тем самым пытаюсь прекратить спор. Но внезапно я уперлась.

– Я не думаю, что мальчики хотят видеть на свой день рождения незнакомых взрослых.

– Зато их хочу видеть я. – Тон Мориса показывал, что он ощутимо разозлился, но из последних сил старается сдерживать себя в присутствии постороннего. – Я отец семейства и раз в год могу позволить себе такой праздник. Я зарабатываю деньги в этой семье, и потому я решаю, как их потратить. Все! Ориелла, не спорь со мной, пожалуйста. Я много раз просил тебя все важные вопросы поднимать дома. Мы все уже обсудили.

Последняя фраза была обращена к менеджеру. Тот отвел взгляд и торопливо протянул биосканер для подтверждения финансовых операций. Морис с размаху приложил ладонь, и техника последовательно мигнула четыре раза: ипотека, магазин, ювелирная мастерская и кейтеринговая служба.

– Теперь ваша очередь, госпожа Мэрриш. – Сотрудник банка передал биосканер в мои руки. – Дождитесь, пожалуйста, четырех огоньков, это будет подтверждением всех транзакций.

Я взяла устройство в руки и задумчиво уточнила:

– А если я не буду подтверждать три последние операции? Я могу подтвердить только первую?

– Ориелла! Что ты себе позво...

Я буквально кожей ощутила, как вскипает и заводится муж, но и сама уже была на пределе. Это деньги, которые дает государство на детей. И если Морис хочет праздник в свою честь, то пускай зарабатывает на него сам. Мне надоели его скачки настроения и неограниченные траты на себя любимого за наш счет.

– Да, конечно, вы можете подтвердить только взнос на ипотеку, – не моргнув глазом сообщил клерк. – В таком случае перевод будет только за дом.

– А оставшиеся двести кредитов?

– Будут заморожены и останутся лежать на счету Ланса и Лотта Мэрриша. Потратить вы их сможете, только если придете с мужем к взаимному согласию и каждый подтвердит операцию своим отпечатком.

– То есть не сгорят?

Когда мы получили первую дотацию по рождению близнецов, Морис уверял, что если деньги не потратить, то государство придумает причину, по которой их можно отобрать. Сейчас я склонялась к тому, что он просто умело играл словами.

Молодой цварг посмотрел на меня почти возмущенно:

– Нет, разумеется!

Я кивнула, поднесла ладонь к биосканеру, дождалась первой вспышки и тут же убрала руку. После чего в абсолютной тишине вышла на улицу. Кипящий от возмущения Морис шел позади на несколько шагов. Не надо было обладать способностью мужчин-цваргов читать эмоции, чтобы понять: когда придем домой, разразится очередной скандал.

Так оно и вышло.

Морис припарковал флаер, наехав на куст роз, который я удобряла несколько месяцев, чтобы он прижился на новом месте, хлопнул водительской дверцей и резко развернулся.

– Ты выставила меня нищевродом! – заорал он, стремительно краснея.

В его системе координат самые ужасные оскорбления касались низкого заработка и намеков на смешанную кровь. Даже удивительно, что он взял меня в жены, зная, что я наполовину эльтонийка.

– Ты не спрашивал моего согласия на эти траты. Я сделала лишь то, на что имела право.

– Я спрашивал твое согласие, когда ты выходила за меня замуж! Этого достаточно. Ты сказала «да», хотя знала, что я всего лишь шофер, а теперь попрекаешь меня этим!

– Не попрекаю. Я всего лишь хотела, чтобы деньги на детей...

– Вот! Вот! Снова деньги! Ты только о них и думаешь! Меркантильная эльтонийка! Я дал тебе все: дом, детей, образование, зарплату, гражданство Цварга, а ты только и думаешь о деньгах. Меня предупреждали, что женщины с Эльтона – расчетливые твари, но я не представлял себе, до какой степени! – в сердцах воскликнул супруг.

Кислая горечь, которая поселилась во рту еще во время пребывания в банке, растеклась по языку и медленным ядом впиталась в кровь. Резко захотелось не то плакать, не то истерично смеяться. Морис так негодовал, будто действительно верил в то, что говорил. Он так слеп, ограничен или глуп?

«Орианн, как ты этого раньше не замечала? Как?!»

Солнце пекло, проклятый шарф физически душил. Я отбросила конец ткани за спину, чтобы было не так тяжело дышать, но страшно хотелось сорвать его целиком, скомкать и бросить на траву. Однако это был мой единственный приличный шарф, который универсально сочетался с большинством платьев из гардероба.

«Вещь здесь ни при чем. Вещи надо беречь».

– Вселенная, Морис, о чем ты говоришь?! За дом платит государство, которое дает дотации на Ланса и Лотта. Уж прости, но детей носила, рожала и воспитывала я! На Эльтоне я училась на архитектора, но ты заставил меня бросить колледж, это было твоим условием. На Цварге же все, чему я успела научиться до родов, – это школа для истинных леди-цваргинь. Воспитание, этикет и прочая ерунда, которая мне вообще никогда не была бы нужна, живи я на другой планете. Местное гражданство?! А я просила о нем?

Краска стала заливать не только щеки, но и шею, лоб и уши Мориса. Еще немного, и впору было бы опасаться, что у него начнется сердечный приступ, вот только у цваргов не бывает проблем с сердцем.

– И это твоя благодарность?! – свистящим злым шепотом выплюнул он, обогнул капот флаера и подошел так близко, что теперь нависал надо мной. В процессе ругани единственная пуговица на пиджаке от-кутюр оторвалась и потерялась где-то в траве, но он не заметил этого. – Вот же ты дря-я-янь... Я тебе целый мир подарил! Я увез тебя с вшивой занюханной помойки! Ты была отбросом общества, а я сделал из тебя принцессу!

Я отшатнулась: конечно, Морис никогда не скрывал нелюбовь к смескам, но за десять лет брака он, наоборот, всячески показывал, что считает меня именно цваргиней.

– Я никогда не была отбросом, – пробормотала я шо-кированно.

– Ты была этой мерзкой эльтонийкой! Какие у тебя были возможности на родине? Всем известно, что из эльтониек получают отборные шлюхи, но, видимо, и тут мне попалась бракованная. Да ты бы с голоду умерла, если бы не я, кошелка неблагодарная!

Тело буквально парализовало, когда Морис упомянул постель. Секса между нами не было уже несколько лет – то небольшое, в чем он так и не смог переkreить меня, однажды придя домой весь в духах и

помаде любовницы. Я растила детей, исполняла обязанности хорошей жены во всем, что не касалось интима, и... мечтала о разводе.

Лицо мужа исказилось от гнева, ноздри расширились, делая лицо непривлекательным, а ладони сжались в кулаки. Мощный хвост Мориса с острым шипом вспорол дерн.

Если честно, то я хотела, чтобы он меня ударил.

Если бы ударил, это можно было отнести к жестокому обращению и добиться расторжения брака. Если бы он прошелся бета-колебаниями, то можно было бы просканировать мой мозг в клинике и зафиксировать давление в ментальном плане. Я узнавала. Если бы он сделал то или другое, это развязало бы мне руки.

Но Морис прекрасно справлялся одними словами.

– Ориелла, очнись от своих влажных фантазий и посмотри на себя! Ты была жалкой, а со мной стала официально чистокровной цваргиней, которая сидит дома и ничего не делает, да еще и чем-то недовольна. Да ты ноги должна мне целовать, а не выставлять олухом перед менеджером банка!

– Я хочу развод.

Не знаю, как я отважилась это произнести. Просто вырвалось само собой.

Он картинно рассмеялся.

– Вселенная, что за чушь ты несешь?! На Цварге не существует разводов.

– Они не предаются огласке из-за плохой демографической ситуации на планете, но они существуют, – возразила я. – Если пара выполнила долг перед расой и завела детей. У нас их двое, а следовательно, если ты подпишешь бумаги, то развод одобряют.

– Где же ты этой чуши набралась, мышка-глупышка? – Он все еще посмеивался, но улыбка на его лице выглядела насквозь фальшивой. – Ты же это не серьезно, Ориелла? Это совершенно не смешная шутка.

Супруг заглянул мне в глаза, пытаясь понять, насколько основательна я в намерениях.

– Я ходила к адвокату.

– И кем же ты будешь, если получишь развод? – насмешливо уточнил Морис.

– Архитектором... У меня неоконченное образование, но думаю, меня бы могли взять стажером-помощником в крупную

межгалактическую фирму. Я действительно не понимаю, почему мы живем вместе. Это не тот брак, которого я хотела, да и наверняка не тот, которого хотел ты. Он меня душит. Отпусти, пожалуйста.

Я осеклась, поняв, что ошибочно приняла тихое клокочущее бешенство мужа за насмешку.

– Не понимаю, чем ты недовольна. Ты хотя бы осознаешь, что послезавтра восьмой день рождения наших детей?! – прорычал Морис.

– Мам, пап, что случилось? Вы же не ссоритесь опять?

Калитка скрипнула, и на пороге появились похожие друг на друга, как две молекулы, Ланс и Лотт. За нашим спором мы и не заметили, что мальчишки вернулись из школы. Личики детей с плохо скрытым подозрением уставились на нас. На их головах месяц назад только-только проклюнулись резонаторы, и, хотя еще пройдут годы, прежде чем Ланс и Лотт научатся в полной мере считывать эмоции существ из воздуха, ближайший день рождения должен стать для них особенным.

«Хорошие родители никогда не ссорятся перед детьми».

Я судорожно пыталась подобрать правильные слова, но Морис меня опередил:

– Мы и не ссоримся, дети. Просто выбираем имя.

– Имя? О, это для щенка, да? Вы подарите нам щенка на день рождения?!

Муж снисходительно улыбнулся:

– Нет, мы выбираем имя для будущей принцессы Мэрриш. Ваша мама заскучала, сидя в четырех стенах, вы же теперь и вовсе ходите в школу. Вы же хотите сестричку?

– Да-а-а, – немного вяло отозвались мальчишки. Очевидно, щенка они хотели больше, но тут Ланс ткнул под ребра Лотта, и тот поспешно закивал: – Да-да, конечно, пап, мы очень хотим сестру!

Сердце ухнуло куда-то в пятки. Я уставилась на Мориса, не веря своим ушам. Сестричку? Что?! Еще один ребенок?

Первые роды прошли с колоссальными осложнениями, и больше полугода я приходила в себя, одновременно вставая по ночам к близнецам, кормя их, меняя подгузники... Муж пропадал на работе и совсем не помогал с детьми. Моей матери в визе на Цварг отказали, а просить помощи у родни Мориса запретил сам супруг, сказав, что таким образом я его унижаю. Что он, не способен заработать на помощницу по дому? По факту, когда я просила помочь с уборкой

дома, готовкой или малышами, Морис всегда был занят, а помощница существовала лишь на словах. Более того, каким-то образом Морис всегда поворачивал наши разговоры так, что я начинала чувствовать себя виноватой: он работает с утра до вечера, а я не могу проследить за детьми и всего лишь прибраться-приготовить. Из-за прихоти супруга в покупке поместья я восемь лет была и уборщицей, и поваром, и садовником и делала то, что, по идее, должен делать целый штат прислуги, которого у нас не было. Я выматывалась, а еще заботилась о детях...

Я бесконечно устала и меньше всего на свете хотела еще одного ребенка. Вселенная! Да мне была противна даже мысль о том, что Морис будет до меня дотрагиваться после череды любовниц, которые у него были!

Я всегда думала, что то одеревенение в интимном плане, которое напало на меня после родов, – это следствие действия каких-то высших сил, потому что даже они понимали, что мне не нужен еще один ребенок. Я просто не справлюсь. Ко всему, на Цварге законом запрещены контрацептивы. Чтоб эти чиновнички, которые к цваргиням как к скоту относятся, в гробу перевернулись!

«Нет. Не хочу!»

– Ты не посмеешь, – проговорила я одними губами.

– Дети укрепляют брак. Дорогая, ты просто бесишься оттого, что скучаешь, – уверенным тоном сказал Морис. – Я навещу тебя в спальне сегодня вечером.

Глава 2

Свидание вслепую

Себастьян Касс

– И вот, представляете, я открыла дверцу, и вещи выпали на меня всем скопом.

Джун рассмеялась веселым, звонким, словно колокольчик, смехом.

Себастьян Касс смотрел на девушку с легкой полуулыбкой. Его родители – знаменитые на всю Юнисию Север и Вивьен Касс – не понимали, зачем сын в который раз возвращается на историческую родину и пытается найти себе невесту-цваргиню. Себастьян и сам толком не мог объяснить, что именно его тянуло на Цварг, ведь на Юнисию постоянно прибывали студенты из самых разных уголков Федерации.

Чистота крови будущей супруги? Нет, пожалуй, Себастьян никогда за ней не гнался. Да и его мать на три четверти человек, на четверть миттарка, и лишь благодаря тому, что гены цваргов одни из самых сильных, он родился тем, кто есть.

Образование? Снова нет. Да, на Цварге девушки поступают в котирующиеся на просторах Федерации институты и университеты, но Себастьян был искренне уверен, что учиться никогда не поздно – было бы желание.

Классическое цваргское воспитание? Будучи гражданином и проведя большую часть жизни на Юнисии, Себастьян сам являлся полным профаном в том, что касалось этикета родной планеты. Дедушка Сильвестр пытался вложить в его голову знания, но все это казалось абсолютно бессмысленным по сравнению с действительно важными вещами: точными астрономическими картами, физико-техническими свойствами истребителей, молекулярно-генетическими таблицами различных рас и основами юриспруденции. Из всех мудреных и многочисленных правил этикета Себастьян выучил лишь основное: чтобы прикоснуться к цваргине, необходимо получить на это ее разрешение. В остальном он решил полагаться на собственное чутье.

– Я получила вашу анкету от Планетарной Лаборатории, – тем временем щебетала Джун, помешивая трубочкой манговый фреш. – Там упомянуто, что у вас есть коттедж на сваях на Миттарии и квартира в южном полушарии Цварга. Это правда?

Цваргиня отпила немного сока и заинтересованно склонила голову набок. Иссиня-черные волосы рассыпались по плечам нежного лавандового оттенка. Джун понравилась Себастьяну и внешне, и по эмоциональному фону. Ее бета-колебания пахли вкусно, и он был уверен, что мог бы построить семью с такой милой цваргиней.

Возможно, для первого свидания с девушкой на Юнисии или любой другой планете Федерации спрашивать вот так в лоб о том, сколько зарабатывает мужчина и какая у него недвижимость, не очень-то красиво, но для Цварга – нормально. Себастьян посетил уже не первое свидание и четко усвоил этот нюанс. На его исторической родине девочек рождается исчезающе мало, а потому Планетарная Лаборатория собирает анкеты всех девушек в детородном возрасте в единую базу, а затем подбирает им наиболее подходящих мужчин-цваргов и предоставляет списки на выбор. Поскольку претендентов мужского пола в разы больше, обязательным пунктом является и финансовое состояние кандидата в супруги, чтобы девушкам было легче ориентироваться.

Себастьян Касс охотно кивнул. В вопросе Джун, судя по эмоциональному отклику, не звучало меркантильности, лишь непосредственное любопытство.

– Да, у меня здесь есть квартира, так как на Цварге проживают родственники со стороны отца, а на Миттарии я приобрел дом из-за бабушки и тети по линии матери. Но недвижимость в этих Мирах куплена исключительно ради удобства: мне не очень нравится останавливаться в отелях, да и случалось несколько раз, что я внезапно сорвался на голубую планету, а все отели забиты битком. Приходилось ночевать или на орбите в тесном салоне истребителя, или проситься в хостел под водой... Сомнительное удовольствие. Основное время я проживаю на Юнисии. У меня там... два личных острова.

– О! – На лбу собеседницы проступили горизонтальные морщинки. – Юнисия-Юнисия... Хм-м-м... Я что-то слышала про этот Мир, но никак не могу вспомнить... Кажется, это что-то на задворках Федерации. Там какой-то из мелких филиалов Академии Космофлота

располагается? Вы военный, что ли? А когда закончится контракт, вы сможете вернуться на Цварг?

Себастьян почувствовал, что диалог свернул на тонкое лезвие и теперь придется балансировать, чтобы понравиться. Чета Кассов находилась в дружеских отношениях с ректором филиала Академии на Юнисии, а потому Себастьян посещал все лекции, какие ему были интересны, еще будучи подростком, имел весьма разносторонний бэкграунд, но фактически контракта с Космофлотом не подписывал.

– Нет, я не военный.

– О, то есть вы можете вернуться на родину в любой момент?

– Да, но...

Себастьян уловил вспышку радости от Джун и на секунду заколебался. Стоит ли говорить правду вот так, с первой встречи? Он помотал рогатой головой: что за вопрос, конечно стоит! Чем раньше все точки будут расставлены над рунами, тем проще будет в будущем. Гораздо хуже все сложится, если у них завяжутся отношения или, не дай Вселенная, у него сформируется привязка к ее бета-колебаниям, а она наотрез откажется перебираться в другой Мир.

Касс кашлянул.

– Дело в том, что я ищу цваргиню, которая захотела бы переехать на Юнисию. Разумеется, все вопросы по визе и прочие юридические тонкости я беру на себя.

Изящные брови Джун удивленно приподнялись.

– Хм-м-м... Я признательна за вашу откровенность. Расскажите мне... о Юнисии?

– Ну... – Себастьян задумался, с чего начать. – Это планета действительно удалена от популярных космотрасс, находится в одном из крайних секторов Федерации, и из инфраструктуры фактически есть только Академия и жилые дома. Юнисия вращается вокруг звезды-магнитара Соло, и в ее почве превалирует вещество с магнитными свойствами, так что поверхность представляет собой отдельно летающие острова в разреженном море. Вода по большей части тоже в необычном состоянии – похожа на кучевые облака.

– О-о-о... Летающие острова среди тумана! Красиво, наверное, – восторженно протянула Джин. – Вид из кабрио-флаера, должно быть, фантастический!

– Гхм-м-м... Из-за высокого содержания магнуса в ядре и почве Юнисии обычная техника там не работает. – По эмоциональному фону Касс почувствовал замешательство Джун и поспешил заверить: – Коммуникаторы, конечно же, работают. Их изготавливают в изолирующих чехлах... Громадные такие получаются, но звонить и общаться можно. А вот крупной техники вроде кабрио-флаеров нет. Зато есть костюмы, в которых можно плавать между островами, простенькие механические лодки, а на суше многие используют велосипеды.

Улыбка Джун померкла.

– Громоздкие коммуникаторы? Велосипеды? Никаких флаеров?

– Никаких, – подтвердил Себастьян. – Зато воздух очень чистый, экология потрясающая и растут удивительные овощи и фрукты, которых не попробовать в остальных Мирах Федерации.

Джун задумчиво потеревила трубочкой мякоть в манговом соке. Она явно старалась прятать эмоции, что на Цварге считалось хорошим тоном, но нет-нет и короткие бета-колебания озадаченности и разочарования проскакивали в ее ментальном фоне.

– А-а-а... торговые центры? Их много? Есть с иллюзионами или парками развлечений? – уточнила девушка с надеждой.

– М-м-м... нет. – Касс задумался, как бы объяснить, что такое Юнисия. Это Мир, который живет по другим правилам. – Боюсь, нет ни того ни другого. Высокие здания и массивные сооружения строить на островах нельзя. Как я уже говорил, они парят в атмосфере, и когда ядро планеты проворачивается, магнитный фон меняется, острова взмывают вверх или вниз... Получается что-то вроде небольших землетрясений.

– Землетрясений?!

Себастьян уловил резонаторами отчетливый испуг собеседницы и тут же попытался сдать назад:

– На самом деле последние десятилетия они совсем небольшие, похожи на периодическую дрожь, к ним очень быстро привыкаешь. У Космофлота даже есть отделение, которое занимается метеорологическим прогнозом сейсмических активностей Юнисии. Но из-за этой особенности планеты здания по технике безопасности строят не выше двух этажей и не очень большие.

– А... понятно, – протянула Джун невесело. – А что было раньше? Я имею в виду, почему вы сказали «последние десятилетия»?

– О, так вы ничего не слышали о звезде Соло? Она испускала опасное вещество... Но вы не беспокойтесь. Мой отец, Север Касс, придумал способ нейтрализовать звезду-магнитар, и сейчас жить на Юнисии совершенно безопасно.

– Север Касс? – Цваргиня вновь нахмурилась. – То есть вы сын того самого Касса? Который забрал с Цварга всех самых слабых и ущербных мужчин с недоразвитыми резонаторами, чтобы что-то там подпитывать?

– Да, техническое устройство, стабилизирующее Соло.

На симпатичном лице цваргини отразилась смесь противоречивых чувств, и сколько она ни старалась удержать этот коктейль в узде, прикрыв его вежливой улыбкой, эмоции прорвались в бета-фон. Себастьян понял, что свидание окончательно и бесповоротно провалено. Джун явно не понравились ни перспектива переселения на Юнисию, ни упоминание о том, что его отец когда-то стал символом и надеждой для тех цваргов, которых на родине называли отказниками – полукровок и мужчин, по тем или иным причинам не способных качественно читать ментальный фон.

И вот парадокс: на Юнисии отец считался героем и его фамилия звучала впереди имени, а на Цварге данное сочетание звуков оказалось сродни ругательству. И там и там окружающие видели не столько умного и образованного молодого профессора астробиологии Себастьяна Касса, собственными мозгами и трудом заработавшего внушительный капитал в свои тридцать пять лет, сколько богатого сыночка Севера Касса или отпрыска аристократической ветви Кассов... Кого угодно, только не того, кем Себастьян себя чувствовал.

«На самом деле я в который раз прилетел на родину потому, что хочу, чтобы будущая супруга полюбила меня за мои заслуги, а не за заслуги родителей», – внезапно с отрезвляющим осознанием действительности признался себе Себастьян.

На Юнисии Касс-младший мог заняться многими направлениями, но решил посвятить себя биологии. Отчасти потому, что это поприще еще не занято. Будь он математиком, физиком или техником, его заслуги приписывали бы отцу, стань успешным юристом – матери, а добейся высокого ранга в качестве военного, все бы тут же хором

сказали: «Разумеется, ведь его родители служили в Космофлоте!» Мало кто представляет, насколько психологически тяжело детям настоящего успешных гуманоидов. Ведь их всю жизнь сравнивают с родителями. Если сын или дочь оправдывают ожидания, то общество приписывает победы личным связям и знакомствам, если не оправдывают – то сочувственно вздыхают: «На детях гениев природа отдыхает». В последних случаях лишь самые стойкие личности не впадают в затяжную депрессию.

Себастьян Касс интуитивно чувствовал все это, еще будучи подростком, и поэтому мудро принял решение углубиться в астробиологию и проблемы межгалактической генетики.

«Так любые результаты, которых я добьюсь, будут только моими», – заявил он родителям, когда выбирал направление. Север и Вивьен приняли решение сына без каких-либо вопросов.

– Что ж, Джун. – Себастьян поднялся из-за столика. – Я благодарен вам за уделенное внимание, но вижу, что дальнейшее знакомство не имеет смысла.

– Да, пожалуй, не имеет. – Цваргиня смущенно отвела взгляд и прикусила губу. – Вы мне очень понравились, Себастьян, правда, но...

– Но вы не готовы ни к переезду на другую планету, ни к изменениям в жизни, – закончил за нее Касс и чуть было не добавил: «Ни породниться с теми самыми Кассами». – Джун, можете заказать любой десерт, какой пожелаете, я все оплатил. Не смею больше тратить ваше время.

Девушка облегченно кивнула.

– Спасибо за свидание и за цветы, Себастьян. Всего доброго.

Цварг засомневался, стоит ли согласно этикету спросить разрешения поцеловать руку на прощание, но Джун уставилась в меню ресторана, и Себастьян принял решение молча удалиться. Обед в элитном заведении из устриц с запеченной фасолью и тартаром из трех видов миттарских рыб на его кошельке не отразился, собственно, как и любой десерт, даже если Джун выберет их все.

Себастьян вышел из ресторана и прыгнул во флаер. Несколько секунд он раздумывал, куда полететь – то ли в собственную квартиру в южном полушарии, то ли в родовое поместье Кассов, где наверняка можно встретить кого-то из братьев отца – Софоса или Стефана. Как профессор астробиологии и межгалактической генетики, Себастьян

имел коварный план страсти с дядей минимум по пол-литра крови для экспериментов. Последние годы его не на шутку заинтересовала проблема рождаемости у собственной расы, да и странное соотношение, при котором на десять мальчиков и у цваргов рождалось всего две или три девочки. Особую ценность в этом плане играла кровь дядей еще и потому, что они являлись однойцовыми близнецами, но у Софоса уже имелось две дочери от эльтонийки, а у Стефана детей не было.

Пока Себастьян выруливал с парковки, коммуникатор загорелся входящим звонком.

– Привет, мам! – бодро откликнулся Касс, переводя звонок на громкую связь, чтобы удобнее было вести флалер.

– Привет, дорогой, – с той стороны послышался мягкий голос Вивьен Касс. – Как прошло твое свидание вслепую?

– Ой, да какое оно вслепую... Планетарная Лаборатория такие анкеты предварительные составляет, что тут разве что размер ноги только не знаешь о цваргине перед тем, как с ней встречаться. Хотя и это, думаю, они уточнят заранее, если одна из сторон попросит.

– Значит, впустую?

Вивьен, как всегда, понимала малейшие оттенки в голосе сына.

– Впустую, – со вздохом подтвердил Себастьян.

– Жаль... Но, может, не стоит заикливаться на списках Планетарной Лаборатории и дать судьбе найти тебя самой? Я имею в виду, что тебе всего тридцать пять... Да, конечно, мы с твоим отцом примерно в это время уже поженились, но ведь цварги живут очень долго – двести, а то и триста лет. По меркам расы у тебя еще масса времени впереди.

– Да, мам, наверное, ты права...

– А как поживает твое другое дело?

«Как у нее получается быть настолько внимательной?»

– Тоже глухо. Я пытался добиться встречи или хотя бы разговора с администратором Планетарной Лаборатории, но это, по-моему, еще сложнее, чем назначить аудиенцию сразу со всеми чиновниками из Аппарата Управления.

Себастьян замолчал, поморщившись от неприятных воспоминаний. В принципе ожидаемо, что ему не дали многомиллионную базу персональных данных жителей Цварга, но все

же он предполагал, что его хотя бы выслушают. Касс построил несколько теорий касательно деторождения на родине, но, чтобы их проверить, отчаянно не хватало информации о супружеских парах.

«Радуйтесь, что вас и так добавили в списки Лаборатории, – невежливо фыркнул сотрудник, подумав, что Себастьян благодаря степени профессора астробиологии элементарно хочет обойти соперников и заполучить контакты незамужних молодых цваргинь. – Вот выберет вас какая-нибудь девушка, тогда с вами и свяжутся, а так сидите и ждите очереди, как и все воспитанные цварги».

К счастью, Вивьен была достаточно чуткой матерью, чтобы понять: не стоит дальше расспрашивать сына о теме, на которую он не хочет говорить. Вместо дополнительных нежеланных вопросов о работе или неуместных «давай я попробую напрячь свои связи и договориться» она поинтересовалась:

– Когда тебя ждать на Юнисии?

Себастьян прикинул в уме.

– Я хочу взять кровь у дядей и всех знакомых цваргов, кто захочет поучаствовать в исследованиях, и, наверное, придется остаться на выходные, как-никак праздник на Цварге – Коралловый День. А там уже вылечу в сторону системы Соло.

– Хорошо, делай все, что запланировал. Мы будем ждать, – заверила его Вивьен и попрощалась.

Глава 3

Любовь и ненависть

Орианн Мэрриш

В зеркале отражалась молодая женщина с потрясающим оттенком кожи, напоминающим молодую сирень, густыми черными волосами, длинными ногами, несколько более пышной, чем у большинства цваргинь, грудью и тонкой талией. Изыщные черты лица, аккуратный нос и уши, миндалевидный разрез глаз и еле заметное мерцание кожи – расовая особенность эльтониек, которая в моем случае проявилась как золотистая пудра. Природа-художница по кусочкам умудрилась взять лучшее от матери-эльтонийки и отца-цварга.

Я смотрела на свое отражение и ощущала, как горькая глухая ненависть медленно, но верно разъедает внутренности. Я чувствовала себя мертвой. Собственно, я была мертвой: красивая оболочка при выжженной безжизненной пустыне внутри. Глубокая старуха с внешностью цветущей девушки. Бессонные ночи из-за двух гиперактивных малышей при полном отсутствии поддержки со стороны, ежедневная уборка огромного поместья и готовка еды, физически тяжелая работа в саду, бессчетные, выматывающие нервы ссоры с супругом – все это отразилось лишь парой морщинок вокруг глаз да чуть потрескавшейся от сухости кожей рук. В остальном эльтонийская кровь и цваргская регенерация сделали то, о чем мечтают миллионы женщин.

Я ненавидела собственную внешность.

Как же мне хотелось отмотать время назад и стать если не уродиной, то хотя бы просто незаметной. Вселенная, если бы это было возможно! Тогда бы Морис не обратил на меня внимания, я бы не бросила колледж на Эльтоне, не попала бы в ловушку брака... Я была бы свободна от Цварга!

Нестабильные туннели и черные дыры! Как же я хотела развода! Я хотела его до такой степени, что даже однажды, скопив тайком нужную сумму из тех крох, что Морис давал на хозяйство, обратилась с этим вопросом к юристу. Вот только ответ профессионала был до мурашек жутким.

«Госпожа Мэрриш, вы цваргиня, и у вас двое детей в браке. Вы хотите развод, я правильно понял?»

«Почти... Муж при оформлении документов указал мою расу как „чистокровная цваргиня“. Он посчитал, что я буду так чувствовать себя на этой планете уютнее, тем более что внешность позволяет. Но я родилась на Эльтоне, мать – эльтонийка. Просто гены отца-цварга в моем случае оказались сильнее».

«Ох, сложная ситуация... Если бы вы были зарегистрированы в Планетарной Лаборатории как полуэльтонийка-полуцваргиня, еще можно было бы что-то обсуждать. На браки с представителями других рас правительство смотрит немного иначе... Но для пары цварг-цваргиня разводов на планете нет».

В горле образовался ком горечи.

«А если я сдам анализы крови, соберу доказательства, что родилась на Эльтоне?»

Адвокат на несколько секунд задумался, затем отрицательно покачал головой:

«Не поможет. У вас уже двое сыновей, и они признаны Лабораторией чистокровными. Верно же? Боюсь, в данном случае этот факт играет более важную роль. Правда... тут, наоборот, как гражданка Цварга вы можете попробовать уповать на выполненный долг перед расой. Если есть здоровые дети и супруги настаивают на разводе... – Мужчина осекся. – Вы думаете, господин Мэрриш не поддержит развод?»

Истеричный смешок вырвался у меня сам собой.

«Это же будет означать, что он не удержал жену, – подумала я тогда. – Это уронит его репутацию в глазах приятелей, все станут судачить о нас, копаться в браке и выяснят, что он работает шофером. Позор! Ах да, еще наверняка что-то случится с дотациями от государства...»

Юрист правильно расценил мою реакцию и развел руками:

«Если ваш муж не желает развода, то, увы, никакая юридическая казуистика не поможет. В любой момент господин Мэрриш может объявить, что у него сформировалась ментальная привязка на ваш организм. При таком раскладе Аппарат Управления в жизни не даст развода. Это же будет означать аналог подписания смертного приговора. Понимаете?»

Я понимала, что, однажды сказав «согласна», попала в тюрьму.

Отражение в тусклом свете ночника выглядело загадочным и притягательным, как будто бы с той стороны была полная сил и энергичная Орианн, а с этой – потрепанная жизнью, сломленная и растоптанная Ориёлла. Испытывая глухую ненависть к той Орианн, что смотрела на меня из зеркала, я схватила ножницы и на глаз откромсала волосы по плечи. Почему? Да потому, что на Цварге длинные волосы считались признаком женственности, а мне во что бы то ни стало хотелось стать страшенькой и непривлекательной для мужа. Новая прическа добавила образу немного трогательной невинности.

Я разрыдалась.

Когда же любовь закончилась в нашем браке? Когда счастливые дни превратились в мучительную пытку? Когда же это началось?

Я попыталась припомнить. Определенно, в тот день, когда Морис сделал предложение, я искренне считала, что вытянула лучший билет в жизни. Будущий муж вскружил голову галантными ухаживаниями, а рассказы о том, как из-за малочисленности женщин холят, лелеют и носят на руках на Цварге, и вовсе сделало образ закрытой планеты чем-то сродни раю.

В один прекрасный день Морис опустился на колени, произнес красивую речь и открыл бархатную коробочку с кольцом. Он работал шофером, но для прежней меня – наивной полукровки, которой только-только исполнилось двадцать один год, – он получал целое состояние, да и Цварг всегда был существенно богаче Эльтона. Морис казался принцем из сказки, который должен увезти в волшебный Мир с драгоценными горами и розовыми озерами.

Когда я забеременела, муж в порывах гиперопеки стал запрещать мне есть определенные продукты – он считал, что при употреблении красного мяса, креветок, помидоров или клубники у детей могут проявиться классические черты эльтониюк – волосы будут с розовым оттенком. Он составил разрешенный список из черной, сиреневой и синей пищи. Начались первые ссоры.

«Тебе настолько плевать на будущее наших детей, что ты не можешь себя временно ограничить в еде? Что ты за матерью-то будешь?! Я, между прочим, вкалываю с утра до ночи, чтобы обеспечить будущее. А где твой вклад?»

Я пыталась объяснить, что масть детей, цвет волос, кожи и глаз закладываются генетически, а не временными диетами, но он упорно стоял на своем.

На последних сроках беременности я стала много ворочаться во сне и часто вставать с кровати по ночам. Муж попросил переехать в другую спальню, чтобы не мешать ему высыпаться. Собственно, планировка нового дома это позволяла, и я согласилась, да и отдельные спальни у супругов на Цварге считались нормой.

Первые месяцы после родов оказались очень напряженными: кормление, пеленки, памперсы, режущиеся зубы, боли в животиках... Все это я мужественно преодолевала в одиночку, потому что муж всегда был на работе. Несколько раз я просила прийти пораньше и помочь или хотя бы нанять нянечку на несколько часов в день, чтобы я элементарно могла спокойно помыться и не беспокоиться, что мальчишки в это время выберутся из кроваток, но муж отмахивался: «Ты знаешь, сколько стоит ручной труд на Цварге? У нас все деньги идут на ипотеку» или «Не ерунди, все как-то справляются, и ты справишься. Они же мелкие совсем, спят круглосуточно, какая это работа?»

Когда я указала Морису, что он покупает себе пятый деловой костюм от Каррисона, он взбеленился:

«Ты ничего не понимаешь! Я покупаю дорогую одежду, чтобы вращаться в нужных кругах. Чтобы стать богатым, нужно для начала выглядеть и чувствовать себя как богатый! И вообще, я заработал эти деньги – как хочу, так и трачу».

А я действительно не понимала. Из-за трат на одежду супруг не стал зарабатывать существенно больше, зато вместо профессии шофер стал называться себя специалистом по логистическим операциям.

Однажды, когда мальчикам было около годика и я с трудом их уложила после нескольких часов укачивания, Морис завалился в мою спальню и потребовал, чтобы я исполнила обязанности жены, а я, измученная детскими капризами, больше всего на свете хотела спать, о чем ему и объявила. Он рассердился, накричал, но ушел.

В следующий раз он пришел через неделю, и диалог повторился слово в слово. Еще через неделю он завалился пьяным и заявил, что я обязана удовлетворить его как мужчину. Он так орал, а Ланс с Лоттом только заснули... Я понимала, что если не уступлю мужу, то близнецы

снова проснутся и расплачутся, а у меня будет очередная выматывающая бессонная ночь. Проще согласиться. Брак в ту ночь впервые напомнил вязкое, топкое и бездонное болото.

Не знаю, что именно не понравилось мужу, но для перерыва почти в год он сделал свое дело феноменально быстро и тут же ушел восвояси. На какое-то время его раздражительность и брюзжание пропали, а в следующий раз он появился на пороге спальни лишь через три месяца. Потом еще через три. Между нами установилось молчаливое соглашение, вот только Морис выглядел неудовлетворенным всякий раз после близости. Уголки его губ кривились книзу, у рта появились глубокие складки.

– А ты че, не? – однажды разочарованно спросил он. – Шварх, ну как так-то? Я ж стараюсь. Что ты холодная, как глыба-то, а?

Никогда не врите цваргу об эмоциях.

В следующий раз я попыталась симулировать наслаждение. Ох, лучше бы я этого не делала! Когда Морис раскусил меня, он взбесился так, что разнес в щепки половину спальни и лестницу, разбудил детей, а под утро и вовсе улетел из дома, хотя наступил выходной. Вернулся муж лишь через двое суток: снова в стельку пьяный, но на этот раз благоухающий сладкими женскими духами, в помятом костюме и с отпечатками карминовой помады на вороте рубашки.

– Это все ты виновата! Это от тебя вечно воняет, вот я и вынужден ходить по всякой швали! – заплетающимся языком бормотал Морис, пока я пыталась уложить его на диван на первом этаже, чтобы не перебудил мальчишек.

Стыдно признаться, но, увидев супруга в таком состоянии, я впервые почувствовала облегчение, потому что знала: ближайшие месяц-два он будет в хорошем расположении духа, не будет ссор по идиотским поводам, никто не будет мотать нервы – я смогу вздохнуть свободно.

Может быть, тогда любовь между нами окончательно умерла? Не знаю.

Загулы мужа участились, он будто ждал моей реакции на свои походы налево, а я молчала. Через какое-то время Морис и вовсе потерял остатки совести, приведя красотку домой. Ланс, только-только начавший говорить, тут же поинтересовался:

– Мам, а кто эта тетя?

– Папина подруга, – соврала я, не представляя, что еще можно сказать трехлетнему ребенку, который случайно столкнулся с полуголой девицей прямо в коридоре.

– А почему она пришла ночью? – удивился сын.

– Они решали важную задачу по работе.

В следующий раз, когда под окном запарковался флаер мужа, я взяла мальчишек за руки и провела три часа в саду на качелях, чтобы только они больше не увидели очередную «подругу» папы и не начали расспрашивать, что она делает у нас дома. Как и когда влюбленность в мужа трансформировалась в безразличие, отчуждение, а затем и в банальное в отвращение? У меня не было ответа.

Дверь в спальню скрипнула, но я не подняла взгляда, прекрасно зная, что это муж. Ноздрей коснулся отвратительный запах перегара. Я поморщилась.

«Зачем он так напивается?»

Морис молча приблизился и толкнул меня на кровать, навалившись каменной плитой сверху. Он стремительно, словно ураган, начал слюнявить мои губы, потом спустился ниже, на шею и ключицы. По ощущениям это было похоже на прикосновения склизких щупалец: так противно, что я невольно закрыла глаза.

«Не думать. Не чувствовать. Не смотреть...»

Мужские пальцы задрали ночнушку... Меня замутило от омерзения.

«Только бы он сделал все быстро. Только бы не забеременеть опять... Я просто этого не вынесу».

«А если все-таки забеременеешь?» – издевательски-вопросительно шепнул внутренний голос.

Чувство безысходности холодным ядовитым туманом проникло сквозь поры под кожу и парализовало тело: руки и ноги налились свинцом, легкие сжались, диафрагма поднялась и забыла, что нужно опускаться, сердце замерло... Все органы будто разом перестали работать.

Внезапно Морис остановился. Это было так неожиданно, что я распахнула ресницы.

– Ты моя жена! – четко выговорил он, несмотря на убийственный запах перегара. – Какого шварха ты меня не хочешь? Почему от тебя так воняет, что хочется пойти блевануть?

Это от меня-то воняет?! Я даже не сразу поняла, что речь о ментальном фоне.

– Этот смрад похож на запах гниющей рыбы или канализационные миазмы! Шварх, даже алкоголь его не перебивает, хотя я выпил предостаточно! – продолжал возмущаться супруг и все-таки слез с меня.

– Так, может, разведемся?

– В смысле разведемся?! – Забрезживший лучик надежды ослепляюще вспыхнул и потух. Морис икнул от негодования. – Что за бред ты продолжаешь нести?! Ты моя жена и должна быть благодарна за то, кем я тебя сделал! Да если бы не я...

«То я была бы счастливой».

– Морис, послушай! – Я стремительно одернула ночнушку и отодвинулась от него на приличное расстояние, пока он не передумал. – У нас уже получились замечательные дети. Долг перед расой выполнен что с твоей стороны, что с моей, у нас их вообще двое...

– ...А будет трое! – перебил супруг не слушая. – Мышка, любая нормальная женщина хочет детей. Тем более от мужа. Дети – цветы жизни! Что не так-то? Чем ты опять недовольна?

«Нормальная, – повторила я про себя. – Значит, я ненормальная».

– Я все уточнила, если ты согласишься на развод, то его дадут даже с тем, что меня считают чистокровной цваргиней. Мне дадут покинуть планету...

– Так это была не шутка?!

Он уставился так, будто у меня по меньшей мере вырос хвост.

«Вселенная, дай мне терпения убедить его!»

– Не шутка. Я не люблю тебя и не хочу. А ты не хочешь меня. Пожалуйста, дай мне развод.

Клянусь, на долю секунды я увидела в глазах Мориса панику. Он схватился за основания резонаторов и забормотал:

– Нет-нет-нет, Ориеллочка, дорогая, нет! Ни в коем случае! Ну как же я без тебя?! А как же дети? Ты хочешь, чтобы они росли без матери?

– В смысле без матери?

Я сглотнула колючий ком в горле.

За годы брака можно было посчитать часы, когда Морис проводил время с детьми. Обычно он говорит что-то вроде: «Вот вырастут резонаторы, тогда и поговорю с ними по-мужски». Мне всегда казалось, что для мужа важен сам факт наличия сыновей – и только.

– Разумеется, без матери. – Супруг уловил мой страх и стал увереннее. – Даже если ты какими-то правдами и неправдами добьешься развода, то Ланс и Лотт останутся на Цварге. Им нужен настоящий отец, который научит их быть цваргами не только по рождению, но и по сути – владеть резонаторами, читать эмоции! У тебя нет рогов, а значит, никто тебя с Цварга не отпустит, Ориелла. Так что выкидывай эти мысли из головы. Понятно?

Он с усилием поднялся с матраса, явно забыв, зачем приходил, и, пошатываясь, вышел из спальни. Я облегченно выдохнула. Что ж, по крайней мере, мне не пришлось делить с ним постель.

Глава 4

Встреча у озера

Орианн Мэрриш

Двадцать пятое июля – день рождения Ланса и Лотта – приходилось на один из самых крупных праздников на Цварга – Коралловый День. Он так назывался из-за того, что насыщенно-розовая вода в термальных горных озерах прогревалась до максимальных температур.

Морис так и не отказался от навязчивой идеи собрать гостей на природе. Из-за того, что я не подтвердила отпечатком ладони перевод в кейтеринговую компанию из родительского капитала, ему пришлось существенно ужаться в желаниях: заменить половину импортированных деликатесов «банальными» салатами, а вместо морепродуктов на такую ораву гостей и вовсе заказать синтетическое мясо – качественное, разумеется, но выращенное в пробирках, а не настоящее. Все утро он брюзжал. Но стоило прийти первым приятелям, как настроение Мориса заметно улучшилось. Я тихонько выдохнула.

Проследив, что у детей есть еда и питье – про последнее муж, разумеется, забыл, заказав лишь алкоголь, – я незаметно отошла от шатров. Родственники супруга, не видевшие близнецов уже несколько месяцев, хором уверили, что с удовольствием присмотрят за мальчиками.

Поместье Мэрриш находилось в десяти минутах ходьбы от озера с невероятным коралловым цветом воды, но я бывала здесь редко – обычно быт съедал все мои силы и время. По случаю национального праздника вдоль берега гуляли многочисленные влюбленные парочки, кто-то выбрался на пикник, расстелил цветастые пледы на изумрудной травке. Удивительное дело, близ воды июльская жара отступила, и я наконец-то вдохнула прохладный воздух полной грудью.

Ветер растрепал теперь уже короткие, по меркам местной моды, волосы. Кто-то из приятелей Мориса удивился преображению, но мне было ровным счетом все равно, что думают совершенно чужие цварги. Compliments «вы очень красивая» и «эта прическа делает вас еще

моложе» отзывались внутри сосущей горькой тоской, а восхищенные вздохи редких барышень «какой шикарный у вас дом и сад» звучали как тонкое издевательство. Разумеется, муж запретил упоминать, что у нас нет прислуги, но при этом потребовал убрать все три этажа до блеска, ведь «уберись хотя бы раз в год, что мы живем как в свинарнике? На подоконнике вон пыль уже собралась». И неважно, что это был подоконник комнаты, которой ни один из нас не пользовался.

Я прошла по деревянному настилу и достала из кармана кусок круассана. За всей подготовкой праздника я умудрилась позабыть и о завтраке, и об обеде. Пара прекрасных черных лебедей тут же заскользили по розовой глади в мою сторону и деловито вытянули шеи, прося кушанье. Немного подумав, я отломил краешек мучного изделия и со вздохом бросила птицам. Одна из них поймала кусок пищи сразу, а вторая промахнулась и лишь со второй попытки вгрызлась в круассан с другого конца.

– Красивая пара.

– Что?

Я вздрогнула и обернулась.

Молодой цварг в однотонной футболке и просторных трикотажных штанах, низко сидящих на выступающих косточках таза, стоял в нескольких метрах позади. Ничего необычного в одежде, просто отлично сидит на мужчине. Впрочем, с такой фигурой любая одежда будет хорошо смотреться на ее хозяине: короткие рукава туго обтягивают бицепсы, край подчеркивает узкую талию и весьма сухое телосложение незнакомца, а вот мышцы груди крепкие, судя по натянувшейся и насквозь промокшей от пота ткани. Дорогие трекинговые кроссовки – это точно, потому что именно этот бренд хотел приобрести Морис, но отказался, решив, что обувь не стоит таких денег, – стильный коммуникатор, темные волосы, собранные в низкий хвост, и – гордость любого цварга – крупные витые черные рога-резонаторы. Черты лица определенно приятные.

«Наверное, отпрыск местной аристократии... Здесь полно шикарных домов в округе», – подумала я и поспешно сосредоточилась, приглушая эмоции, ведь на Цварге неприлично громко думать.

Вот же! Я считала, что никого поблизости нет, и потому позволила себе расслабиться. Он беззаботно улыбался, как улыбаются только не обремененные проблемами гуманоиды.

«Совсем юный, видимо».

– Эти лебеди – красивая пара, – повторил незнакомец. – Говорят, они однажды выбирают супруга или супругу и живут вместе всю жизнь.

Я прикусила губу. Да уж, вот и знак свыше. Даже какие-то неуклюжие пернатые птички могут быть верными и счастливо при этом жить.

* * *

Себастьян Касс

Праздник Кораллового Дня проходил до того весело, что он позабыл, когда в последний раз столько смеялся. Братья отца, Стефан и Софос – здоровенные лбы, скоро по восемьдесят лет, казалось бы, стукнет, – в очередной раз провернули трюк с переодеванием и заявили, что сдадут кровь на эксперимент, только если Себастьян в течение дня определит, кто из них кто. Касс-младший все утро четко обращался к каждому по имени, и им ничего не осталось, как помочь племяннику биоматериалом.

– Не понимаю, как ты это делаешь? – пробурчал Стефан, возвращая руку после забора крови. – Нас же даже родители путают... А ты как будто всегда точно знаешь.

Себастьян усмехнулся, промолчав. Несмотря на возраст, дяди действительно любили выглядеть одинаково: стриглись у одного и того же мастера, блокировали в ментальном фоне яркие бета-колебания и порой неосознанно копировали жесты друг друга. Касс-младший подметил, что оба брата носят тапочки, которые им подарила Вивьен года два назад. Но у Стефана они были синими, а Софос свой подарок заляпал в гаражах, ремонтируя флаер, и частые стирки сделали их скорее серыми. Благодаря этой малозаметной детали племянник всегда знал, кто из дядей перед ним.

– Так он же профессор астробиологии и межгалактической генетики, – хохотнул Софос, у которого кровь уже взяли. – У него в глаз имплантирован микроскоп, ну?

Себастьян улыбнулся шутке.

– Боюсь, существуй такой в природе, я все равно бы не смог это определить на взгляд.

– Ла-а-адно, – протянул Софос, опуская закатанный рукав. – Как твоё свидание прошло?

– Никак.

– В смысле никак?! У тебя в этот приезд было три свидания! Я точно знаю. Неужели все три цваргини сморщили носы?

– Ну вот так... – Себастьян смущенно пожал плечами. – Никто не хочет переселяться на Юнисию. Всем нравится жизнь здесь – в центре Федерации.

– Так, может, и не надо? – вмешался в разговор Стефан. – То, что на Юнисии осели твои родители, не означает, что и ты должен жить там. Северу как... – дядя запнулся, проглотив слово «отказник», – цваргу с травмой резонаторов, конечно, там жить проще, но ведь ты в любой момент можешь вернуться на родину.

Себастьян колебался, не представляя, что на это ответить. Правда заключалась в том, что ему бесконечно нравились Юнисия и простота, с которой там можно общаться с кем угодно. Благодаря интернациональности в этом Мире отсутствовал особый свод правил поведения, а культурой являлась некая общая, вполне логичная смесь приемлемого от представителей всех рас Федерации Объединенных Миров.

Побыв на Цварге всего неделю, Себастьян уже успел несколько раз сесть в лужу из-за местных мудреных правил этикета. Три дня назад Касс-младший и вовсе подхватил под локоть пожилую цваргиню в торговом центре – в итоге разразился страшный скандал. А он всего-то и хотел, что помочь ей убраться с траектории движения автоматического мочного комбайна. Откуда ему было знать, что техника остановится сама, а женщина воспримет прикосновение чуть ли не как сексуальное домогательство? Себастьян до сих пор краснел до основания рогов, вспоминая, как несколько часов ему пришлось провести в отделении Системной Полиции, объясняя ситуацию.

– Мне нравится читать лекции по астробиологии студентам, – в итоге сказал он примирительно. – Я как гражданский консультант при Академии Космофлота могу пользоваться просторной современной лабораторией и другими возможностями.

– Наука-наука-наука, ты совсем как твой отец, – фыркнул Софос. – В следующий раз тогда выбирай анкеты цваргинь помоложе. Чем гуманоид младше, тем он больше склонен к путешествиям и смене места жительства.

«Куда уже моложе, чем Джун? Ей и так только-только двадцать один год исполнился... Да и следующего раза не будет. Надоело тратить время впустую».

– Да, конечно.

Себастьян аккуратно сложил все пакеты с кровью в переносную морозильную камеру, после чего выпрямился, размял затекшую шею, подхватил медицинский чемоданчик в руки и направился к истребителю. Транспорт он по привычке бросил на одном из многочисленных парковочных мест в поместье Кассов.

– Эй, а ты куда? Уже улетаешь, что ли? Неужели с бабушкой и дедушкой не попрощаешься? – догнал его встревоженный окрик.

– Прощаюсь, разумеется. Сейчас положу все в багажный отсек, чтобы не забыть, побегаю в горах до ужина, а там уже стартану в ночь на Юнисию.

– Ты бегаешь в такую жару?! – изумились Стефан и Софос хором.

– Даже не состоящие на военной службе консультанты Академии Космофлота обязаны держать хорошую форму, – усмехнулся Себастьян.

На самом деле астробиолог сообщил лишь частичную правду. При желании он мог бы и вовсе не заниматься спортом, но Юнисия требовала от своих жителей действительно отличного физического состояния – пойдя переплыви от острова к острову по разреженному морю! Да, конечно, мех-левы^[1] – костюмы для плавания – помогают, но, если ты живешь на отдельно парящей от Академии территории, плавать придется по меньшей мере два раза в день: на работу и обратно.

Себастьян быстро переоделся, крикнул «пока еще не прощаюсь» и трусцой направился к ближайшему коралловому озеру. В голове сформировался план, что после маршрута в горах можно будет подыскать место потише и окупаться.

Коммуникатор показал семнадцать километров с перебросом, когда на глаза попался деревянный причал, идеальное тихое место, чтобы охладиться. Ноги сами собой свернули на настил, сделали

несколько шагов по инерции... Из-за массивных вертикальных бревен, служивших чем-то наподобие не то забора, не то украшения причала, Себастьян не сразу заметил девушку.

Худенькая цваргиня в элегантном бежевом платье сидела на досках, обхватив колени одной рукой, второй она кормила пару черных лебедей. Изящная тонкая кисть словно в грациозном танце плавно двигалась в воздухе, отламывала кусочек круассана, кидала его птицам и возвращалась обратно. Ветер колыхал ореол коротких, вопреки местной моде, волос, а профиль девушки с нахмуренными черными бровями выдавал глубокую задумчивость. Поза скрывала фигуру, но под очертаниями платья угадывались полная мягкая грудь, длинные ноги и тонкая талия. Цваргиня была определенно красива, но не той яркой рафинированно-глянцевой красотой, которую Себастьян видел в девушках, тщательно собирающихся на свидания, а какой-то воздушной, естественно-нежной.

Себастьян подумывал развернуться и поискать другое место для ныряния, но вот незадача – бета-колебания незнакомки коснулись резонаторов, и разум поплыл. Эмоции незнакомки звучали в его голове томной тихой музыкой, бесконечно печальной и мелодичной, но такой завораживающей, что дух захватывало, а по запаху напоминали ароматные цветы сирени.

– Красивая пара, – пробормотал Касс, зависнув и откровенно смакуя эти невероятные бета-волны.

Он общался со многими женщинами, но ни одна из них не пахла так вкусно, что голова начинала кружиться.

– Что?

Красавица обернулась. Карие глаза посмотрели на него... ну, в общем-то, как на идиота.

– Эти лебеди – красивая пара, – повторил Себастьян, вспомнив, в каком он виде: потный после пробежки, в спортивных штанах, волосы собраны в низкий хвост... Швархова праматерь! В таком ужасном виде он не представлял еще ни перед одной цваргиней. Надо было извиниться, взять номер коммуникатора и договориться о встрече, но язык нес совсем не то, о чем думал мозг: – Говорят, они однажды выбирают супруга или супругу и живут вместе всю жизнь.

– Вы орнитолог?

– Нет, астробиолог.

– А-а-а, понятно.

Девушка отвернулась, отщипнула очередной кусочек круассана и задумчиво бросила птицам. Себастьян прислушался к ментальному фону. Эмоции незнакомки, несмотря на их потрясающий аромат, отдавали заметной горечью. Касс вздохнул. Правила вежливости диктовали развернуться и незаметно исчезнуть, но... Пускай он покажется самым невоспитанным цваргом на планете, но он просто не может взять и уйти!

– Простите, но мне кажется, вы чем-то расстроены.

Он подошел ближе и тоже сел на край настила.

– Что?

Она вновь оторвала взгляд от лебедей и, кажется, удивилась тому, что он рядом.

«Наверное, слишком близко сел», – с досадой подумал Себастьян, так и не вспомнив, на каком расстоянии прилично находиться от женщины, если не знаешь ее имени. Пятьдесят сантиметров? Семьдесят? Сто? Шварх, дед говорил, но он совершенно забыл эти нюансы. Ну, в конце концов, не с рулеткой же ходить повсюду, чтобы проверять, правильное ли соблюдаешь расстояние!

– Я глубоко погрузилась в размышления... Прошу прощения, повторите, пожалуйста, вопрос, – тем временем отозвалось видение.

Легкий ветерок колыхал короткие волосы, она смотрела на него беззащитно-трогательными карими глазами. Интересно, сколько ей лет?

– Вам не за что извиняться, – ободряюще улыбнулся Себастьян. – Это же я вторгся в ваше пространство... Кажется, здесь это так называется. У меня сложилось впечатление, что вы расстроены.

– О-о-о...

* * *

Орианн Мэрриш

Несмотря на то что мне впервые за долгое время выдалась возможность провести полчаса в тишине и спокойствии, неожиданный гость раздражения не вызывал. Он сел рядом на почтительном расстоянии и слегка нахмурился, бросив взгляд на доски между нами.

Вид при этом у него был такой, словно он мучительно воображал сантиметровую ленту. Это выражение озадаченности соблюдения норм этикета вкупе с совершенно неофициальным нарядом незнакомца изрядно повеселили. Я почувствовала, что против обыкновения улыбаюсь. Неместный, что ли?

– Меня зовут Себастьян.

Спортсмен, похоже, опомнился и перевел на меня необычный для цварга глубокий кобальтово-синий взгляд в обрамлении пушистых длинных ресниц – такой синий, словно смотришь в глубину бездонного океана. Затягивает не на шутку.

– Господин Себастьян... – начала я, на секунду позабыв, что хотела сказать.

– Никаких «господинов». Не люблю эти формальные уточнения. «Точно неместный...»

– Вам не за что извиняться, Себастьян. Я кормила лебедей и думала о жизни и символичности определенных моментов, ничего особенного. А вы сказали «здесь это так называется». Вы разве не с Цварга? Полукровка?

Последний вопрос вырвался раньше, чем я успела прикусить язык. Мужчина выглядел как чистокровный представитель планеты – мощный хвост с шипом, витые черные рога, правильный оттенок кожи – все как у аристократа в десятом поколении, но на этот фантастический насыщенно-синий оттенок радужек невозможно не обратить внимания! На Цварге считается, что коренные представители расы имеют глаза темных оттенков.

– Ох! – Я тут же спохватилась, что ляпнула. Из-за жары и выволочек Мориса окончательно спеклись мозги. И добавила: – Я не хотела вас оскорбить.

– Вы меня ничуть и не оскорбили. – Мужчина внезапно тепло улыбнулся. – Мой отец – цварг, а вот мама... точнее всего будет сказать, что она человек с примесью мит-тарской крови. В любом случае ее гены оказались рецессивными, и я появился на свет таким, каким вы меня видите. У цваргов достаточно сильная ДНК, которая в большинстве случаев вытесняет признаки других рас у смешанных пар. Так что я даже по строгим меркам Планетарной Лаборатории чистокровный цварг. Более доминантные гены встречаются разве что на Эльтоне. Удивительная, конечно, раса – кто бы ни был отец, у них

всегда рождаются прекрасные девочки с золотой кожей и малиновыми волосами.

«Не всегда. На мне произошел сбой... А жаль!»

– Ох, вам это, наверное, неинтересно...

Я хотела возразить, что, наоборот, очень даже интересно узнать побольше обо всем этом, но осеклась. Морис не любил, когда я кому-либо сообщала о своей полукровности.

«Не затем я тебе документы выправлял, чтобы ты трепалась всем подряд о грязной составляющей».

– А касательно планеты, тут вы правы, – тем временем продолжил Себастьян, уходя от опасной, но такой интересной темы. – Я родился и прожил всю жизнь на Юнисии. Сюда приехал в отпуск.

Я призадумалась, пытаюсь вспомнить школьный курс астрографии и звездных карт Федерации. Шварх, это так давно было! Название планеты не ассоциировалось ни с чем.

– Это далеко от Цварга?

– Это планета в системе Соло, находится на краю Федерации, но все же внутри границы, – вежливо подсказал Себастьян, даже не попытавшись покритиковать мое скудное образование.

«Морис обязательно сделал бы замечание».

Мужчина с энтузиазмом принялся рассказывать о потрясающем месте, откуда он прибыл: парящие в разреженном море острова, необычные полые деревья и яркие цветы в виде перьев, голубая звезда-магнитар со странной конструкцией-сферой поверх, нейтрализующей опасное излучение. Всех нюансов и терминов я полностью не поняла, но вид у Себастьяна был до того одухотворенный и восторженный, когда он описывал полеты-плавания в специально разработанных для этого костюмах, что Юнисия не могла не понравиться.

Глаза Себастьяна блестели, он энергично размахивал руками, объясняя, почему вода на Юнисии отличается от воды на любой другой планете, и в какой-то момент, явно забывшись, стянул кроссовки, чтобы опустить ступни в озеро. Причем сделал это так небрежно, будто обувь на его ногах стоила не маленькое состояние, а была всего лишь домашними тапочками. В последнюю секунду, когда мужские ступни уже почти коснулись глади озера, он вдруг смущенно замер.

– Ой. Я совсем забыл. Это же Цварг. Это здесь считается приличным?

* * *

Себастьян Касс

Вселенная!

Он готов был провалиться нестабильным туннелем до ближайшей необитаемой планеты, осознав, что так заболтался, что в присутствии цваргини снял обувь.

Девушка неожиданно громко расхохоталась. Исходящие от нее бета-колебания вдруг стали такими резонирующими, что Себастьян почувствовал себя пьяным от счастья. Он был готов дурачиться всю жизнь, лишь бы только слышать этот теплый звонкий смех.

«Эта девушка создана, чтобы смеяться».

Цваргиня взмахнула изящными, словно лебединые крылья, руками, скинула босоножки и тоже опустила лодыжки в воду.

– Похоже, вы, Себастьян, совсем редко бываете на Цварге. Нет, тут, конечно, строгие нормы приличий, но разуться летом на природе – вполне нормально. Я сама обожаю ходить босиком по дому. Удобно!

Она провела ногами по воде туда-сюда, от чего по коралловой глади пошли мелкие волны.

Выпрашивающая круассан пара птиц решила отплыть подальше.

– О-о-о... Как же хорошо-о-о!..

Она прикрыла глаза от блаженства, а кадык Себастьяна внезапно дернулся. В его голове ослепительной вспышкой пронеслась совершенно неприличная картинка того, как эта девушка вибрирующе томно стонет эти слова на ухо. Он помотал рогатой головой и мысленно порадовался тому, что на нем свободные спортивные.

– А вы где-то бывали помимо Цварга? – кашлянув, спросил Себастьян, чтобы поскорее отвлечься.

Собеседница резко изменилась в лице и прикусила губу, да и ее эмоции вдруг стали... Холоднее, что ли?

– Если не хотите, не говорите, – торопливо добавил Касс, мысленно костеря себя за то, что испортил ей настроение.

– Да нет... Вы знаете, я, наверное, все-таки расскажу. – Она пожала плечами. – Это как эффект попутчика, легче выговориться практически незнакомому гуманоиду, зная, что больше его никогда не увидишь...

«Стойте-стойте! – отчаянно захотелось закричать Себастьяну. – Я хочу пригласить вас на настоящее свидание, я хочу узнать вас ближе, вы мне так понравились...»

Но почти сразу же пыльным мешком по резонаторам пришло ясное осознание:

«А ведь она до сих пор даже имени своего не назвала!»

– Я очень сильно хотела бы посмотреть другие Миры и попутешествовать по Федерации, но правда в том, что с тех пор, как я вышла замуж, я не могу покинуть Цварг.

– Замуж?... – растерянно пробормотал Себастьян.

Только сейчас он обнаружил тонкий, едва заметный ободок из тусклого желтого золота на безымянном пальце красавицы.

Если до сих пор Касс чувствовал себя так, будто его огрели мешком, то внезапное откровение собеседницы стало сродни катастрофе. Грузенный надеждами и планами гравипоезд сошел с воздушных рельсов и на полной скорости несся в бетонную стену.

– Да, я приняла предложение Мориса, едва мне исполнилось двадцать один, и забеременела в первый год брака. Сегодня мальчишкам исполнилось восемь.

«Почти что моя ровесница, и по меньшей мере двое детей».

Себастьян был готов поклясться, что слышит, как поезд влетел в стену и его вагончики расшвыряло металлическими ошметками на несколько километров в округе.

Мужчина сглотнул слюну, напомнившую шипастый репейник. Как он мог так лихо просчитаться? Нет, понятно, что цваргини в двадцать и тридцать лет внешне мало чем отличаются, но все же...

Он внимательно взгляделся в лицо собеседницы. Его обманули тонкие запястья, трогательный ореол колыхающихся на ветерке мягких волос и чувственные пухлые губы. Сейчас же, когда цваргиня стала говорить о супруге, вдруг отчетливо проступили глубокие морщины вокруг рта, а на дне темно-карих глаз отразился колоссальный жизненный опыт. Да и пышная мягкая грудь подходила, скорее, не фигуристой молодой цваргине, а женщине, которая уже кормила.

– Первое время брак был ничего, но в какой-то момент мы с Морисом стали много ссориться. – Она помолчала и добавила: – Очень много. Я даже консультировалась у юриста насчет развода, но мне ответили, что на Цварге это невозможно. Несколько лет назад мы с супругом сильно повздорили, а потому, когда он ушел на работу, я на эмоциях побросала вещи в чемодан, взяла Ланса и Лотта за руки и отправилась в космопорт. Я хотела улететь куда-нибудь, лишь бы не видеть Мориса, и очень переживала, что пограничники не выпустят мальчишек за орбиту из-за отсутствия письменного согласия отца.

В ментальном фоне проступила яркая горечь.

– Как оказалось, детям, чтобы покинуть планету, достаточно иметь всего лишь одного ответственного взрослого в качестве сопровождения, а вот мне, вполне себе совершеннолетней и самостоятельной цваргине, запрещено улетать без визы Аппарата Управления и разрешения супруга. Это было в высшей степени унижительно!

Она вновь прикрыла глаза, но на этот раз уже не от удовольствия, а от плохо скрытых эманаций стыда.

– Вы не представляете, что там началось, когда сотрудники космопорта выяснили, что у меня нет соответствующих документов! Пришлось соврать, что я хотела улететь исключительно ради того, чтобы навестить бабушку Ланса и Лотта... Меня с детьми проводили до дома с помпой на флаерах Системной Полиции, будто я опасная преступница.

Она тяжело вздохнула и откинула с лица темную прядь, которую игривый ветер бросил ей в глаза.

Себастьян сидел и слушал, все еще с трудом переваривая слова «замужем» и «двое детей»... Неприятный комок разочарования саднил горло.

– Если вы поссорились с супругом, то я ему завидую, – наконец выдавил он из себя.

– Почему?

Карие глаза излучали удивление.

«Хотя бы потому, что он ваш супруг».

– Любая ссора – это проявление сильных чувств. Пускай вы в чем-то и не сошлись с ним, но это все равно означает, что он вас любит.

– Не думаю. – Она покачала головой. – Мне кажется, он уже давно ко мне ничего не испытывает.

– Безразличие – вот истинная противоположность любви.

* * *

Орианн Мэрриш

– Безразличие – вот истинная противоположность любви.

Ни разу не встречаясь с Морисом, Себастьян пытался поддержать как мог, и это отозвалось неожиданной теплотой глубоко внутри. Я не знала, как реагировать. Совершенно незнакомый мужчина проявил сочувствие и заботу, которых я не видела от мужа долгие годы. Такие простые слова, а на сердце стало чуточку светлее.

«Каким же чутким и внимательным супругом станет Себастьян, когда встретит свою единственную...».

Что-то подсказывало, что этот цварг не из тех мужчин, кто будет обесценивать женский труд и ставить собственные желания превыше других. А еще он будет заставлять ее смеяться каждый день.

Я поймала себя на зарождающейся зависти и задушила ее на корню.

«Орианн, ты уже однажды сделала свой выбор. Цварг – не та планета, где женщинам дается второй шанс».

– Я благодарна вам за беседу...

Хотелось добавить: «И хорошее настроение, которого у меня не было уже очень давно», но в этот момент громкий басовитый окрик заставил вздрогнуть:

– Ориелла! Вот ты где! Какого блуждающего астероида тебя носит? Что ты здесь забыла?

Он стремительно приближался широкими размашистыми шагами, а хвост вспарывал дерн, что говорило о крайней степени бешенства.

Я быстро вскочила и поскорее просунула мокрые лодыжки в босоножки, пока Морис не увидел, чем мы тут занимались. Конечно, ничего особенного, но кто знает, как муж отреагирует. Однажды он устроил мне выволочку за то, что, набегавшись за детьми, я присела на пластиковую скамейку в общественном месте.

«Со стороны выглядело так, будто ты приравниваешь себя к среднему классу. Отвратительно! Ты хотя бы раз видела, чтобы жена успешного мужчины сидела на какой-то вшивой лавке?!»

Я в принципе таких жен только по головизору при полном параде и видела, но промолчала.

Запыхавшийся от быстрого шага и красный Морис свернул с берега на деревянный настил.

– Неужели так сложно присмотреть за детьми хоть раз в жизни? Почему это должен делать я?! У меня вообще-то гости! Я же много раз тебе говорил, что связи пропускают туда, куда не пропускают деньги, – продолжал возмущаться супруг, но, к счастью, осекся, увидев Себастьяна. – А это еще кто?

Астробиолог бодро подскочил и протянул ладонь для рукопожатия.

– Вы, должно быть, Морис? Ваша жена о вас рассказывала. Очень приятно познакомиться. Себастьян Касс.

Морис прищуренным взглядом окинул нового знакомого от макушки до пяток. Супруг задержал пристальный взгляд на витых рогах Себастьяна, очевидно, мысленно делая пометку, что перед ним, скорее всего, чистокровный цварг, затем медленно осмотрел его футболку, трикотажные штаны и босые ноги. Я кожей ощущала, как у Мориса в голове включается оценочно-денежный счетчик, подсчитывающий, насколько дорого одет гуманоид перед ним и к какому классу общества принадлежит. Явно сделав неправильные выводы, Морис снисходительно фыркнул, но пожал протянутую ладонь Себастьяна.

– Морис Мэрриш.

Только сейчас, глядя на стоящих друг напротив друга мужчин, я вдруг подумала, что Касс ненамного младше супруга, просто существенно лучше выглядит. Я ошибочно восприняла его подтянутую атлетическую фигуру и открытую белоснежную улыбку за признаки юности, но, вероятнее всего, он мой ровесник. Ожирение же Мориса и деловой костюм неподходящего, но очень модного красно-коричневого цвета накидывали ему минимум два десятка лет. Не обращала я внимания и на дряблые щеки, и на появившиеся залысины на голове супруга. Последнее особенно сильно бросалось в глаза на фоне

густого хвоста Себастьяна, который еле-еле сдерживал плетеный кожаный шнурок.

– Мышка, пойдем, дети очень хотят твоего внимания. Я кивнула Себастьяну на прощание и поспешила домой.

* * *

Орианн Мэрриш

Близнецы не получили торта в виде истребителя, а потому решили по-быстрому собрать космический транспорт из подручных средств. В ход пошли кусок забора, ветки деревьев, старый мангал из сарая, несколько коробок для инструментов и черенков от садовых лопат. И все это они умудрились пронести незаметно мимо взрослых на крышу пристройки для флаера. В общем, Ланс и Лотт совсем заскучали на собственном празднике.

Когда я попыталась выяснить, как так вышло, что за восьмилетками никто не присмотрел, оказалось, что Морис все время проводил с приятелями, а его родня какое-то время поиграла с мальчишками, но уехала почти сразу же под предлогом того, что хочет отметить общий планетарный праздник – Коралловый День.

Я успела подбежать к близнецам ровно в тот момент, когда возбужденный Лотт пытался столкнуть с крыши Ланса в самодельном истребителе и проверить, насколько получившееся транспортное средство хорошо летает. Я испугалась за детей до слез. Уговорить мальчишек слезть с крыши и отказаться от затеи получилось с трудом.

Морис картинно пожурил сыновей, не желая выставлять себя в невыгодном свете перед важными гостями, зато вечером у нас разразился настоящий скандал. Муж зашел в гараж и не на шутку психанул, поняв, что близнецы в процессе сборки «истребителя» поцарапали его драгоценный флаер, а ведь «успешные люди не ездят на помятых машинах».

– Ремонт выйдет кредитов в сто, не меньше! – сокрушался супруг, глядя на царапину, которую, на мой взгляд, и заметить-то было сложно.

– Морис. – Меня все еще трясло от пережитого. – Ты отец Ланса и Лотта. Поговори, пожалуйста, с ними, объясни, что так нельзя

поступать. Если они хотят строить истребитель или еще что-то, то должны его собирать, по крайней мере, с тобой.

– Вот еще! – фыркнул муж. – Из мусора собирать всякую чушь. Делать мне нечего!..

– Тогда купи им этот швархов торт в виде истребителя или игрушечный, но достаточного размера! – Меня проняло. – Ты понимаешь, что твой сын мог сегодня разбиться?!

Морис махнул рукой:

– Ну не разбился же, не перегибай палку. Даже если бы и прыгнул – что б Лансе-Лотту было? Там метра три – не больше, а он цварг.

«Лансе-Лотт».

Так Морис называл детей, когда точно не знал, кто перед ним. Близнецы злились, пытались доказать, что они две разных личности, но отец упорно называл их одним собирательным именем. Озарение снизошло внезапно.

– Твои родственники перепутали их имена? Ребята поэтому обиделись и решили играть в собственные игры?

Морис закатил глаза.

– Слушай, это ты во всем виновата, вообще-то! Одеда их одинаково, а теперь пытаешься обвинить в случившемся меня и мою двоюродную сестру. Да, пару раз, кажется, она перепутала их... Не знаю. Не уверен... Ладно, я спать – зверски устал. Не забудь, кстати, убрать салаты в холодильник, чтобы ничего не испортилось.

Глава 5

Профессор

Себастьян Касс

Встреча с Ориеллой Мэрриш перевернула в нем все вверх дном. Он планировал покинуть Цварг тем же вечером, но, на радость многочисленным родственникам, сообщил, что задержится еще немного из-за работы.

В каком-то смысле так оно и было... Или, по крайней мере, Себастьян тщетно пытался убедить себя в этом.

Проблема заключалась в том, что он уже несколько лет исследовал взаимосвязь низкой рождаемости и особенностей расы и пришел к выводу, что дети в парах цварг-цваргиня появляются лишь при определенных условиях. До сих пор Касс выборочно проверял семьи, и все случаи лишь подтверждали гипотезу, но короткая беседа с Ориеллой заставила усомниться в собственных результатах.

Себастьян дозвонился до контактного центра Планетарной Лаборатории и, как холостой цварг, оставил запрос на анкету Ориеллы Мэрриш. Мол, познакомился случайно, очень хочет проверить их на совместимость. Практически сразу сотрудник на другом конце линии с сожалением ответил, что цваргиня уже замужем и имеет двух детей. Он пересказал все то, что Касс и так знал, но назвать адрес женщины отказался.

Себастьян вежливо поблагодарил и сделал ход конем – набрал риелтора и попросил прислать карту ближайших к озеру поместий, якобы желая купить собственную землю недалеко от родового гнезда Кассов. Риелтор перезвонил вечером того же дня и, рассыпаясь в извинениях, сообщил, что ничего на продажу у этого водоема нет, но есть на семьдесят километров северо-западнее... Себастьян сделал вид, что расстроился, но уловкой заставил риелтора выслать копию карты местности, а на ней обнаружил уже знакомую фамилию. Теперь он знал, что они с Ориеллой соседи. Дойти до нее можно пешком за полчаса, а на флаере или гравибайке – так и вовсе за пять минут.

Целый день он накручивал круги вокруг той деревянной пристани и думал, что хочет вновь увидеть Ориеллу.

«И что ты ей скажешь, дружище? – насмешливо фыркнул внутренний голос. – „Я почувствовал к вам притяжение с первого взгляда, но так как вы уже замужем, не дадите ли вы немного крови на исследование?“ Себастьян, забудь о ней. Она не для тебя».

«Не для меня, – внутренне согласился он. – Но это не означает, что моя теория о деторождении на Цварге вышла из-под удара. Мне нужно больше данных для исследований».

«Значит, ищи их и забудь об этой цваргине».

Себастьян тяжело вздохнул и в который раз за проезд набрал номер администратора Планетарной Лаборатории. Густав Гарсиа определенно являлся самым неуловимым цваргом из всех известных Кассу. Никто не знал, как он выглядит и где живет, Себастьян и имя-то его узнал случайно, доконав секретаря звонками.

– Здравствуйте. Приемная администрации Планетарной Лаборатории. Если вы звоните по поводу внесения изменений в личную анкету или назначения свидания с цваргиней, перевозжу вас по номеру контактного центра... – забубнил знакомый Себастьяну голос, и он тут же вклинился:

– Погодите! Стойте! Мне действительно надо поговорить с господином Гарсиа!

– По личным вопросам, пожалуйста, набирайте его личный номер.

– Я бы с удовольствием, но у меня его нет.

– У друзей и родственников господина Гарсиа есть его номер, – упрямо ответил Уилл Роббинсон, личный секретарь главного администратора Планетарной Лаборатории, очевидно намекая, что звонящий к этой категории не относится. – Разглашать эту информацию я не имею права, извините. Всего доброго.

– Господин Роббинсон, подождите, пожа-а-алуйста! У меня очень важное дело! Это Себастьян Касс, профессор астробиологии и межгалактической генетики. Я звонил вам на этой неделе несколько раз. Если нет возможности назначить личную встречу с администратором Лаборатории, то, возможно, вы передадите для него аудиосообщение?

– Господин Касс... – раздраженно ответил секретарь, явно проглотив конец фразы. – Если вы снова о том, что якобы создали теорию низкой рождаемости и нашли объяснение текущей демографической яме...

– Но так и есть! – не смог не вставить Касс.

– Так вот, у нас каждый месяц образуется какой-нибудь профессор, доктор или любое другое светило науки, готовое за небольшую услугу объяснить все-все проблемы планетарного масштаба, которые по необъяснимым причинам самая крупная государственная организация не может решить уже несколько столетий! – Голос Уилла так и сочился сарказмом. – И – какая неожиданность! – абсолютно все так называемые ученые хотят получить контактные данные приглянувшихся им цваргинь. Не находите ничего подозрительного?! Мы не разглашаем информацию о гражданах!

– Но... я действительно профессор, – пробормотал Себастьян упавшим голосом. Как ему объяснить, что он не мошенник и работает над этой проблемой вот уже без малого десять лет?! – Хотите, я вышлю инфосетью копии сертификатов?

– Господин Касс... – На том конце связи тяжело вздохнули. – Вы ведь звоните уже не первый раз...

«Четвертый».

– Разумеется, я пробил по вам всю информацию. Ректор юнисского филиала выслал даже лично рекомендательное письмо на ваш счет...

«О, не знал, что Грегори вообще интересуется моими исследованиями. Вот уж кто всегда делал вид, что проблемы цваргов его нисколько не касаются... Может, студенты ему уши прожужжали?»

– ... и заверил, что вы один из лучших преподавателей биологии в Академии. Но тем не менее ваша просьба относительно передачи медицинских данных тысяч семей, а также замужних и незамужних цваргинь и их контактов для личных встреч выглядит вопиющим нарушением правил работы с личными данными. Вы это понимаете?

– Но у меня есть теория насчет рождения детей! Она подтверждается всеми случаями, которые я знаю лично, но, если я приду с этим, меня никто не захочет слушать. Скажут – нерепрезентативная выборка. И будут правы. Мне нужно больше информации, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу.

Роббинсон вновь тяжело вздохнул. Какое-то время на той стороне связи царил тишина. Затем секретарь неожиданно предложил:

– Вы очень настойчивы, Себастьян, не могу не восхититься. К сожалению, все, что я могу предложить, – это информация о пятидесяти семьях, которые предварительно сами дадут согласие...

– Меня устраивает! – быстро воскликнул Себастьян.

Даже несколько семей в его случае – это лучше, чем ничего. Глядишь, со временем и получится составить выборку, отражающую ситуацию расы.

– Но мне потребуется от вас услуга.

– Услуга?

Касс так обрадовался новым данным, что не сразу понял, чего секретарь от него хочет.

– Да... Вы же профессор астробиологии... А тут один из школьных преподавателей начальных классов схватил острую бета-недостаточность и был срочно госпитализирован. Мне поступил запрос на замену, а я не могу никого подобрать. Можно ли попросить вас провести несколько уроков?

* * *

Себастьян Касс

На Цварге, как и в любом развитом Мира, мальчики и девочки учились вместе, если не считать отдельных занятий для юных леди о правильном контроле собственных бета-колебаний. Давно доказано, что умственные способности не зависят ни от пола гуманоида, ни от веса мозга, который среднестатистически у мужчин выше, чем у женщин. В первую очередь они коррелируют с количеством, качеством и степенью развития нейронных связей, но все же когда Касс зашел в класс, то изумился.

В просторной комнате за стандартными партами в виде половинок кругов сидело двадцать пять мальчиков и всего три девочки, которые выделялись на общем фоне яркими платьями.

«Даже на занятиях в Академии Космофлота, куда традиционно стремятся балбесы мужского пола, девушек все равно больше!»

Себастьян покачал головой, делая мысленную пометку, что на исторической родине процентное соотношение рождаемости мальчиков и девочек в последние годы совсем ужасное, что

удивительно, ведь на Юниси, по его немногочисленным данным, оно было практически пятьдесят на пятьдесят.

Откашлявшись, профессор начал урок:

– Здравствуйте, сегодня буду вести замену. Меня зовут Себастьян Касс, я профессор астробиологии и межгалактической генетики. Сегодня я расскажу вам об особенностях наших организмов...

– У-у-у... – послышался недовольный гул по аудитории. – Скучота-а-а...

– Ой, да чего мы там не знаем...

– Скорей бы господин Кианз вернулся, с ним жуков весело рассматривать...

Собираясь на лекцию, Себастьян прекрасно понимал, что между уроком для кадетов Космофлота и уроком для третьеклассников пролегал огромная пропасть и в первую очередь ему придется поработать над вниманием юных слушателей. Именно поэтому он прихватил с собой и расположил небольшую конструкцию на центральном учительском столе: толстый цилиндр-проводник, тонкий листок из металла сверху, и все это заключено в полупрозрачную сферу. Когда-то именно с помощью такой конструкции его отец – Север Касс – объяснил, как работает сфера вокруг звезды Соло.

Мысленный импульс – и металлический листок поднялся в воздух.

– Ва-а-ау!!! – Неприкрытый детский восторг пронесся по всем рядам. – Как вы это сделали? Как?! Вы волшебник?! А что вы еще умеете?!

Себастьян улыбнулся.

«Вот теперь они точно будут слушать».

– Нет, не волшебник. Я лишь воспользовался особенностью нашей расы. К концу урока вы тоже так сможете, если очень-очень захотите.

Вверх взметнулась ручка в цветастом рукаве с узором из полевых цветов.

– Да?

– И я тоже так смогу?

Юная цваргиня была очень красивой в свои восемь лет, и чувствовалось, что, когда вырастет, разобьет не одно сердце, но чего у нее не было – так это резонаторов, а значит, послать волну бета-

колебаний, чтобы активировать электромагнитный контур, она не сможет.

– Увы, мисс, боюсь, что нет... – смущенно развел руками Себастьян. – Я использовал простейшие волны, которые создал сам. – Он указал на рога.

Девочка шумно и разочарованно вздохнула:

– Ну вот всегда так! Мальчишкам все, а нам ничего.

Класс зашептался, послышались ехидно-радостные «это потому, что мы лучше». Профессор лишь покачал головой, видя, как радуется один из третьеклассников. Мальчик явно еще даже не представлял, что, когда вырастет, найти жену станет для него очень сложной задачей хотя бы потому, что женщин на планете намного меньше, чем мужчин, и это они выбирают анкеты кандидатов для свиданий в первую очередь. А мужчине только и остается – принять приглашение и постараться понравиться или отклонить, если девушка совсем несимпатична. Случается и такое, что цваргу за десять лет может прийти лишь одно предложение о встрече, а может и вовсе не прийти. Самим Себастьяном к его тридцати пяти годам интересовалось одиннадцать девушек, по меркам Цварга – колоссальное количество. Тот факт, что племянник не согласился на второе свидание ни с кем из цваргинь, повергал Стефана и Софоса в легкий шок, они старательно обходили эту тему.

– Итак, дети, кто мне расскажет, чем цварги отличаются от граждан других Миров Федерации? – задал профессор первый вопрос, чтобы иметь представление, как много им рассказывали родители.

Мальчик в синей клетчатой рубашке торопливо поднял руку.

– Можно я?

– Да. Только представься, пожалуйста.

– Меня зовут Том. – Он деловито кивнул и с важностью потрогал пока еще совсем небольшие черные наросты над висками. – У нас есть рога! Благодаря им мы можем улавливать из воздуха эмоции, а другие не умеют. Обычно это вкусно!

Я поощрительно кивнул. Если ему вкусно, это значит, что в его семье царит гармония, а родители постоянно испытывают положительные эмоции и ментально не запираются от сына. Скорее всего, у Тома развилась хорошая чувствительность для его возраста.

Мальчик задумался.

– Еще папа говорит, что, когда я вырасту, у меня рога станут больше и тогда я тоже смогу вот так пускать волны в обратную сторону. Только это вроде как запрещено, и я не совсем понял, зачем это надо.

Он с подозрением покосился на колебательный контур.

– Все верно. – Себастьян одобряюще улыбнулся и задал наводящий вопрос: – Еще какие-то добавления?

Класс озадаченно зашумел: «А что, это разве не все?» А та самая девочка, которая подняла руку первой, вдруг встала из-за парты:

– Еще у мальчиков есть противный длинный хвост, которым они размахивают и ставят подножки. Мама сказала, что, когда они вырастут, у них там острый шип будет, но сейчас я даже руками погнуть могу острие у Конста. А, да, и в справочнике всегда пишут, что у цваргов быстрее все заживает. Кстати, я Мари-Эн.

Себастьян кивнул, подтверждая слова юной цваргини.

– Все верно, дети. Вы назвали основные отличия нашей расы от других граждан Федерации... – начал он, поворачиваясь к доске.

Но тут его перебили:

– А наш отец говорит, что сиреневый цвет кожи – самая важная черта чистокровных цваргов!

Профессор стремительно обернулся в сторону говорившего и столкнулся взглядом с двумя парами абсолютно идентичных глаз. Близнецы, вопреки одиночной рассадке, сидели за одной партой-полукругом и внимательно смотрели на преподавателя – будто взвешивали и ожидали чего-то... Явно провоцировали.

– Как вас зовут?

– Ланс. Лотт, – прозвучало хором, и не сосредоточься Касс на лицах детей, не успел бы разобрать, который из них Ланс, а который Лотт.

– Уважаемые...

Ему хотелось повторить «Ланс и Лотт», но он почувствовал, что два имени сольются в одно «Ланс-е-Лотт», а из общения с дядями он прекрасно знал, что это самая непростительная ошибка, которую можно допустить по отношению к близнецам. Как бы одинаково они ни выглядели и ни вели себя, это две разных личности. Собирательное слово в данном случае – это проявление неуважения.

Касс кашлянул.

– Уважаемые Лотт и Ланс, задавая вопрос, я подразумевал функциональные отличия цваргов от представителей других рас. Цвет кожи, как и глаз или волос, не относится к этим признакам, хотя, безусловно, в обществе чертам внешности придают большое значение. На мой взгляд – чересчур большое. Это понятно?

Близнецы переглянулись и растерянно кивнули.

Дождавшись тишины в классе, мужчина продолжил:

– Итак, возвращаясь к разговору о резонаторах... Каждое живое существо, будь то мышка, кролик, тигр или полностью разумный гуманоид, имеет мозг. Когда мы думаем или испытываем эмоции, наш мозг испускает колебания определенной частоты. Рога-резонаторы цваргов улавливают эти бета-колебания и, по сути, питаются ими. У нас, цваргов, двойная система питания. Помимо натуральной еды в виде каши, мяса или овощей цваргам необходима еще и ментальная пища. Резонаторы растут на голове, тесно связаны с мозгом и рецепторами обоняния, а потому мы отличаем эмоции на вкус, ведь каждая эмоция имеет свою частоту и длину. Это понятно?

Привычка останавливаться в процессе лекции и задавать аудитории вопросы, чтобы она не заснула, плотно укоренилась за годы преподавания в Академии.

Класс загудел.

– А у девочек нет рогов! Получается, у них одинарная система питания?

– Я слышал из разговоров учителей, что у господина Кианза бета-не-дос-та-точ-ность. – Мальчишка старательно выговорил незнакомое слово по слогам. – Это значит, что он голодный? Он покушает и вернется вести биологию, да? А накормить сосисками нельзя?

Касс грустно усмехнулся.

«Выходит, не так уж и много родители рассказывают детям об особенностях расы, уповая на школьное образование. Жаль, все-таки есть вещи, которые сыновья и дочери должны узнавать от тех, кому доверяют. Но лучше они узнают это от меня, чем узнают слишком поздно».

– Да, у девочек нет рогов, а следовательно, одинарная система питания. У мальчиков... все сложнее. Поглощенные эмоции могут временно заменить обычное питание, но не наоборот. Дело в том, что взрослые цварги постоянно питаются разлитыми в воздухе эмоциями.

Это происходит само собой, без нашего ведома или желания. Например, мы все дышим и не обращаем на это внимания. Так же и тут. Пока вам всего лишь восемь лет, только у некоторых проклюнулись рога, и они способны усваивать небольшой диапазон бета-колебаний...

– О, это как моя мама дает брату овощное пюре с ложечки и говорит, что мясное пока рано, он не усвоит, – вставил Том.

Себастьян серьезно кивнул, делая мысленную заметку, что было бы неплохо узнать фамилию ученика и пообщаться с его родителями. Двое детей в семье, старший уже распознает бета-колебания – определенно занятный случай и идеально подойдет для исследований. Он даже не представлял, что, соглашаясь на работу школьного преподавателя биологии, получит столь полезную информацию.

Он продолжил:

– С ростом и развитием резонаторов цварги улавливают более тонкие и редкие колебания, расширяют свой диапазон. У каждого мужчины рога начинают расти в возрасте от шести до четырнадцати лет, а полное формирование органов может закончиться как к тридцати, так и к пятидесяти годам. Но, так или иначе, уже в двадцать вы сможете улавливать многое... В этом возрасте мы активно питаемся из ментального фона и усваиваем почти все – и овощи, и мясо, и мороженое, и конфеты. – Касс улыбнулся сравнению Тома с едой. – От поглощенных чужих бета-волн у нас в крови вырастает уровень бета-частиц, мы насыщаемся. Но со временем случается так, что мы находим кого-то резонирующего, чьи колебания нам нравятся особенно сильно. В таких случаях организм постепенно перестраивается на поглощение только этих волн, мы привязываемся к девушке. Это еще называется «войти в ближний круг». Если источник усваиваемых бета-колебаний удаляется от цварга, то он начинает серьезно голодать, а продолжительный голод может привести к острому приступу бета-недостаточности. Так что в случае господина Кианза, увы, сосиски не помогут. Ему нужен его источник.

«Вообще, вряд ли ему что-либо поможет, если ему более ста пятидесяти лет. Там привязки настолько сильные, что цварги скорее умирают... но детям это знать пока рано».

– Но я уверен, что в клинике ему помогут и поставят на ноги, – торопливо добавил Себастьян, почувствовав всеобщую оторопь.

– То есть получается, что быть девочкой даже лучше, чем мальчиком? – До сих пор молчавшая Мари-Эн внезапно подала голос, и класс буквально взорвался спорами и криками. – Можно вот так случайно привязаться и умереть от голода?!

– Ребята-ребята! – Профессор похлопал в ладони, чтобы привлечь всеобщее внимание. – Привязаться случайно нельзя. Это происходит с согласия самого обладателя резонаторов.

– Откуда вы знаете? – тут же послышался вопрос, но уже со стороны одного из близнецов.

«Оттуда, что именно поэтому девочек учат приглушать ментальный фон, а на интимные отношения с цваргинями до брака на Цварге табу. Мужчина может вылететь на Тур-Рин и снять себе ночную бабочку на ночь, но повторяться вряд ли станет... Чем чаще цварг пробует и чувствует эмоции женщины, тем больше шансов, что она войдет в его ближний круг. Секс как кульминация эмоциональной разрядки и физических прикосновений женщины способствует этому. Но вы еще слишком маленькие, чтобы это вам рассказывать».

– Знаю, – отрезал Касс, не вдаваясь в подробности. – Мы не выбираем, кем родиться, мы такие, какие есть. Да, цварги, в отличие от цваргинь, обладают резонаторами и хвостами, но если вы читали сказки, то должны знать, что рога даны мужчинам, чтобы лучше понимать женщин, а хвост – чтобы что?

– Защищать... – послышался нестройный хор детских голосов.

Себастьян удовлетворенно кивнул: хотя бы сказки читают, и то хорошо.

– А теперь – кто интересовался фокусом с магнитно-колебательным контуром? Кто хочет попробовать себя в роли волшебника? Мальчики, выстраиваемся в очередь. Девочки – можете занять места рядом со мной и посмотреть, что получится у ваших одноклассников.

Послышался топот многочисленных ног. Толкаясь, мальчишки спешили занять первые места. Занятое дело, но близнецы Ланс и Лотт, а также Том в клетчатой рубашке явно осознанно встали в очередь последними. Себастьян отметил это лишь краем глаза. Мари-Эн и две ее подруги уселись напротив, приготовившись смотреть шоу. Профессор объяснил детям, что поглощение бета-волн – лишь часть

функций резонаторов, еще одна важная их составляющая – умение их генерировать.

– Да, в Федерации запрещено насыщать эмоции на других гуманоидов. Но на предметы-то можно! Вот перед вами электромагнитный контур, и вы можете попытаться его включить. Надо лишь сосредоточиться, подумать о чем-то хорошем и послать нужную волну...

Как он и ожидал, запустить механизм получилось у меньшинства. У кого-то из детей резонаторы еще не проклюнулись, кто-то не мог сформировать волны, кто-то не понял, что от него требуется. Но нескольким мальчишкам удалось поднять металлическую пластину в воздух на две или три секунды, и в глазах друзей они явно поднялись на целую ступеньку выше.

Себастьян молча радовался, что дети не впали в истерику и быстро переключились с опасной темы привязок на нейтральную. Том умудрился сгенерировать правильные бета-колебания и продержал контур активированным дольше всех, а вот близнецам Лансу и Лотту не удалось этого вовсе. Разумеется, они расстроились, да так сильно, что это отразилось на их ментальном фоне.

Прозвенел звонок с урока. Дети шумно засобирались домой.

– Вот вырасту и научусь запускать и этот дурацкий контур, и вообще эмоции на девочек оказывать. Вон Мари-Эн в меня влюбится и будет трогать мой хвост, а не Конста, – пыхтя и закрывая портфель, вдруг сказал один из близнецов.

– А я бы на маму хотел насрать эмоции, чтобы она улыбалась чаще, – буркнул его брат.

Если бы Себастьян за ними не наблюдал, то и не услышал бы этого разговора. Слова детей заставили напрячься. Когда они полностью собрались, Касс словно невзначай увязался за ними.

– Лотт, Ланс, вы же слышали, что я сказал, что нельзя влиять на эмоции других гуманоидов? – строго спросил он ребят, когда они вышли в коридор.

Оба мальчика вздрогнули и с недоверием обернулись. Очевидно, они не услышали, что преподаватель вышел за ними, а по бета-фону еще не научились этого делать.

– Ну почему нельзя-то? Дома вон если провернуть, то никто не узнает, – тихо, но уверенно произнес тот из мальчиков, кто очень хотел

обрадовать маму.

– И вообще, я видел по головизору, что на преступников можно воздействовать! А также доки лечат пациентов резонаторами.

– Ваша мама преступница или она чем-то больна? А ты хочешь получить образование дока? – требовательно уточнил Себастьян.

Мальчишки переглянулись, словно ища поддержки друг у друга.

– По головизору говорили, что главная опасность применения бета-колебаний – это вероятность случайно спалить мозги в кашу. Но если воздействовать аккуратно, как доки, ну и место выбрать, чтобы никто никогда не узнал и не почувствовал... – протянул один из них, словно размышляя.

Себастьян покачал головой, озабоченно размышляя, что биология биологией, но ведь должен же кто-то объяснять детям морально-этическую сторону вопроса! Обычно на такие деликатные темы отцы беседуют со своим сыновьями. Мужчина хотел попытаться донести до мальчишек, что то, что они задумали, плохо, но в этот момент вся троица вышла на улицу и среди общего ментального фона разнообразных эмоций Себастьян вдруг почувствовал знакомый кружащий голову аромат сирени.

Она будто сказочное видение стояла недалеко от пропускного пункта для родителей, а короткие волосы развевались на ветру и обнажали тонкую шею. Солнце запуталось в темных прядях, а кожа мерцала золотым светом изнутри. Строгое пепельно-серое элегантное платье по колено облегло ее фантастическую фигуру и ничуть не портило образ, хотя что-то воздушное и легкое пошло бы Ориелле больше. Взгляду открывались обнаженные изящные икры, словно у примы балета, острые косточки на лодыжках и тонкие щиколотки, обутые все в те же знакомые босоножки. Цваргиня теребила миниатюрную сумочку универсального черного цвета и, прищурившись, вглядывалась в выходящих из школьных дверей учеников. Внезапно ее лицо озарила ослепительно-теплая улыбка.

Говорят, у цваргов не бывает инфарктов, но сердце Себастьяна совершенно точно в этот миг пропустило удар. Он улыбнулся в ответ и помахал рукой.

– Мама, мама!..

Ланс и Лотт бросились со всех ног к неземному видению, а Касс в который раз ощутил себя идиотом.

«Она улыбалась не тебе, кретин! Она детей из школы ждала», – пришло запоздалое понимание.

Он торопливо опустил руку, делая вид, что поправляет свитер, но обнимающая детей женщина перевела взгляд и заметила недавнего знакомого. Удивление ее оказалось столь велико, что отразилось в ментальном фоне.

– Себастьян? А что вы тут делаете? У вас тоже есть дети?!

В последнем вопросе проскользнула странная терпко-горьковатая нотка, но не успел Касс ее как следует распробовать, как она растворилась в ровных бета-колебаниях с цветочным благоуханием.

– Нет, у меня нет детей, – ответил он, вновь улыбнувшись. – Я заменял коллегу, проводил урок биологии.

– О-о-о, – протянула Ориелла, – так вы школьный учитель? Ланс и Лотт не сорвали вам урок? Некоторые учителя жаловались, что их невозможно уговорить.

– Мам, ну ты что! Нормально мы себя ведем! – возмущенно заявил один из мальчиков.

– Господин Касс вообще-то не простой учитель, а профессор астробиологии и межгалактической генетики! – тут же с важностью добавил второй ребенок, чем ввел обоих взрослых в состояние легкого конфуза.

Себастьян никогда не любил бравировать профессорской степенью и был поражен, что мальчишка запомнил и выговорил все звания верно. А щеки Ориеллы Мэрриш окрасились легким румянцем, потому что она представить себе не могла, что молодой мужчина, которого она встретила у озера в спортинках и футболке, целый профессор! Будучи женой шофера, она преклонялась перед людьми с высшим образованием, которые добились немалых высот собственным умом.

– Ну что вы, госпожа Мэрриш! – первым опомнился Себастьян. – Ваши дети чудесно себя вели на уроке и задают очень правильные вопросы. Я буду рад поделиться с ними всеми знаниями, которые они усвоят.

– Я... очень благодарна. Правда. – Дивной красоты видение улыбнулось и смущенно переступило с ноги на ногу как тонконогая газель. Цваргиня несколько секунд стояла в нерешительности, словно хотела продлить разговор, а затем едва заметно отрицательно мотнула

головой и взяла за руки обоих сыновей. – Приятно было увидеться, господин Касс!..

Глава 6

Дети и жуки

Орианн Мэрриш

Я чувствовала себя странно – после встречи с Себастьяном Кассом любая вещь напоминала мне о молодом и улыбчивом профессоре.

Обычно я не обращала внимания на мужчин, классифицируя их как «очень важные гости мужа». Супруг не любил, когда я появлялась в зале, если у него очередная мужская встреча. Он искренне переживал, что если я буду разносить напитки, то эти самые друзья быстро догадаются, что никакой прислуги у Мориса и в помине нет. С одной стороны – унизительно, с другой – мне на руку, ведь так я могла спокойно проверить домашнее задание у Ланса и Лотта и уложить их спать.

Приятели мужа имели значение не большее, чем стол или стул, с той только разницей, что они раздражающе реагировали на болезненную любовь Мориса сорить деньгами и охотно поощряли его всякий раз, когда он делал широкие жесты. Например, нанимал кейтеринговую компанию, которая угощала миттарскими устрицами и розовым шампанским добрую сотню почти незнакомых гуманоидов. Сомнительно, что хоть один из всей оравы приглашенных догадывался, что милые зеленые кустики в конце участка высажены не для красоты – это настоящая картошка. Ее я посадила однажды поздно вечером, когда поняла, что после очередного кутежа Мориса детей просто нечем кормить. К счастью, у меня получилось договориться со школьным поваром, чтобы целую неделю им давали двойную порцию еды. Самой же пришлось придерживаться вынужденной диеты. С тех пор я подсознательно враждебно относилась к мужчинам в дорогой одежде, потому что они ассоциировались с инфантильным поведением Мориса. Да и в целом цварги обычно вызывали у меня лишь раздражение.

Себастьян Касс запомнился со встречи на причале: подтянутый легкоатлет с фантастически синими, словно бездонный океан, глазами, витыми обсидиановыми рогами, широкой белоснежной улыбкой, в

спортивной форме и дорогой обуви. Я ошибочно предположила, что это чей-то богатенький избалованный отпрыск, привыкший пускать пыль в глаза, а тут выяснилось, что он профессор. Только подумать!.. Как вообще в таком возрасте можно стать профессором?! И сколько ему лет? Я-то наивно полагала, что старше его... Он что, в колледж попал в четырнадцать? Интересно, а возьмут ли меня на архитектурный факультет, если я сдам вступительные, или тридцать – это уже поздно?

Мысли вновь скакнули. Память подкинула вид Себастьяна с аккуратно собранными в мужскую косу-жгут волосами, в повседневных джинсах и свитере широкой крупной вязки в образе школьного учителя, и я невольно улыбнулась. Ему шло. Действительно шло... Молодой мужчина выглядел уверенным в себе, но при этом уютным и теплым, а необычная для Цварга прическа была изюминкой. Впрочем, Себастьян сам был изюминкой, стоило вспомнить, как влажная от пота футболка плотно облепляла рельефный сухой пресс и выпуклую грудь. Свитер прятал потрясающую и совсем не профессорскую фигуру.

По дороге домой Ланс и Лотт взахлеб и перебивая друг друга рассказывали о «необычной летающей штуковине», которую им показал профессор Касс на уроке и объяснил, что если они научатся пользоваться резонаторами, то и у них будет получаться такой фокус.

– Оказывается, иметь резонаторы – это весьма круто! – заявил Ланс.

– Да, только если не привязаться к какой-нибудь девчонке, которой ты нафиг не нужен, – помрачнел Лотт. – Тогда умрешь. Звучит не очень.

– Профессор Касс утверждал, что если не хочешь, то не привяжешься, – заспорил младший из близнецов.

– Хм-м-м... Мам, а что ты скажешь?

Две пары одинаковых темно-карих глаз с требовательным интересом уставились на меня, а я осознала, что понятия не имею, как отвечать на вопросы сыновей – у меня-то нет резонаторов!

– Думаю, что господин Касс не стал бы врать, – ответила я, тщательно подбирая нужные слова. У детей выборочная память, и порой неаккуратно брошенные фразы они могут запомнить на долгие

годы. – И если профессор говорит, что цварг при отсутствии желания не сформирует ментальную привязку, то, значит, так оно и есть.

«Ну, а на крайний случай на Цварге невозможно развестись, если мужчина не хочет, но вам об этом знать пока не стоит...»

Дети пообедали и убежали делать уроки, а я принялась убирать дом и готовить ужин, который прошел так же незаметно, как и обед, разве что Морис пришел раньше обычного и постоянно требовал подать ему то соль, то перец, то налить соку, то положить добавку. Если обычно поведение супруга а-ля «обслужи меня, я устал после работы» бесило, то сегодня без лишних эмоций я выполняла все, что он просил.

Пока я ставила посуду в посудомоечный шкаф, супруг подошел и внезапно потерял эрекцией прямо через двойную ткань – его штанов и моего платья. Огромная лапища по-хозяйски задрала юбку и неприятно сжала бедро.

– Дорогая, ты сегодня так необычно пахнешь... м-м-м...

Я резко вынырнула из размышлений, выпрямилась и шлепнула мужа по руке. Больше Морис не касался меня своей эрекцией – лишь внушительным пузом, которое нависало над ремнем.

– Ты что делаешь?! А если дети увидят? – зашипела я на супруга, стремительно одергивая подол платья.

Ланс и Лотт только-только вышли из кухни.

– Скажем, что делаем им давно желанную сестричку, – прохрипел Морис в ухо. – Я чувствую, что я бы тебе сейчас вдул как следует... Натянул по самые яйца! Они у меня лопаются от вида твоего упругого бампера, когда ты нагибаешься.

Меня замутило от того, что муж может попытаться склонить к интиму, а уж от мысли, что мне даже на Эльтон не вырваться, чтобы поставить противозачаточный имплантат, к горлу подступила тошнота.

Я провернулась в кольце жестких рук Мориса и почувствовала характерное амбре, хотя взгляд мужа был абсолютно сконцентрированным – видимо, организм цварга уже переварил спирт.

– Ты пил, что ли?

– Да, и что? – с вызовом ответил муж. – Ты же видишь, я трезвый, как муассанит лучшей огранки! Итак, пойдем в твою спальню или мою?

Он ухватил меня покрепче, от чего пуговица на его пиджаке болезненно впилась мне в район солнечного сплетения.

– Не хочу, – пробормотала я тихо, ожидая вспышки гнева.

«Может, если не злить и не напоминать про развод, то он отстанет и все вернется в обычное русло, когда он удовлетворится на стороне?»

Мориса перекосило от «не хочу», но он отпустил меня, выругавшись себе под нос.

– Ну вот, от тебя снова стало пованивать. О чем ты думала за ужином?

«О мужчине, который никогда бы не произнес такие слова, как „заделал“, „натянул“ и „бампер“ по отношению к женщине».

– Гм-м-м... – Я отстранилась от Мориса настолько, насколько возможно, выбрала программу стирки на посудомойке и вытерла руки о вафельное полотенце, собираясь с мыслями. – Я размышляла о том, что, когда переехала с Эльтона, бросила колледж. Потом была сложная беременность...

Морис демонстративно закатил глаза.

– Давай уже быстрее. Когда я спрашивал, о чем ты думала, я не имел в виду, что мне это интересно. Я просто хотел, чтобы ты подумала о том же самом.

Я торопливо кивнула.

– Как ты смотришь на то, чтобы я снова пошла учиться в колледж на архитектора?

– Зачем это?!

– Мне хотелось бы получить образование...

– Чтобы потом работать девочкой на побегушках в какой-нибудь фирме? Ну уж нет. Моя жена этим заниматься не будет! Да меня все на смех поднимут! Скажут, будто я не способен обеспечить семью. А я, между прочим, редкий специалист по логистическим операциям!

«А ты и не способен, – с неожиданной злостью подумала я. – Это государство дает дотации на Ланса и Лотта, и мы живем на них».

– То есть то, что твоя жена драит трехэтажный дом с утра до вечера, – это достойно, а офисная работа – нет? – не выдержала я.

– Пф-ф-ф, – фыркнул Морис, пренебрежительно махнув рукой. – Да какая это работа? Я тебе работа-уборщика подарил.

«Ага, на рождение сыновей. И твои родственники умилялись, какой ты заботливый».

– Восемь лет назад. И тогда у нас была еще небольшая двухкомнатная квартира. Чтобы этим роботом убрать всю территорию поместья, мне приходится наклоняться, заменять аккумулятор, фильтры и воду столько раз, что вымыть полы руками проще. Я даже не говорю, что он тяжелый настолько, что поднять его по лестнице – как сходить в спортзал.

– Ну вот, считай, у тебя еще и бесплатный фитнес, – широко оскалился Морис. – Что же ты такая неблагодарная, а, мышка-глупышка?

Вдох. Выдох.

– Я не люблю, когда ты меня так называешь.

– А я не люблю, когда ты отказываешь в постели. – Морис снова недвусмысленно положил руку на поясницу и потерся. Слава Вселенной, на этот раз только животом. – Но так и быть, я готов обдумать разрешение на учебу, если прямо сейчас ты раздвинешь ноги и будешь стонать так, как стонала в наш первый раз.

К счастью, от ответа меня избавил Ланс, вбежавший на кухню.

– Пап, мам, там Лотт задумал какую-то ерунду в моей комнате, а я ему говорю, что дырка в полу мне не нужна!

Я перевела растерянный взгляд на мужа:

– Морис, ты так и не поговорил с сыновьями?!

Он вновь пренебрежительно возвел глаза к потолку.

– Какого шварха это я должен делать?! Почему ты не можешь им сказать, чтобы они прекратили хулиганить?!

«Потому что это и называется отцовством. А заделать детей может каждый».

Морис сделал замечание детям в излюбленном виде: мол, он-то понимает, что они растут будущими мужиками, но трусливая мама против опасных экспериментов в доме. У меня закончились силы спорить, что нельзя подрывать авторитет второго родителя и так общаться с сыновьями, их надо воспитывать и доступно объяснять, почему нельзя делать те ли иные вещи. Супруг лишь отмахнулся:

– Они еще мелкие, вон наросты резонаторов только-только появились. Восемь лет, я тебя умоляю. Вот будут постарше, тогда и поговорю с ними по-мужски.

Чувствуя себя вымотанной и выжатой досуха после физически сложного дня и очередного неприятного разговора с Морисом, я

рухнула в постель, а проснулась... от настойчивых толчков в бока.

– Мам-мам, проснись! Ну, ма-а-ам!

Я еле-еле разлепила глаза и бросила взгляд на коммуникатор. Два часа ночи.

– Что-то случилось?

Полностью одетые и сосредоточенные Ланс и Лотт сидели по краям матраса. У обоих в руках находилось по стеклянной литровой таре.

– Мам, слушай, папа сказал, что фигню можно делать только со взрослыми.

«Морис, неужели нельзя было объяснить детям все нормальными словами?!»

– Правильно он сказал. Только не фигню, а необычные занятия.

– Так вот, мы собрались на улицу. Сегодня ночь, когда у жуков-роговиков рога светятся! Их можно поймать в банку.

– Зачем вам это?

Я приподнялась на локте, чувствуя, что невыносимо хочется спать.

– Ну как же?! Это же так здорово! Светящиеся рога! Надо это изучить! А вдруг у нас, цваргов, они тоже могут светиться, а мы не знаем? Учитель Кианз хотел про жуков рассказывать на вчерашнем занятии, и если бы он не заболел, то мы точно роговиков изучали бы!

– Лотт, Ланс, это все хорошо, но сейчас ночь на дворе. Куда вы пойдете за жуками? Я уверена, что господин Кианз ни в коей мере не подразумевал, что вы среди ночи должны собирать насекомых. Скорее всего, как только он выздоровеет, принесет в класс картинки или голограммы. Давайте спать, а? Роговиков в крайнем случае можно и утром собрать.

Я вновь опустила голову на подушку и шумно зевнула. Глаза слипались.

– Ну, ма-а-ам, картинки – это не прикольно. А утром они перестанут светиться и их уже не найти в траве! Неужели ты не понима-а-аешь?! – Лотт снова потряс меня за плечо. – И вообще, мы поступили хорошо. Задумали дело – и пришли к тебе, а ты нас прогоняешь спать. Разве это справедливо?

– Они всего пару ночей в году святятся, сегодня как раз именно такая, – тихо добавил Ланс.

Понимала. Увы, я понимала, что Ланс и Лотт разбалованы так, что если я сейчас жестко скажу «нет», то они обидятся и вопреки запрету пойдут ловить жуков в одиночку, а это опасно. И даже если я застукаю их за побегом из дома, наказать должным образом не смогу, а Морис все это и вовсе подаст как «я-то не против, но ваша трусливая мать боится, не надо ее расстраивать». Уж лучше все проконтролировать самой... В конце концов, ночная прогулка в предгорье и ловля жуков – это гораздо менее опасно, чем строительство и тестирование истребителя из черенков лопат или химический эксперимент по созданию самодельной бомбы в спальне. Да и совесть, если честно, грызла. День рождения близнецов вышел, скорее, очередной тусовкой для их отца, а Морис постоянно экономил на игрушках... Если уж они так хотят иметь этих жуков, то так и быть.

Тяжело вздохнув и понимая, что в этот раз выспаться не судьба, я села в кровати.

– Ладно, дети. Дайте мне пять минут, чтобы одеться, и выдвигаемся. На ловлю жуков отвожу ровно один час, а затем вы добровольно возвращаетесь домой в постель. Договорились?

– Да-а-а! Ура-а-а! – хором закричали сорванцы, и я не смогла не улыбнуться.

Глава 7

Несчастный случай

Себастьян Касс

Ты не подумай, что мы тебе не рады. Но ты вроде как на неделю только собирался, а тут живешь и живешь. Даже велел Гаскону перепарковать истребитель в тень, – сказал за обедом Стефан.

– Да лето жаркое, а у «Ястреба» большие иллюминаторы, воздух внутри быстро накаляется.

Себастьян передал дяде порцию макарон с креветками.

Повар в поместье Кассов была замечательная, но готовила только завтраки и ужины. Предполагалось, что все Кассы обедают вне поместья и возвращаются домой к закату. Ужин, как правило, сервировался прислугой в отдельном помещении-столовой. Не привыкший к обслуживающему персоналу Себастьян после школьных занятий тайком проник на кухню и буквально лоб в лоб встретился с обоими дядями.

– Эх, не была бы Рорина замужем, женился бы на ней! – внезапно с пафосом воскликнул Стефан, проглотив очередную креветку и зажмурившись от удовольствия. – Как у нее только получается такой восхитительный сливочный соус?

Софос внезапно хохотнул.

– Несмотря на то что она прилетела по визе «беллеза»^[2] и у нее уже есть два сына? Что-то я не узнаю правильного брата-близнеца. Или тут суть в том, чтобы прикарманить ее детей? Не, ну так-то ба с дедом только счастливы будут, что семейство Кассов пополняется. Но я всегда думал, что ты хочешь родных наследников. Да и они тоже вроде как за чистоту крови и все такое.

– Да пошутил я, разумеется, – вздохнул Стефан. – Понятное дело, что если она замужем, да еще и дети – это табу. Просто еда Рорины – это нечто. Всякий раз, обедая у себя в офисе, думаю, как бы наврать подчиненным и тайком улизнуть в поместье. Сегодня вот получилось.

Он снова активно принялся с аппетитом наворачивать блюдо.

– По визе «беллеза»? Получается, она не цваргиня? – вставил Себастьян, прикидывая в уме, что, оказывается, еще не у всех, у кого можно, собрал кровь для исследований. Если у повара двое сыновей-цваргов от мужа, то кровь Рорины однозначно будет не лишней.

– Да, но она ларчанка, так что оба сына получились ярко выраженными полукровками, – добавил Софос.

Племянник задумчиво кивнул.

– Все равно интересный случай, надо пообщаться.

– Слушай, Себастьян, а ты не увиливай от темы! – внезапно воскликнул Софос. – Ты на Цварге задержался и говоришь, что неизвестно насколько... Тебе понравилась последняя цваргиня? Признайся, ну! Решил попросить у нее еще одно свидание? А ведь хорошенькая такая... Как ее зовут?

– Джун. Да, действительно, очень хорошенькая, из новой аристократии и всего двадцать пять лет. По идее, уговорить переехать на Юнисию не должно быть такой уж большой проблемой, – невозмутимо подтвердил Стефан.

– Мне показалось, что наш Себастьян стесняется извиниться за холодность и пригласить ее на еще одно свидание.

– Ага, я тоже так подумал. Судя по анкете, Джун нравятся тюльпаны, у нас их в саду много. Я послал уже от имени Себастьяна букет.

Касс-младший чуть не поперхнулся едой, потому что ни разу не называл дядям имен девушек, которые приглашали его на встречи.

– Вы что, рылись в анкетах?! – Его возмущению не было предела. – Эй, Стефан, Софос, вы вообще хорошо себя чувствуете? Вам сколько лет, чтобы объяснять, что так делать нельзя?!

Дяди переглянулись и синхронно пожали плечами.

– Нет, ну а что? Должны же мы позаботиться о единственном сыне нашего любимого младшего брата. Север и Вивьен далеко, а мы тут, рядом. Помогаем тебе выбирать.

«О-о-о...» – мысленно взвыл Себастьян Касс.

Его отец-ученый и мать-юрист в этом плане являлись в высшей степени интеллигентными гуманоидами, которые никогда беспардонно не совали носы в личную жизнь сына. Про братьев отца Вивьен предупредила, что это они «сложные личности», но Себастьян и представить себе не мог, до какой степени.

Он сделал глубокий вдох, призывая себя к спокойствию. В конце концов, правила поведения на Цварге и Юнисии заметно отличаются, вероятно, поэтому между ними такое недопонимание.

– Спасибо за заботу, – медленно произнес племянник. – Но нет, я остался на Цварге на неопределенный срок не из-за Джун. Она милая и приятная цваргиня, но после встречи мы поняли, что не подходим друг другу. Перед отлетом на Юнисию я хочу собрать как можно больше материала для исследований по проблеме рождаемости у цваргов. И Планетарная Лаборатория обещала помочь с данными, если я заменю школьного учителя биологии. Он слег из-за бета-недостаточности, и отсюда неясные временные рамки моего пребывания на Цварге. Все. Никакая Джун здесь ни при чем! И не надо слать никому букеты от моего имени, Стефан! Это понятно?

– Ладно-ладно, я всего лишь букет отослал. – Стефан примирительно поднял ладони. – Не психуй ты так, будто кротовая нора схлопнулась. Больше не буду. Передай еще добавки, пожалуйста.

Стоило Себастьяну подняться из-за стола и отвернуться, как в спину донеслось:

– Мы поняли, что тебя только замужние дамы с детьми интересуют.

Гром среди ясного неба поразил бы профессора меньше, чем эта фраза.

Внезапный метеоритный дождь...

Стремительная лавина с гор...

Да любое буйство стихии не застало бы Касса-младшего врасплох так, как застала эта фраза.

Он так и замер, не зная, шагнуть ему вперед, к плите, чтобы положить очередную порцию макарон с креветками, или развернуться и посмотреть на братьев отца. Толпа ледяных мурашек пробежалась по телу вдоль позвоночника до основания хвоста. После урока биологии у третьеклассников и встречи с матерью Ланса и Лотта он несколько часов тщетно уговаривал себя заняться делом и поработать.

Голова отказывалась нормально думать, все буквально валилось из рук, числа не хотели сходиться, а статья коллеги казалась какой-то бессмыслицей. Всякий раз, когда Себастьян закрывал глаза, он видел тонкую фигурку Ориеллы Мэрриш с полной грудью, слышал ее мелодичные горьковато-сладкие цветочные эмоции и мечтал коснуться

коротких волос, как это делал ветер. Даже ночью возбужденное подсознание подсунуло ему образ Ориеллы, словно она была единственным источником прекрасного в этой жизни.

И это ее «как же хорошо-о-о...» у озера! Стоило вспомнить, как слова сорвались с мягких губ, во рту пересыхало, а кровь в жилах начинала течь быстрее. В мыслях Себастьяна крутилась болезненно-навязчивая идея заявиться на порог поместья Мэрриш в качестве школьного преподавателя и доброго соседа. Теперь-то у него были почти все основания якобы случайно напроситься в гости...

«И что ты сделаешь дальше?» – насмешливо фыркнул внутренний голос.

Себастьяну явно не мешало бы в профилактических целях побиться головой о стену за грязные мысли о чужой жене, но так отчаянно хотелось если не сжать, потереться и зарыться носом в волосы, то хотя бы просто побыть рядом и послушать аромат ее эмоций.

Неужели после встречи с Ориеллой у него настолько все написано на лице?!

Профессор астробиологии и межгалактической генетики медленно обернулся.

– Да-да, и желательно, чтобы у дамы детей было несколько, – подхватил эстафету издевательств Стефан.

– И она вкусно готовила, но это опционально, – хохотнул Софос.

«Я понятия не имею, умеет ли Ориелла готовить», – рвались с губ Себастьяна слова, но он мужественно взял себя в руки и переспросил:

– Что?

Близнецы перевели на него искрящиеся смехом взгляды.

– Нет, ну а что? Ты как только слышишь, что у дамы есть дети, так бросаешься всеми правдами и неправдами знакомиться и брать кровь для опытов. Вон, даже нашу ларчанку Рорину вниманием не обошел! Эй, Себастьян, выдыхай. Шутим мы так. Ты чего такой серьезный-то?

– Ничего. – Себастьян поставил тарелку с едой на стол и помассировал гудящие виски. – Пойду, пожалуй, поработаю.

Весь вечер Касс-младший провел в исследованиях крови тех цваргов, которые добровольно согласились поделиться биоматериалом. Куда бы Себастьян ни летал, везде с собой возил переносную мини-лабораторию, хотя «мини» она была только по сравнению с той

гигантской, что ему выделил ректор Академии. Обычно молодому профессору астробиологии нравилось зарываться в работу, вычленять гены с мутациями, анализировать медицинские карты гуманоидов и сопоставлять карты ДНК представителей разных рас, но сегодня толком ничего не получилось сделать: насмешливые замечания дядей попали точно в цель.

Мысли нет-нет да и съезжали в сторону одной прекрасной замужней цваргини. Как назло, в памяти отчетливо возникала их первая встреча у озера.

«Мне кажется, он уже давно ко мне ничего не испытывает».

Себастьян постарался переубедить ее, даже не зная супруга, просто потому, что это казалось правильным. К сожалению, позднее господин Мэрриш произвел на профессора неприятное впечатление. Он принялся отчитывать жену так, словно она нерадивая прислуга, а слух царапнуло обращение «мышка», обозначающее мелких невзрачных грызунов с длинным голым хвостом. Каким же слепцом надо быть, чтобы такую женщину называть мышкой?!

Если бы Себастьяна попросили сравнить Ориеллу с кем-то из мира животных, то он, не сомневаясь, ответил бы, что это самая грациозная и длинноногая лань, которую ему когда-либо приходилось встречать. Одни миниатюрные лодыжки в летних босоножках напоминали о хрупкости и незащитности цваргини. Плавная, полная достоинства, но при этом пугливая, стоило вспомнить, как торопливо она попрощалась с ним на заднем дворе школы. И тонкая шея с часто пульсирующей жилкой... такую бы целовать и целовать.

«Мы поняли, что тебя только замужние дамы с детьми интересуют», – набатом звучал голос дяди в голове.

– Да что ж за наваждение такое-то?! – сердито пробормотал Себастьян, ударив ладонью о столешницу. – Может, собратиться и переехать в квартиру на южном полюсе? Там, по крайней мере, никто не станет рыться в документах и высылать букеты от моего имени.

«Тогда ты будешь далеко от Ориеллы», – резонно заметил внутренний голос.

Себастьян шумно выдохнул и мужественно принял решение не беспокоить соседку, но факт того, что до нее можно пешком добраться за каких-то полчаса, приятно грел душу и не давал сорваться на собственную жилплощадь.

Касс растер лицо и с изумлением обнаружил, что за попытками чем-то занять себя и отвлечься наступил уже второй час ночи. Голова гудела от непристойных, но таких притягательных мыслей. Профессор решительно отложил все научные статьи в сторону, переоделся и отправился на пробежку в предгорье.

«Поддержу форму и засну быстрее», – сказал он мысленно, застегивая спортивные кроссовки.

Ночь была прекрасна: звезды бриллиантовой крошкой усыпали чернильный небосклон, прохладный ветерок трепал волосы, затянутые в небрежный низкий хвост, пробирался под футболку и охлаждал разгоряченную от бега кожу. Себастьян специально выбрал маршрут посложнее с километровым перебросом, чтобы мышцы как следует потрудились.

Вверх по склону. Вниз. Вверх. Вниз...

Острые камни попадались то тут, то там, но благодаря правильной технике бега и постановке стопы, качественной трекинговой обуви и острому зрению, характерному для всех цваргов, он спокойно преодолевал расстояние. Ко всему, ночь выдалась явно особенной: жуки-роговики сияли теплым оранжевым светом и кружились в брачных танцах. В полевой траве их было плохо видно, зато чуть выше, где растительность переходила в густой мох и редкие пучки вереска в трещинах между породой, жуки напоминали крохотные летающие огоньки.

Себастьян ловко перепрыгнул через внушительный серый валун и оказался на небольшом плато: багульник здесь рос чуть выше колена. До озера оставалось метров пятьсот, не больше, но благоухание этого места так напомнило Юнисию, по которой он уже успел соскучиться, что мужчина стянул влажную от пота футболку, бросил на землю и растянулся прямо поверх нее, сунув травинку в рот.

Наконец-то тревоги улеглись.

«В ближайшее время надо будет провести еще несколько лекций по биологии для младшеклассников, после чего получить контакты многодетных семей от Планетарной Лаборатории, и можно будет возвращаться домой. Интересно, корректно ли будет навеститься к Ориелле в поместье, чтобы попрощаться?»

Себастьян не придал значения тому, что аромат трав стал слаще.

«Неудивительно, что мне теперь везде чудится сирень, раз я постоянно о думаю о цваргине. Надо как-то переключаться».

Стоило оформиться последней мысли, как Касс с изумлением понял, что запах знакомых бета-волн ему не чудится. Он действительно есть. Где-то... поблизости.

«Я что, уже с ума схожу? Ориелла не стала бы гулять среди ночи в горах».

Касс приподнялся на локте, тряхнул головой, стараясь избавиться от наваждения, и в этот момент увидел три фигурки – одну высокую женскую и две поменьше – явно принадлежавшие детям. Мальчишки бежали, петляя словно метеориты в гравитационном колодце, а цваргиня старалась от них не отставать. Госпожа Мэрриш в этот раз была одета в мягкий домашний костюм из флисовых брюк и кофты. Она время от времени опиралась на крупные камни, чтобы перевести дыхание, и отбрасывала лезущие в глаза непослушные короткие пряди.

Себастьян замер, не зная, что делать. Если он сейчас встанет с земли, то совершенно точно напугает троицу, да и выглядеть это будет так, будто он занимается по меньшей мере преследованием. Но ведь он здесь оказался случайно!

– Мама, смотри, какого жирного я поймал! – весело прокричал один из мальчиков, потрясая в руке предметом: то ли прозрачной банкой, то ли пластиковой коробкой.

– Да-да, Ланс, отличный жук. Может, уже хватит для школы?

Ориелла пыталась догнать детей, но явно уступала детской неистощимой энергии.

– Не-е-е, я еще хочу. Они же разных оттенков...

– А у меня зато с самыми большими рогами! – вмешался второй мальчик.

– О, я тоже такого хочу!

– Там чем выше поднимаешься в гору, тем у них крупнее головы... А я жирных поищу в траве!

– Ланс, Лотт, пожалуйста, не разбегайтесь... Тут темно, можно подвернуть ногу! – с тревогой попросила Ориелла.

– Ой, мам, ну все же прекрасно видно. Тем более жуки подсвечивают дорогу.

Себастьян затаил дыхание, наблюдая, как троица приблизилась и резко разделилась. Теперь он уже чувствовал эмоции всех троих –

неподдельный восторг близнецов и усталость их матери – и был благодарен Вселенной за то, что никто из них не умеет читать бета-колебания. Ох, если его сейчас обнаружат в кустах, это будет фиаско.

«Уважаемый профессор в полуголом виде подсматривает за замужней дамой с детьми на ночной прогулке. Скандал выйдет похлеще, чем с той пожилой мадам, которая обвинила меня в домогательствах из-за прикосновения без спроса...» – мрачно подумал Себастьян.

Один из мальчишек направился в его сторону, но, к счастью, остановился метра в двадцати, так что мужчина тихонько выдохнул. Шварх! Надо бы надеть футболку и отползти, но как это сделать незаметно? Он так отвлекся на сына Ориеллы, что не сразу понял, из-за чего женщина внезапно побежала в сторону.

– Ланс, стой! Ланс, кому говорю!.. А ну, слезь оттуда!

Несколько непозволительно долгих секунд у него ушло на то, чтобы рассмотреть в ночи фигурку мальчика, взгромоздившегося на опасный валун. Мальчик, не обращая внимания на крики матери, пытался поймать светящегося жука... Как в замедленной съемке Себастьян видел, что обманчиво твердая порода под его левым ботинком превращается в крошку и восьмилетка падает, но при этом все еще с азартом пытается поймать насекомое... Высота небольшая, но он не успевает сгруппироваться, а торчащие из земли камни порой очень острые.

– А-а-а, больно-о-о! – завопил Ланс, оглушая поляну громкими рыданиями.

Ориелла подбежала к нему, но было уже поздно.

* * *

Орианн Мэрриш

Я понятия не имела, что делать. Ланс сел на попу и заорал так громко, что заложило уши, а сердце пропустило удар: кровь была повсюду. В висках бешено застучало. Вот же идиотка! Зачем только согласилась на затею близнецов?!

Сглотнув ком горечи, я присела на корточки, пытаюсь разобраться, что случилось. Откуда столько крови-то?!

– Ланс, хороший мой, где болит?

– Везде-е-е... – еще оглушительнее разрыдался сын.

Сердце лихорадочно билось о ребра, я инстинктивно потянулась к коммуникатору и замерла на секунду, отчаянно пытаюсь сообразить: как поступить? По-хорошему, надо вызвать дока на дом, но Ланса-то нужно еще как-то донести до поместья. Это он выглядит маленьким, а так, как все цварги, очень тяжелый... Вызвать дока сюда на вертолете? Ладно, это выйдет в астрономическую сумму, потом кредит возьмем – не впервой. Но как объяснить, где мы?!

Из горла вырвался истерический вскрик, стоило представить, как я пытаюсь объяснить, что везде горы. Мы же даже от озера отошли, никаких ориентиров!

Сзади раздался шорох, и, подумав, что это Лотт, я громко крикнула:

– Стой где стоишь!

– С вашего позволения, я все-таки предпочту осмотреть ребенка и взять на руки. Вы же не донесете его, – раздался уверенный голос.

И почти сразу же на корточках рядом присел Себастьян Касс с обнаженным торсом. Мужское бедро случайно коснулось моего, и через два слоя ткани я почувствовала чужое и обжигающе горячее тело. Мир на секунду-другую поплыл перед глазами.

«Это я так нервничаю, что начались галлюцинации?»

– Профессор Касс? – изумленно протянул сын, опровергнув версию с глюками.

Мужчина сноровисто ощупал конечности, туловище и голову начавшего успокаиваться Ланса, особое внимание уделив наростам. Он действовал крайне быстро, откидывал от сына какие-то невидимые кусочки... Его переплетенные венами руки мелькали перед глазами словно руки дирижера.

– Так, осколки стеклянной тары я убрал, порезы заживут за несколько часов, ничего страшного. Основное пострадавшее место – нога. Мальчик неудачно стесал голень о камень, надо бы посмотреть, нет ли трещины или смещения кости, и обработать рану, – уверенно произнес Себастьян. – Ты Ланс или Лотт?

– Ланс.

– Пойдешь ко мне на руки? А то мама не справится.

Цварг кивком указал на меня и протянул руки.

Сын прикусил нижнюю губу, раздумывая, затем утер слезы и коротко бросил:

– Пойду.

Я уставилась на профессора астробиологии в полном ошеломлении от того, как быстро все происходит. Мысли не успевали за происходящим. Как он здесь оказался? Откуда узнал, что мне нужна помощь? Почему в таком виде? Ну, право, не следил же он за нами...

Касс подхватил Ланса на руки так, словно бы тот ничего не весил, и попросил сына крепко-крепко держаться за шею. Ланс сосредоточенно кивнул, хотя по перекошенному личику было заметно, что ему очень больно. Включив подсветку на коммуникаторе поярче, Себастьян аккуратно, но уверенно двинулся с ношей вниз с горы. Я опомнилась, схватила притихшего Лотта за руку и пошла вслед за мужчиной.

В голове все еще шумело из-за выплеснувшегося в кровь адреналина, а сердце барахлило, словно старенький моторчик. А если бы Себастьяна здесь не оказалось? А если бы валун был выше? Если бы Ланс упал вниз головой, а не ногой? А если бы?..

– А как вы?..

Связная речь на этом закончилась, но Касс, не оборачиваясь, ответил:

– Когда-то на Юнисии были сильные землетрясения, и поэтому курс первой помощи должны сдавать все проживающие на планете. Не переживайте, я уверен, что с Лансом все будет в порядке. Он расплакался от испуга, но ногу проверить стоит.

– Я имею в виду, как вы здесь оказались? – Я наконец-то совладала с речевым аппаратом. – Ночь же... И вы...

Я шла за Себастьяном и смотрела на напряженные мышцы крепкой спины. Свет от наручного коммуникатора цварга подсвечивал мужской силуэт: широкие плечи и узкая талия образовывали правильный перевернутый треугольник. Знакомые трикотажные штаны съехали вниз и открывали ямочки на пояснице. Я понимала, что нельзя вот так глазеть на мужчину, это как минимум неприлично, но куда отвести взгляд, не имела понятия. Ко всему, Касс умудрялся еще и срезать шипом, словно косой, траву там, где шел, и поэтому разумнее было следовать как раз за ним, а не рядом.

– Ах, это... – Почудилось, будто Себастьян споткнулся. – Я вышел на ночную пробежку, а тут услышал крик Ланса и поспешил на помощь.

Хвост цварга срезал траву перед нами, но в этот раз немного кривовато.

– А... где ваша футболка?

«Вселенная, он несет твоего сына, а ты допытываешься до его внешнего вида! Да если бы он даже явился полностью голым и признался в лунатизме, это все равно было бы лучше отсутствия помощи!» – сердито одернула я себя, но слова уже сорвались с губ.

– Забыл в траве.

Я невольно охнула, представив, какой выговор получила бы от Мориса, если бы по моей вине ему пришлось оставить одну из драгоценных брендовых вещей где-то на земле. Небо безоблачное, но погода летом на Цварге непредсказуемая, может и дождь пойти. А если Себастьян выставит счет за испорченную футболку? Нестабильные атомы, да она же стоит наверняка как наше месячное питание!

– Наверное, надо вернуться... – неуверенно пробормотала я, глядя в жилистую спину цварга, но он даже не сбавил шага.

– Потом, как будет время, вернусь и поищу. Ничего страшного. Нет таких вещей, которые были бы дороже здоровья детей.

Некоторое время мы шли молча, а затем Ланс завозился на руках Себастьяна и протяжно застонал:

– Бо-о-ольно...

– Я знаю, – невозмутимо ответил Касс. – Могу помочь, но мне кажется, что твоя нога болит не настолько сильно, чтобы вмешиваться в ментальный фон.

Ланс поерзал и вместо очередного стоны умирающего лебедя вдруг деловито поинтересовался:

– А как помочь?

– У тебя задеты нервные окончания, они передают информацию в головной мозг, что тебе больно. Я могу на уровне бета-колебаний убедить твой организм, что никакой боли нет.

– То есть ты обманешь мой мозг?! – потрясенно переспросил сын.

Себастьян кивнул:

– Да, я это внушу с помощью резонаторов. Алгоритм похож на наведение эмоций, которое мы обсуждали на уроке, или на включение

электромагнитного контура. Мне необходимо лишь сосредоточиться, создать и направить правильные бета-волны. Поскольку ты сейчас сидишь на руках, последнее будет совсем не сложно.

– Но ведь, получается, это будет обман... – прошептал мальчик и повернул голову, чтобы посмотреть на брата-близнеца.

Я прекрасно знала эти взгляды и всеми клетками чувствовала, что прямо сейчас происходит что-то неуловимое, но очень важное: близнецы принимают решение. Вроде бы Себастьян общался только с Лансом, но у меня возникло до зуда стойкое ощущение, что общаются все трое и речь о чем-то, чего я не могу понять, хотя разговор слышала с самого начала.

Лотт еле уловимо наклонил голову к правому плечу. Ланс тяжело вздохнул и перевел взгляд на Себастьяна:

– Спасибо, профессор Касс, но нога действительно болит уже не так сильно. Я потерплю.

Я так растерялась от ответа сына, будучи уверенной, что он попросит обезболить ногу, что и не заметила, как мы вышли к величественной усадьбе за высоким ажурным забором.

Периметр частной территории украшали парящие в воздухе энергетические шары-фонари, в рассеянном свете которых просматривался парк миниатюрных фонтанов и статуй. Парковку занимали такие флаеры, что не все шильдики-то были мне известны. Но главное – само здание! Даже не будь я архитектором, невозможно было не отметить искусную работу гения, создавшего это произведение искусства: стекло, металл и камень переплетались друг с другом, образуя причудливый танец материалов. Мощный фундамент, мраморные ступени, панорамные окна-стены, переходящие в прозрачную мансардную крышу, несколько широких террас с балконами, увитыми гроздьями цветущей глицинии.

«Должно быть, здесь живут по-настоящему состоятельные цварги, и стучаться, да еще и среди ночи, к незнакомцам и просить о помощи – непозволительное свинство...»

– Мы вышли не на ту дорогу, – сказала я расстроено. – Наш с Морисом дом в другой стороне.

– Нет-нет, все верно, – заверил Себастьян, бодро останавливаясь перед современной автоматической системой распознавания гуманоидов на воротах. – Это мой дом. – Пока голубой луч биосканера

захватывал его лицо, он нахмурился и добавил: – Не в том смысле, что поместье принадлежит мне. У меня квартира в южном полушарии, но бабушка с дедушкой любят, когда я останавливаюсь здесь.

– Ясно, – ошеломленно ответила я.

К счастью, от дальнейших расспросов спасли скрипнувшие, открывающиеся настежь ворота. Взгляду представились дизайнерская дорожка, выложенная разной величины плоскими камнями, фигурно подстриженные кусты и лента крошечных фонариков на солнечных батареях.

«Это не твои клумбы с тюльпанчиками и картошка в дальнем углу».

Не обращая ни на что внимания, Себастьян с Лансом на руках в несколько прыжков добрался до лестницы, буквально взлетел по ней и скрылся за тяжелой входной дверью.

– Мам-мам, тут так круто-о-о! – Лотт подергал меня за руку, выводя из состояния легкого транса. – А можно я вон на тех качелях покачаюсь?

– Что? Какие качели?

Я обернулась и посмотрела туда, куда тянул сын. За всем великолепием я умудрилась просмотреть подвесные диван-качели, спрятанные в шелковом шатре, по цвету сливающимся с окружающей зеленью. Тот, кто устанавливал их в саду, определенно знал толк в комфорте: засыпать в теплую летнюю ночь на природе, лежа на мягком матрасе и глядя на небо, – это изысканное удовольствие.

Крепче ухватив Лотта за руку, я повела его в дом.

– Лотт, мы здесь ненадолго. Сейчас дока вызовем, он Ланса осмотрит, и мы сразу же отправимся к себе. Понял? – И я добавила чуть тише: – Только бы в этом доме никого не перебудить. Не уверена, что нам здесь будут рады.

– Ага, – с шумным тяжелым вздохом отозвался сын.

Глава 8

Кассы

Себастьян Касс

Благодаря резонаторам он чувствовал, что с Лансом все в порядке, а вот испуг Ориеллы и ее общее состояние тревожили. Всю дорогу до дома Себастьян тщетно ломал голову, как ее утешить, и пришел к выводу, что она сама успокоится, когда поймет, что с сыном все в порядке. После того как вся четверка зашла на территорию поместья, Касс-младший рванул внутрь дома. Получилось не очень-то культурно, но Себастьяну остро требовалось убедиться, что все домашние спят. Ну, или хотя бы оба дяди.

«Вселенная, смилостивись хоть раз в жизни, умоляю! Четвертый час ночи, пожалуйста, пускай они спят...»

Видимо, Вселенная решила, что Себастьян исчерпал лимит везения на сегодня, так как стоило ему сделать несколько шагов, как он буквально влетел в – короткий взгляд на тапочки – Стефана.

– Ты что здесь делаешь?!

– Да вот, ходил на кухню воды попить, смотрю – охранка мигнула входящим гостем, я и задержался. А ты что делаешь? – Стеф зевнул и кивком указал на прикорнувшего на груди Ланса: – Решил пойти более простым путем и похитить ребенка у женщины, чтобы она пришла за ним? Эффективно, должно быть. А футболку снял, чтобы сразу в койку затащить было проще?

Себастьян прикрыл глаза. Шварх, ну почему желание, чтобы дяди спали ночью, невыполнимо для Вселенной?!

– Стеф, абсолютно не смешно. – Он поудобнее перехватил ношу на руках и принялся устраивать маленького пострадавшего на диване. – Недалеко от нас произошел несчастный случай. Этот мальчик оступился, когда ловил жуков-роговиков. Пожалуйста, присмотри за ним. Я, по идее, все осколки вынул, и ранки уже должны начать затягиваться, но, может, что-то упустил? Сейчас за переносным рентгеном сбегая и вернусь. И да, его мама вот-вот зайдет в дом. Пожалуйста, будь пожеливее.

Стефан изумленно выгнул бровь, но все же согласно кивнул, а племянник бросился со всех ног в свою комнату. Уже заворачивая за угол, он услышал голос дяди:

– Храбрый воин-скалолаз, как тебя зовут? А маму твою как?..

Лестница, коридор, поворот, коридор, заветная дверь. Секунды в голове тикали, словно Себастьян сам превратился в часы. Каждая терция ощущалась всей кожей.

«Вот сейчас Ориелла, наверное, заходит в прихожую...»

В домашней аптечке тоже был рентген, но личный аппарат профессора куда более чувствительный. Чемодан, коробка, в ней еще одна – на свет показалось устройство, отдаленно напоминающее лупу докосмической эпохи: круглый экран, закрепленный на алюминиевой ручке. Себастьян издал победный возглас и огляделся в поисках спрея-обеззараживателя и бинтов – обычно такие предметы цваргам не требуются, но для ребенка лишним не будет. За медикаментами пришлось все же сбегать в подсобку на третьем этаже, а заодно Касс-младший прихватил и чемоданчик с первой помощью.

«Все, можно вниз», – подумал Себастьян и, бросив взгляд в зеркало, беззвучно выругался.

«Одно дело – показаться без футболки в горах на пробежке, другое дело – сознательно выйти из спальни с голым торсом. Нет, так никуда не годится», – констатировал внутренний голос, и мужчине пришлось с ним согласиться.

Себастьян оставил все на журнальном столике и пулей метнулся в гардеробную, надел первую попавшуюся рубашку и снова выругался, поняв, что со спортивными штанами она смотрится не то чтобы неуместно, а вопиюще глупо. Еще минута или две ушли на переодевание из трикотажных спортивных в приличные брюки.

Схватив все нужные предметы, молодой профессор астробиологии помчался обратно в центральную гостиную, но, кажется, Вселенная не то что его не услышала, а решила поиздеваться.

– Где вы, говорите, живете?

– Поместье Мэрриш находится недалеко от того места, где дети собирали жуков.

– А наш племянник, случаем, вас не преследует, нет? Вы моргните, если что.

– Нет, что вы! Если бы не его помощь, не представляю, как бы я справилась.

– Вы пейте-пейте, наша повар готовит исключительно вкусный ромашковый чай. Он должен успокаивать. А господин Мэрриш очень плохо себя чувствует? Ему уже более двухсот, да?

– Что? – Себастьян готов был поклясться, что нервозность Ориеллы возросла. – Почему вы так думаете? Он в расцвете сил и прекрасно себя чувствует.

– Может, он часто летает в командировки в другие Миры?

– Нет, он шо... специалист по логистическим операциям, но внутри атмосферы Цварга.

– А-а-а, вот оно что-о-о... А почему же вы тогда его не набрали?

– Как-то...

Профессор астробиологии стремительным шагом ворвался в гостиную именно тогда, когда двое наглых цваргов устроили гостье настоящий допрос с пристрастием, причем выглядели они как довольные коты, обожравшиеся сметаной! Бледная напуганная Ориелла сидела под перекрестием взглядов обоих дядей, вжавшись в высокую спинку глубокого кресла. Мягкий велюровый костюм обнимал ее тело и немного сбился, подчеркивая изумительную фигуру: соблазнительную грудь и тонкую талию. При всем домашнем виде женщина сидела с идеально прямой осанкой и гордо поднятой головой. Себастьян на миг залюбовался ею.

Гостья сжимала полную до краев фарфоровую чашку, при этом костяшки пальцев посветлели от напряжения. Рядом с цваргиней на переносном столике красовалось сразу с десятков вазочек с разнообразным печеньем и мармеладками. Ни одну сладость госпожа Мэрриш не тронула.

«Вот же упрямые лоси!»

– Так, Стеф, ты Ланса осмотрел? – рявкнул Себастьян с порога, чтобы оттянуть внимание дядей на себя. – И где Лотт?

– У Ланса вся кожа чистая, стекла нет, ранки уже начали заживать. Регенерация отличная, – отрапортовал Стефан.

– Лотт сейчас с садовником, Гаскон обещал присмотреть за ним. Ему качели очень понравились, – добавил Софос.

Оба в домашних пижамах выжидающе покосились на Себастьяна, ожидая пояснения ситуации.

«Понятно, повара разбудили, садовника растолкали, всех на уши подняли, да еще и Ориелле устроили допрос, хотя я этого вовсе не просил. Хорошо, что хотя бы бабушку с дедушкой не додумались разбудить... А вот ничего вы не узнаете», – сердито подумал племянник и демонстративно молча принялся осматривать ногу Ланса с помощью переносного рентгена.

На несколько минут в гостиной установилась тишина. Бета-колебания тревоги цваргини пронизывали пространство, и Себастьян надеялся, что дяди наконец-то вспомнили об ампутированной совести и больше не станут донимать гостью вопросами. Никаких смещений костей или трещин у Ланса, к счастью, не оказалось. Касс-младший обработал самую большую рану на ноге и наложил самофиксирующийся бинт, а уставший мальчик снова задремал. Стоило Себастьяну оторваться от пациента и сообщить, что все обошлось, как дяди заговорщически переглянулись и вновь хором обрушились на Ориеллу:

– Уже поздно. Может, вы переночуете у нас?

– Мне неудобно вас стеснять.

– Да какое стеснение, здесь спален свободных больше, чем у меня пальцев на руках и ногах! – в добродушной манере хохотнул Стефан.

– Боюсь, уже слишком рано... – попыталась отшутиться Ориелла, мельком взглянув на коммуникатор.

– Тем более, – поддержал брата Софос. – Сейчас велим подготовить вам комнаты, поспите вместе с детьми, а утром составите нам компанию за завтраком.

– Нет, спасибо. – Она отрицательно покачала головой и посмотрела в упор на Себастьяна: – Если вас не затруднит, вы не могли бы вызвать мне такси? Сейчас схожу в сад и верну Лотта.

– Зачем такси? Вы же рядом живете, давайте я отвезу вас.

Сердце Касса отчаянно колотилось в ожидании ответа, но, памятуя о присутствии родственников, он приложил все силы, чтобы вопрос прозвучал максимально нейтрально. Да, ему до зуда в кончике хвоста хотелось провести немного времени наедине с этой женщиной... Скоро ему придется улететь с этой планеты, и Ориелла станет лишь приятным воспоминанием. Неужели он не может хоть чуть-чуть еще насладиться ее смехом и ароматом эмоций? Неужели Вселенная будет настолько жестока?

Госпожа Мэрриш обвела взглядом нахмурившихся Стефана и Софоса, а затем неуверенно кивнула:

– Да-да, конечно, вы можете нас отвезти. Давайте поступим так. К какому флаеру нам с Лотгом подойти?

Себастьян открыл рот, чтобы сказать «идите к “Ястребу”», но вспомнил, что истребитель внутри атмосферы достаточно ощутимо вибрирует, поскольку проектировался все-таки как космический, а не воздушный транспорт. Лансу с его травмой будет наверняка не очень приятно. Софос опередил его со словами:

– Парковочное место номер шесть. Гаскон покажет. Попросите его заранее у кабрио-флаера разложить заднее сиденье.

Ориелла благодарно кивнула и быстрым шагом вышла из гостиной. Стоило входной двери закрыться, как Себастьян ощутил сошедшие над его резонаторами тучи. Оба дяди сложили руки на груди и сверлили его одинаково возмущенными взглядами.

– Ну-с? Ничего не хочешь нам рассказать, дорогой племянничек? – наконец не выдержал Стефан.

«Дорогой племянничек» не хотел.

– Ничего сверх того, что вы и так уже знаете. Я бегал в горах, случайно встретился с ними, когда дети ловили жуков. Произошел несчастный случай, я помог. Все.

– Угу-у-у... И поэтому от тебя так фонит волнением, что через стену слышно? – подхватил Софос. – Она-то и дети, может, не чувствуют, но у нас резонаторы хорошо развиты. Итак, это, надо полагать, не первая встреча с госпожой Мэрриш?

«Дяди. Вдох-выдох, надо успокоиться».

– Что вы тогда так активно уговаривали ее остаться у нас на ночь? – ответил Себастьян вопросом на вопрос.

Признаваться в том, что это их третья встреча, совершенно не хотелось.

– Чтобы убедиться, что у нее все серьезно с ее мужем, – на этот раз спор поддержал Стефан. – Еще раз: она замужем, у нее дети от живого и здорового супруга. Она растерялась, но хочет вернуться к нему поскорее. Ты понимаешь, что ты в эту картину вообще не вписываешься? Себастьян, очнись, эта женщина не для тебя!

– О-о-о, бескрайний космос! – Племянник скрипнул зубами. – У нас с ней ничего нет! Неужели помочь цвар-гине в наше время – это

уже преступление?! Я волновался исключительно из-за Ланса.

– Ну-ну, – фыркнул Стефан и привалился бедром к косяку в излюбленной небрежной позе, положив руки в карманы. – Ты только что признался, что искренне переживал из-за ее сына. Себастьян, ты понимаешь, что это цваргиня, а не девушка на один раз? Святые небеса, да если бы у меня была такая жена, я бы в жизни ни одному мужику и близко к ней приблизиться не дал! Обломал бы рога на подходе.

Фраза «если бы у меня была такая жена» неожиданно взбесила Касса-младшего, стоило только представить, что Ориелла могла заинтересоваться дядей.

– Именно потому, что я не разделяю женщин на один раз и других, у меня нет проблем со свиданиями. Поработай над собой, может, изменишься и тебя тоже начнут замечать, – ответил он зло.

Стефан дернулся как от пощечины, и Себастьян резко пожалел о своих словах. Дядя действительно комплексовал, что в его восемьдесят его звали всего на три свидания.

– Прости.

Цварг покачал рогатой головой:

– Нет, это ты нас прости. Мы тебя очень любим и действительно беспокоимся, вот и лезем не в свое дело.

Софос шумно вздохнул и помассировал пальцами виски.

– И как ты собираешься это проворачивать, Себастьян?

– Никак. Встречусь еще раз, потому что ее случай интересен для исследований о рождаемости цваргов, и улечу на Юнисию. Вам не о чем беспокоиться, честное слово.

«К сожалению», – добавил он мысленно и шагнул на выход, но Стефан остановил его хлопком по плечу.

– Что еще? – буркнул Себастьян, не ожидая ничего хорошего.

– Если будешь прятать труп ее мужа и потребует помощь, всегда можешь на нас положиться.

Это задумывалось шуткой, но на дне глаз Стефа мелькнуло что-то такое, что вдоль спины профессора астробиологии в который раз за ночь пробежали мурашки. Говорят, в каждой смешной шутке есть доля правды, но когда в шутке всего лишь доля шутки, она становится пугающей.

– Я не сделаю ничего плохого господину Мэрришу, ты же меня знаешь. Даже думать об этом не хочу. И да, спасибо, что не стали будить бабушку с дедушкой.

– Пф-ф-ф, ну разумеется, мы все расскажем им утром! – воскликнул дядя с таким азартом, что Кассу-младшему осталось лишь покачать головой.

– Эй, Себастьян!

– Что? – Молодой цварг сделал еще один шаг к двери и думал, что неприятное ковыряние в его душе наконец-то закончено, как голос второго дяди заставил оглянуться.

– Лови!

Связка ключей мелькнула в воздухе, и если бы не годы тренировок в Академии, то Себастьян, вероятно, проморгал бы нужный момент.

– Прокати ее с ветерком. Эта роскошная женщина заслуживает всего самого лучшего.

* * *

Орианн Мэрриш

Я так нервничала!..

Софос и Стефан Кассы задавали светские вопросы, были обходительны и вежливы, разбудили ради меня повара и садовника, а я просто не знала, куда себя деть: пришла в чужой дом среди ночи, прошу помощи... Стефан осмотрел Ланса и сказал все то же, что и Себастьян: стекло от банки порезало сына, отсюда кровь, но все порезы поверхностные и благодаря исконно цваргской регенерации уже начали затягиваться. Единственное тревожащее место – голень, потому что приняла на себя весь вес мальчика при падении, но и она выглядит относительно неплохо.

Мужчины суетились, а услышав, что Лотту понравился диван-качели, безапелляционно вызвали по коммуникатору садовника и попросили сопроводить юного господина. Мелькнула мысль, что если у Ланса действительно что-то серьезное с ногой и осмотр окажется болезненным, то лучше, чтобы его брат был в этот момент подальше.

После того как Лотта забрал Гаскон, меня еще раз уверили в том, что весь периметр поместья под охранной сигнализацией. Затем светловолосая полноватая ларчанка вкатила столик со сладостями, а Кассы-старшие принялись задавать наводящие вопросы о нашей подозрительной ночной встрече с их племянником. Куда они клонят, я понимала, как и то, что они совершенно не правы. Себастьян Касс с самого начала показался интеллигентным и воспитанным цваргом, а уж после произошедшего и вовсе стал в моих глазах настоящим джентльменом.

«А наш племянник, случаем, вас не преследует, нет? Вы моргните, если что».

Эта фраза, словно на повторе, крутилась в голове, пока Себастьян перекладывал заснувших Лотта и Ланса на заднее сиденье флаера, молча заводил мотор и поднимал нас в воздух, а потом удивительно плавно вел машину.

Я смотрела на красивый профиль Касса в ночном свете звезд и тусклой голубой подсветке флаера и думала о том, что это было бы смешно, если бы не было так грустно. Как выяснилось, Себастьян Касс – молодой профессор астробиологии, чистокровный цварг из очень древнего и состоятельного аристократического рода, обаятельный, улыбчивый и с потрясающим телом. Зачем ему какая-то цваргиня без образования, которая чувствует себя в душе глубокой старухой, да еще и с довеском в виде двух детей от другого?

«Ну, допустим, если он предложит стать его любовницей, то дети особого значения не имеют. Наоборот, удобно, ведь это отношения без обязательств, – пробурчал внутренний голос. – Ты определенно ему нравишься».

«Любовницей», – мысленно повторила я.

Никогда не думала, что это слово можно применить по отношению к себе, и всегда считала его оскорбительным, но сейчас вдруг отметила, что в его основе – «любовь». И впервые за долгие годы мысли об интиме с мужчиной вызвали не рвотный позыв, а что-то теплое, как разлившийся топлёный мед в груди. Взгляд скользнул по губам цварга.

«Он, должно быть, фантастически целуется...»

Перед вылетом Себастьян еще раз сбегал в дом и принес огромный мягкий плед. Я хотела укрыть им близнецов, но мужчина

заверил, что им и так хорошо и тепло.

– Это я принес для вас, Ориелла. Я же чувствую, как вас на горе сковала паника и вы до сих пор внутренне дрожите.

Дрожь – это мягко сказано, меня бил крупный озноб, но брать чужую вещь казалось неправильным.

Сообразив, что я готова отказаться, цварг добавил:

– Сделайте мне приятное, завернитесь в него.

Себастьян посмотрел в зеркала, переключил тумблеры и начал снижаться близ поместья Мэрриш. Всю поездку он был сосредоточен на дороге и ни разу не посмотрел в мою сторону.

Я строго себя одернула.

«Орианн, он помог тебе из вежливости! Такой мужчина, как Себастьян, помог бы любой женщине в сложной ситуации, и к тебе лично это не имеет никакого отношения! Более того, профессор Касс не станет заводить любовниц. Он для этого слишком хорошо воспитан».

Флаер с еле уловимым толчком опустился на землю. Себастьян выключил двигатель, но остался сидеть на водительском сиденье. Я тоже не стремилась покинуть уютное кресло. Цварг так ловко настроил климат-контроль, что, несмотря на откинутую крышу, теплый воздух согревал ноги.

За всеми перипетиями забрезжили первые предрассветные сумерки, чернильное небо между гор окрасилось густым фиолетовым и малиновым цветом. Я мельком отметила, что окна в доме темные, то есть Морис спит беспробудным сном. Несмотря на то что в гостях у Кассов я настаивала на ночевке у себя, вдруг навалилось ощущение потери. Пока еще не ошеломительно ломающее своей безысходностью, а тонкое и пронзительно-острое, когда понимаешь, что вот-вот упустишь что-то важное, и никак не можешь этого изменить.

Больше всего на свете мне хотелось остаться со спящими детьми и Себастьяном в этом флаере и никуда не идти. Некоторое время мы помолчали. Я нехотя поправила плед, в котором пригрелась за короткую поездку.

– Ориелла, я тут подумал...

– Орианн, – внезапно исправила я.

– Что?

Брови Себастьяна удивленно приподнялись.

– Орианн, – повторила я, грустно улыбнувшись. – Я так вам лично и не представилась, большое упущение. Это настоящее имя, и мне хотелось бы, чтобы вы называли меня именно так, с ударением на первую букву. От Ориеллы возникает дурацкое ощущение, будто из меня все силы вытягивают.

– О-о-о... – в замешательстве протянул Себастьян. – Вам очень идет, Орианн.

Он произнес имя так звонко и четко, что мурашки пробежали по коже. Определенно имя Орианн могло принадлежать сильной и независимой женщине, в то время как от Ориеллы несло жалостью и бесхребетностью.

– Вы очень сильно переволновались этой ночью, Орианн. Не вините себя за случившееся, дети – это дети, а особенно мальчишки... Они постоянно падают с велосипедов, залезают на крыши и влезают во все, что только можно и нельзя. Несмотря на ушиб Ланса, вы замечательная мать, и вам, кстати, тоже нужен отдых.

Бездонные синие глаза смотрели так внимательно, что я на несколько мгновений потеряла дар речи.

– Откуда вы знаете?

– Я чувствую по вашему бета-фону, что вы очень напряжены и устали, но усталость скорее накопительного характера. Отдых вам точно не помешал бы. Материнский труд – самый тяжелый в мире. Он неоплачиваемый и неизмеримый, но при этом женщины годы жизни посвящают детям без выходных и отпусков. Ошибочно считать, что он ничего не стоит.

– Нет, я не об этом, – пробормотала я все так же ошеломленно. То, что мне нужен отдых, можно было бы прочесть и по морщинам, и по состоянию кожи на руках, если к ней присмотреться. – Откуда вы знаете, что я... замечательная мать?

Свет от приборной панели скользил по его левой скуле, окрашивая кожу в чуть более светлый оттенок, и я поймала себя на том, что хочу дотронуться до его лица так же, как это делает свет.

Себастьян улыбнулся краешком рта.

– Существуют женщины, которые не хотят иметь детей, но заводят их потому, что так предписывает общество. Многие из них беременеют и рожают, а потом чувствуют себя глубоко несчастными,

будучи привязанными к ним как к якорю. Но вы, Орианн, не такая. Я вижу, как вы искренне переживаете за Ланса и Лотта, и немного завидую. Мне бы хотелось, чтобы моя будущая жена смотрела так на наших детей. – Себастьян подумал и с хитринкой во взгляде добавил: – В конце концов, не будь вы прекрасной матерью, не поддались бы на уговоры близнецов отправиться за жуками-роговиками ни днем, ни тем более ночью. Вы же это сделали потому, что хотели их порадовать.

Я смотрела на Себастьяна и не знала, что ответить. Он сделал самый изысканный комплимент, который я когда-либо слышала в свой адрес. Предательские слезы подступили к самому горлу. Касс смотрел на меня и видел насквозь... Он чувствовал мою усталость, но понимал ее корни. Он видел мою любовь к Лансу и Лотту. Слова пролились бальзамом на израненную душу, на вечные сомнения в себе, на многократные замечания Мориса о том, какая я никчемная.

Ну почему десять лет назад Вселенная столкнула меня с Морисом, а не с Себастьяном?! Почему жизнь так несправедлива?

Водитель неожиданно отвернулся и побарабанил длинными тонкими пальцами по кожаной оплетке руля.

– Орианн, я хотел бы предложить вам...

Мои пальцы с силой сжали подлокотник пассажирского кресла, а в голове вихрем пронеслись все те мысли, которые я обдумывала в полете. Что делать, если он предложит отблагодарить, став любовницей?! Судя по обрывкам разговоров приятелей Мориса и печальной демографической ситуации, цварги постоянно находятся в поиске женщин...

– ...встретиться...

– Чтобы – что?

Я украдкой бросила взгляд на спящих на заднем сиденье мальчиков, которые, кажется, могут стать свидетелями того, о чем им знать пока рано. Внутри все вновь натянулось словно металлическая струна.

Скулы Касса приобрели розовый оттенок.

– Я хотел бы расспросить вас и взять пробирку крови. Дело в том, что я провожу исследования о рождаемости, и мне необходимо составить как можно более объемную выборку для работы. В первую очередь меня интересуют цваргини с детьми, а так как у вас двое

сыновей, то это просто отлично. Как вы смотрите на встречу, скажем, утром, пока Ланс и Лотт в школе?

«Он хочет встретиться ради науки, а не за тем, о чем ты подумала...»

Воздух с шумом вырвался из легких. По идее, я должна была радоваться, что меня не просят ни о чем таком, что претило бы статусу порядочной замужней женщины, но на языке пеплом осело разочарование.

– Утром? – эхом отозвалась я.

– Да, можно завтра, например, в десять. Дружеский завтрак. Как вы на это смотрите?

– Я не знаю...

– Пожалуйста, не отказывайте в такой малости. Я уже восемь лет занимаюсь исследованиями рождаемости на Цварге и, кажется, стою на пороге открытия.

Синие глаза засияли таким воодушевлением, какое сложно было бы симитировать. Слова явно были произнесены не чтобы покрасоваться – так говорят лишь тогда, когда искренне чем-то увлечены.

«Себастьян так помог тебе с Лансом, а ты даже не хочешь отблагодарить? Просит-то совсем немного и точно не позволит себе лишнего. Даже здесь и сейчас, когда у вас нет свидетелей, он ни разу тебя не коснулся. Чего ты боишься?»

Проблема заключалась в том, что мужчина мне нравился слишком сильно, и я боялась собственных, пока еще неясных чувств, которые совершенно точно появились к нему после этой ночи.

Себастьян смотрел с надеждой и не торопил с ответом. От него пахло потом, полевыми травами и чем-то древесным... На удивление запах совсем не отталкивал, наоборот, успокаивал.

– Хорошо, давайте. – Я вздохнула. – Только с одним условием.

– Каким?

– Вы мне еще немного расскажете о Юнисии. Даже не представляю, когда у меня еще будет шанс из первых уст услышать о волшебной планете с летающими в облаках островами.

– Это не волшебство, а магнис с магнитным свойством, хотя в каком-то смысле магниты – это и есть волшебство.

Себастьян широко улыбнулся.

После того как мы договорились о встрече, я разбудила Лотта, а профессор Касс взял Ланса на руки и помог донести до дивана в гостиной. Себастьян не стал задерживаться, вместо этого он пожелал отдохнуть, интеллигентно попрощался и ушел. Стоило входной двери закрыться за ночным спасителем, как послышался скрип лестницы. Морис, широко зевая, спускался по ступеням в шелковом кимоно, затянутом на крупный несуразный узел на поясе под внушительным животом. Одежда, на мой вкус, мужу не шла совершенно, но это был подарок от его друзей, которым он страшно гордился.

– Мышка, ты где-то шлялась ночью? – Через открытое окно донесся звук стартующего фляера Себастьяна. Морис нахмурился и добавил: – Да еще и с кем-то?

– Я собирала с детьми жуков-роговиков, Ланс оступился на камнях и повредил ногу. По счастью, Себастьян Касс оказался неподалеку и помог доставить нас домой, – выдала я урезанную версию произошедших событий.

– Себастьян Касс... – Супруг свел брови еще сильнее. – Это тот оборванец у озера, что ли? Как он вообще тебя нашел-то?

– Он, оказывается, наш сосед...

Я хотела добавить «и не оборванец вовсе», но Морис прервал меня громким фырканьем:

– Ой, сейчас в соседи пытаются набиться все кому не лень. Ниже по склону новая деревенька, дома еле-еле до двухэтажных дотягивают, прилегающий участок соток десять, но застройщик гордо именует их шале. Тоже мне! Еще и продают их, не смотря на внешность и родословную, того и гляди скоро здесь будет шастать одно отребье.

Шварх меня дернул за язык: то ли сказала на рассудке полная тревоги и переживаний ночь, то ли на контрасте с заботой Себастьяна организм потребовал привычных унижений... не знаю. Но слова вырвались сами собой:

– Так я же тоже отребье! Не противно жить в одном доме?

Супруг резко изменился в лице, глаза сощурились, а на скулах заиграли желваки. Он быстро преодолел оставшиеся ступени, подлетел и всей своей огромной массой навис сверху.

– Не смей даже вспоминать свое происхождение! Да, я вывез тебя из эльтонийской грязи, но теперь ты чистокровная цваргиня. Ты не

представляешь, сколько денег я потратил, чтобы ты такой стала. Поняла?! Поняла, я спрашиваю?! – зашипел он в лицо.

Его ноздри налились кровью, покраснели и заняли пол-лица. Неподдельная неприязнь к полукровкам буквально плескалась на дне его карих глаз.

Было безумно страшно, но в то же время я вдруг почувствовала себя пьяной от кощунственной, но такой притягательной мысли... А что, если он меня ударит? Вселенная, да если муж ударит хоть ментально, хоть физически, я смогу подать на развод. Что такое открытая рана, синяки или даже длительная головная боль по сравнению с тем, что я смогу освободиться?! Сейчас идеальный момент!

Чувствуя, что еще чуть-чуть, и вынужу Мориса применить силу, я добавила дров в топку его ненависти, тщательно подбирая слова:

– У Себастьяна мать – метис, и мир не рухнул от того, что он бескорыстно помог сегодня с Лансом. На мой взгляд, это поступок настоящего мужчины. Уверена, что если я расскажу ему о происхождении, он ни разу не попрекнет этим. – И добавила совсем уже шепотом: – Да если бы меня хоть кто-нибудь спросил, от кого я хочу иметь дочь, от тебя или от него, то я не задумываясь ответила бы – от него. Да хоть от миттара, хоть от ларка, но только не от тебя!

Я видела по взгляду, что он вот-вот ударит.

Он замахнулся. Мощный хвост с шипом прочертил борозду в ковре, задел ножку стола. С жалобным «дзынь» упала стеклянная вазочка. Рядом раздался удивленно-испуганный вскрик:

– Пап, ты же не ударишь маму, верно? Нам в школе говорили, что девочки – это сокровище нации! А мама – девочка.

Я на миг прикрыла ресницы. Единственный шанс освободиться рассыпался на осколки, как декоративная вазочка мгновениями раньше. Ланс проснулся и все услышал...

Понимание в глазах Мориса проступило столь явственно, что тут не надо было быть цваргом, чтобы понять: он все осознал. И мой замысел, и фразу, которую я бросила, чтобы его позлить еще больше, и зачем я это сделала. Кривая ухмылка проступила на пухлых губах.

– Разумеется, нет. Я был настолько неаккуратен, что случайно задел столик. Иди, Ланс, в свою комнату.

– Пап, но у меня нога болит...

– Иди!

Немного неаккуратно сын поднялся с дивана и, прихрамывая, заковылял прочь из комнаты. Я с внутренним облегчением отметила, что, несмотря на порванную одежду, многочисленные ранки уже затянулись. Как только дверь за сыном закрылась, Морис произнес тихо, но четко:

– Я никогда тебе не дам развода, Ориелла. Бросай эти влажные мечты и занимайся хозяйством. Сегодня вечером придут друзья, и дом должен блестеть от чистоты, а на ужин я хочу минимум три перемены блюд. И пруд на заднем дворе почисти, он начинает зарастать ряской.

– А если не буду? – с вызовом спросила я.

– А если не будешь, то я буду тебя трахать так часто, пока ты вновь не забеременеешь, – ответил супруг, ухмыльнувшись и сальным взглядом заглядывая в вырез кофты. – В конце концов, если женщина беременна, то у нее возникает уважительная причина не заниматься физической работой. Да и все эти мысли о разводе наконец выветрятся из головы, а с рождением дочери мы получим увеличенную родительскую дотацию от Аппарата Управления. Одни плюсы!

– Ты не посмеешь взять меня силой... – прошептала я.

– А кто говорит о силе? Жена должна отдавать супругу долг хотя бы два раз в месяц, это преподается в ваших школах для истинных леди, я это точно знаю. И поверь: держать так, чтобы на тебе не осталось синяков, я тоже смогу. В конце концов, у меня на одну конечность больше.

Он взмахнул хвостом, показывая, что при желании может с легкостью связать руки. Меня замутило от одной лишь мысли, что я могу вновь забеременеть от Мориса. Я резко шарахнулась в сторону.

– Я же тебе воняю!

– Я что-нибудь придумаю, – оскалился Морис. – Так что будь хорошей мышкой и переставай меня злить.

Глава 9

Дружеский завтрак в «А капелла»

Себастьян Касс

Это дружеский завтрак. Ты увидишь ее в последний раз, после чего улетишь на Юнисию», – дал себе установку Себастьян Касс и мысленно повторил несколько раз.

Разумеется, дяди были правы... Орианн замужем, у нее два сына, и любые низменные мысли об этой прекрасной женщине преступны.

Несмотря на то что планировалось даже не свидание, а всего лишь дружеский завтрак, настроение с самого утра было приподнятым. Себастьян встал пораньше и тщательно подобрал одежду, чтобы на этот раз выглядеть перед Орианн подобающе. Первым делом он надел джинсы и футболку поло, но, подумав, что это может быть воспринято как пренебрежение ее обществом, выбрал деловой костюм с узким галстуком. К сожалению, последний сидел на Себастьяне до зубовного скрежета официально, и, немного повздыхав, он все-таки остановился на джинсах и рубашке. Длинные волосы он вначале уложил в популярный на Цварге мужской пучок, после чего решил, что это неудобная прическа, и переплел в косу, с которой обычно предпочитал работать, но и она показалась ему неподходящей к случаю, а потому Себастьян в конце концов завязал кожаным шнурком низкий хвост.

Метания в выборе одежды не отражали и части душевного состояния профессора. Все то время, пока переодевался, он размышлял о том, как потактичнее расспросить Орианн о ее браке.

– Дело в том, что я вывел корреляцию между взаимоотношениями супругов и количеством детей в браке. Но мне показалось, что чувства вашего супруга не взаимны. Скажите, вы любите мужа? – сказал он собственному отражению в зеркале и тут же скривился. – Нет, так слишком сложно, и она может подумать, что я намекаю на что-то грязное в отношении нее. Надо сформулировать как-то попроще... Может быть, так? «Орианн, у вас двое замечательных сыновей, и это большая редкость для нашей расы. Я проводил исследования и расспрашивал членов многодетных семей. Мне удалось установить,

что в большинстве пар цварг-цваргиня, где есть дети, мужчины утверждают, что жены вошли в их ближний круг, а сами женщины в ответ испытывают нежные чувства к мужьям. К сожалению, встреча у озера как дурацкая заноза сидит в голове и не дает покоя. Не могли бы вы рассказать о вашем браке подробнее?»

Себастьян несколько секунд смотрел в зеркало, а потом кивнул. Да, так звучит гораздо приятнее. В конце концов, ссоры могут быть в любой семье, и, вероятно, он надумал себе лишнего. До сих пор, сколько бы он ни находил полных семей, картина всегда была одна и та же: супруг обожал жену и гордился ментальной привязкой к ее бета-волнам, а жена отвечала, что любит супруга.

Ровно в десять утра профессор заехал за Орианн. К его искреннему изумлению, эта великолепная женщина не только не заставила себя ждать, но еще и вышла из поместья Мэрриш заранее: с безупречной укладкой, легким макияжем, который лишь подчеркивал природную красоту, в уже знакомом строгом бежевом платье и летних босоножках. Цваргиня показалась Себастьяну бледнее и сосредоточеннее обычного, но сладкий запах сирени так пьянил, что он списал это на недавнюю бессонную ночь.

– Где бы вы хотели позавтракать? – вежливо поинтересовался мужчина, поднимая флаер в воздух.

– Понятия не имею, – ответила она. – Я несколько лет не была ни в одном хорошем месте. Супруг считает, что это лишние траты денег.

Себастьян вновь почувствовал нотки горечи в ментальном фоне и попытался смягчить ситуацию:

– Наверное, вы потрясающе готовите, вот он и обожает вашу стряпню. – Слабая улыбка была ему ответом. Немного помолчав, Касс уточнил: – То есть вы не имеете ничего против «А капеллы»?

Цваргиня пожала плечами:

– На ваш выбор.

Всю дорогу до уютного ресторана Орианн молчала. Себастьян попытался завязать диалог, уточнив, как чувствует себя Ланс, но получил в ответ лишь: «Спасибо, хорошо». Он недоумевал, что случилось: Орианн вела себя настолько скованно, что к ней сложно было подступить. За все утро ровный ментальный фон цваргини перекрыли эмоции удивления лишь однажды, когда они вошли в просторный зал.

Ресторан располагался на внушительной высоте внутри горы в выдолбленном из камня гроте причудливой формы, а рядом ниспадал гигантский водопад. Тонны чистой воды сходили с таящих ледников небольшими ручейками и метрах в пятидесяти выше объединялись в общее русло. Заведение не просто так называлось «А капелла»: шум и журчание воды многократно отражались от множества стен и создавали эффект переливающейся бесконечной мелодии – неожиданно приятной слуху, неповторимой и очень красивой. «А капелла» пряталась среди гор, и добраться сюда можно было лишь по воздуху. Это уникальное заведение было рассчитано на редких ценителей природы и музыки.

Орианн оглянулась на Себастьяна, и в ее глазах возник немой вопрос: а точно ли они пришли туда, куда надо?

Касс растерянно улыбнулся, не понимая, нравится спутнице увиденное или нет.

– Музыка без музыки, такой парадокс. Если хотите, я могу вас отвести в классический ресторан.

Орианн коротко кивнула, затем спохватилась, отрицательно покачала головой и выдохнула:

– Нет, мне очень нравится. Я просто ошеломлена... Никогда не видела ничего подобного. Какой столик у нас забронирован?

– Хозяин «А капеллы» не дает брони. Выбирайте любой понравившийся.

Цваргиня уверенными шагами приблизилась и выбрала ближайший к густой молочной пене столик. В этом месте вода превращалась в туманную взвесь, поднималась и тончайшим кружевом колебалась в воздухе на уровне глаз, невольно напоминая разреженное море на Юнисии.

– Этот, – коротко бросила она, при этом сжимая пальцами сумочку так, будто не место для завтрака выбирала, а место для казни.

Себастьян лишь изумленно смотрел на женщину, пытаясь понять, что могло произойти за те сутки, пока они не виделись. Он отодвинул стул для спутницы, сам сел напротив и предложил выбрать блюда. Касс редко бывал на Цварге, но это место у него было действительно одним из любимых. Здесь было приятно не только есть, но и просто созерцать тонны падающей воды.

Все столики «А капеллы» оснащались встроенным электронным меню. Стоило нажать несколько кнопок – и заказ моментально отправлялся на кухню гротом выше. Подавалась еда приблизительно так же: по воздуху, на летающих автоматических подносах. Минимум персонала, никаких ожиданий официанта и перепутанных блюд.

Профессор Касс нажал несколько кнопок с картинками блюд и вскинул бровь, подразумевая, что Орианн тоже может выбрать все, что пожелает. Но цваргиня все это время смотрела на воду. Почувствовав взгляд и даже не оглянувшись на мужчину, она тихо попросила:

– Мне все то же самое закажите, пожалуйста. – Касс послушно нажал еще несколько кнопок и приготовился произнести заготовленную речь, но Орианн его решительно опередила: – Себастьян, а не могли бы вы немного рассказать об эльтонийках?

Цварг озадаченно потер подбородок.

– А что бы вы хотели о них услышать? Признаться, я на Эльтоне бывал всего пару раз в краткосрочных поездках.

– Ничего сверхъестественного. Мне интересно ваше мнение о расе.

– О, хм-м-м...

* * *

Орианн Мэрриш

Я прикусила губу и бросила украдкой взгляд на фантастически красивый профиль мужчины. Держать себя в руках и постоянно контролировать то, о чем думаешь, в присутствии цварга, да еще и с такими развитыми рогами-резонаторами сложно, именно поэтому я старалась не смотреть на Себастьяна и мысленно до поры до времени запирает под замок тот вопрос, который собиралась озвучить. Вид мощного водопада и мелодичная музыка, создаваемая самой природой, на некоторое время выбили из колеи. Это свидание смело можно было отнести к самым необычным и потрясающим за всю мою жизнь, но нельзя было забывать о собственной цели.

– О, хм-м-м...

Себастьян ослепительно улыбнулся, от чего сердце пропустило удар, и я поскорее отвернулась к воде.

– Эльтонийки – исключительная раса. Не помню, упоминал я или нет, но их гены считаются доминантными по отношению к цваргам. От союза эльтонийки-женщины и цварга-мужчины всегда рождаются очаровательные малышки с золотой кожей, розовыми волосами и хвостиком-кисточкой. Я не занимался исследованием эльтонок подробно, но они уникальны в том плане, что это единственная женская раса. Их организмы устроены так, чтобы подавлять мужские половые хромосомы при зачатии, и при этом они очень фертильны, что разумно с точки зрения природы: ведь если эльтонийка случайно встречает мужчину, то она должна легко забеременеть. Конечно, в любом правиле есть исключения и порой у эльтонок рождаются девочки, больше похожие на отцов. Совсем редки случаи с мальчиками, думаю, не больше половины процента.

– Я не совсем это имела в виду...

– А что же?

Вопрос прозвучал так искренне, что я невольно вновь посмотрела в синие глаза-океаны Себастьяна, чтобы удостовериться, что он не издевается надо мной. Нет, не издевался.

– Как вы относитесь к эльтонийкам... как мужчина?

– А!

Себастьян вновь выглядел озадаченным.

В этот момент к нам подлетел поднос на воздушной подушке с заказом.

Переставляя тарелки и чашки на стол, Касс задумчиво произнес:

– Да хорошо в целом отношусь. Мой дядя состоит в гражданском браке с чистокровной эльтонийкой. Филиция наотрез отказывается выходить за него замуж...

«Вселенная, хоть у кого-то есть мозги!»

– И всячески делает вид, что Софос для нее не более чем временное увлечение, однако у них уже две дочери. Полагаю, все эти сложности – отголоски менталитета Эльтона. Все-таки женская раса с ярко выраженным матриархатом и отношением к мужчинам как к производителям. – Себастьян разлил ягодный чай по чашкам, оставил чайник на крошечную подставку со свечой и вежливо уточнил: – А что? Почему вас вдруг эльтонийки заинтересовали?

Я сглотнула... Морис долгие годы внушал, что эльтонийская кровь – это грязь, но если Себастьян говорит честно, то правда не

должна его оттолкнуть.

– Вы знаете, я родилась на Эльтоне.

– Что?

Цварг уставился на меня, но на лице не было ни грамма омерзения или отвращения, только искреннее любопытство.

– О! То есть вы попали, получается, в тот невысокий процент, когда у женщины-эльтонийки рождается девочка по расе отца? Как интересно!

Я облегченно перевела дыхание, попробовала чай и с легким удивлением отметила, что он из настоящих ягод. Никогда такого не пила.

– Если честно, понятия не имею, насколько я цваргиня. Я родилась на Эльтоне, а после того как Морис сделал мне предложение и привез на Цварг, он подправил медицинские документы на основании моей внешности. Тогда, кстати, изменилось и имя – вместо Орианн я стала Ориеллой. Я хотела попросить вас, Себастьян... – Я прикусила губу, думая, как дальше выразить просьбу, и наконец решилась: – Вы не могли бы изучить мою ДНК и сказать, каковы шансы объявить меня хотя бы полуэльтонийкой?

К счастью, Себастьян не стал задавать ненужных вопросов. Со словами «без проблем» он мгновенно подскочил с дивана, похлопал себя по карманам, достал крошечную вытянутую ампулу и приложил к моему пальцу. Не успела я спросить, что это, как красная жидкость потекла внутрь. Я даже укола не почувствовала!

– Вау! – произнесла я поражено.

– Да, новая технология, там встроенная ультратонкая игла и легкое обезболивающее. – Себастьян улыбнулся.

Я замороженно наблюдала, как пробирка набралась кровью. Стоило ей дойти до черной черточки-отметки, как мужчина ловко убрал ампулу и положил к себе в карман.

– И что теперь? – спросила я с надеждой.

– Теперь посмотрю в лаборатории, – охотно отозвался профессор. – Дня три или четыре уйдет.

– Три или четыре дня? А быстрее никак нельзя? Ну, может быть, вы можете сделать какие-то предварительные расчеты?

– Боюсь, нельзя.

Я затрясла головой, представляя, что может случиться дома. Одну ночь мне удалось пережить благодаря многочисленным друзьям мужа, которые не хотели уходить до последнего, но еще несколько... Как же я не хочу ложиться под Мориса! Как же противна одна только мысль!..

Пальцы похолодели и задрожали, в глазах зашипало. Взгляд наткнулся на острый нож, который шел к твердому сыру, и, не думая ни секунды, я схватила его и вогнала себе в ладонь. Кровь потекла ручьем на стол, заливая алым цветом прозрачную столешницу со встроенным электронным меню.

– Бескрайний космос, Орианн, что вы делаете?! – воскликнул Себастьян, подпрыгивая с места.

– Вот! У меня раны плохо затягиваются. Регенерация ослабленная! Натте, считайте секунды! Разве это не доказательство?!

Я буквально ткнула окровавленной ладонью в его лицо, но он успел перехватить кисть, а второй рукой принялся наматывать салфетку поверх, что-то сердито бормоча себе под нос. Его движения были сноровистыми и четкими; не укрылось и то, что Себастьян предварительно сложил ткань в несколько раз, чтобы она была плотнее, бережно, но крепко прижал ладонью, завязал аккуратный узелок с другой стороны.

В голове сам собой всплыл уродливый узел на шелковом кимоно супруга.

Нежность и забота – в синих глазах Себастьяна, безразличие – в темных глазах Мориса. Безукоризненное воспитание и интеллигентность Касса – грубость и ограниченность супруга. Готовность помочь первого – наплеватьство на собственных сыновей второго. И дурацкий маленький узелок стал последней каплей. Я не выдержала, слезы хлынули ручьем, прорывая плотину моей сдержанности.

– Орианн... тише-тише, Орианн, что случилось? Вам больно?

Мягкий голос Себастьяна прорвался сквозь рыдания, но от этого теплого и бархатного «тише-тише» захотелось разрыдаться еще громче. Краем глаза я улавливала, что на нас оборачиваются посетители, да и веду я себя возмутительно бесстыдно для Цварга...

«Морис сделал бы выговор...»

Больно ли мне было? Невыносимо. Но болела не рука – сердце – от жгучего, разъедающего душу сожаления, что все так сложилось.

Губы Себастьяна побледнели. По мимике открыто читалось: он очень сильно хочет обнять, но сдерживается, стараясь соблюдать границы приличий на публике. Все, что он себе позволил, – положить ладонь поверх моей руки. Горячее прикосновение напомнило то, другое, когда Себастьян присел на корточки и его бедро дотронулось до моего через два слоя ткани. Только на этой безумной планете женщина может коллекционировать воспоминания о прикосновениях, складывать их в драгоценную шкатулочку памяти и не чувствовать при этом себя ненормальной.

– Я могу вам как-то помочь? – обеспокоенно спросил Себастьян, вглядываясь в мое лицо.

Я не столько услышала слова, сколько прочла их по красивым, четко очерченным мужским губам, сделала усилие над собой и улыбнулась сквозь слезы.

– Да... нет... не знаю.

Я всхлипнула в последний раз, вытерла щеки и уставилась на перемотанную ладонь.

«Наверно, выгляжу сейчас отвратительно».

– Если бы я только была эльтонийкой... если бы у меня был шанс развестись. Юрист сказал, что аннулирование браков иногда дают смешанным парам.

Себастьян коротко выдохнул и принялся освобождать мою ладонь от тканевой салфетки. На свет показался порез – глубокий, но уже не кровоточащий.

– Хм-м-м, – хмыкнул астробиолог, трогая ранку вокруг.

– Что-то не так?

– Да вот, пытаюсь понять реакцию вашего организма. Действительно, кровь останавливалась для чистокровной цваргини долго, но тем не менее регенерация в разы лучше, чем у других граждан Федерации. Опять же, ваш фенотип... Да, допускаю, что у вас есть изрядная доля эльтонийских генов, но все-таки вы цваргиня, Орианн. – Он сделал паузу и тихо добавил: – Ваш супруг нашел на Эльтоне неограниченный муассанит.

«Он умудряется делать комплименты даже тогда, когда я выгляжу неприлично заплаканной...»

Протяжный вздох вырвался из моих легких.

– А просто так нам развод не дадут. Я могла бы настаивать на выполненном долге перед расой, в конце концов, у нас два сына, но Морис четко дал понять, что против расторжения брака. Я уверена, что если дело дойдет до Аппарата Управления, он станет уповать на то, что у него сформировалась ментальная привязка. – Отчаяние нарастало словно прибрежная волна перед бурей, и я торопливо продолжила: – Наш брак – ужасный фарс. Ему нравится статус женатого мужчины и еще более редкий – отца – на Цварге, Морис рад выплатам от государства. Я же чувствую себя инкубатором и бесплатной домработницей. И при всем при этом, когда я просила развод, он рассмеялся и ответил, что сыновей я не получу в любом случае. У него навязчивая идея зачать дочь, чтобы привязать меня еще сильнее... Эта планета стала для меня тюрьмой, Себастьян. Как же я ее ненавижу!

– Мне так жаль!.. – ошеломленно пробормотал мужчина и сжал пальцы. – Если бы я чем-то мог помочь...

– А вы можете!

Я посмотрела в его синие глаза и облизала пересохшие от волнения губы. Озарение пришло яркой вспышкой. Морису важен сам факт беременности, а передо мной мужчина, рядом с которым я впервые за долгие годы чувствую себя если не живой, то хотя бы интересной. И когда я представляю, что могла бы иметь интимную близость, то в голове вспыхивает образ Себастьяна: рельефное поджарое тело без грамма жира, сильные руки с выступающими венами, какие бывают у тех, кто много занимается спортом, мускулистая спина, широкие плечи и одновременно тонкая талия, которые я детально рассмотрела предыдущей ночью. А еще аристократически длинные пальцы, ухоженные волосы с волнистой текстурой и соблазнительные ямочки на пояснице.

И чем четче проступает в мыслях облик Себастьяна, тем яснее я понимаю, что даже не все это делает его по-настоящему привлекательным, а ярко-синие глаза, отражающие как высокий интеллект, так и интеллигентность. Причем не ту нарочито-галантную интеллигентность, которая широко поддерживается и одобряется обществом: спросить разрешение у женщины, прежде чем прикоснуться, придержать дверь или подать сумочку... Нет, это какая-то совершенно другая, то ли врожденная, то ли приобретенная с

годами интеллигентность, которая удивительным образом не сочетается, а где-то даже идет вразрез с устоями и нормами Цварга. Даже если бы у Себастьяна не было за душой ни кредита, даже если бы у него не было высшего образования или он, к примеру, выбрал бы стезю простого военного, даже если сейчас он пригласил бы не в удивительный ресторан в гроте с водопадом, а на какую-нибудь заправочную станцию... Это все равно в нем было бы.

«Как это делается?»

Щекам стало жарко. Внизу живота отчего-то тоже. И ноги задрожали...

Но ведь встречаются же как-то цваргини с мужчинами, чтобы по нескольким свиданиям определить, с кем разделить постель и завести детей? Чем я хуже? Если Морису так нужен еще один ребенок и он категорически не хочет давать мне развод, по крайней мере, я забеременею от того мужчины, который мне нравится. Не оттолкнет же он меня?..

«Сейчас или никогда».

– Себастьян, умоляю, сделайте мне ребенка!

* * *

Себастьян Касс

Касс не упал только потому, что сидел. И не поперхнулся чаем исключительно потому, что не пил.

– Себастьян, умоляю, сделайте мне ребенка!

Она смотрела огромными влажными глазами олененка, ее горько-сладкие бета-колебания дурманили рассудок, а во рту пересохло от мысли, что он нравится этой женщине до такой степени, что она хотела бы иметь от него ребенка. В голове Себастьяна пронеслось множество мыслей о том, что он похитил бы эту женщину, увез на край Вселенной и заботился бы о ней так, как никто и никогда. Он показал бы ей не только музыкальные водопады и летающие острова – все Миры, какие у него получится преподнести ей, – и добивался бы ее улыбок, ласкал долгими ночами и вдыхал аромат распустившей сирени...

К сожалению, падать с высоты облаков всегда больно.

«Она замужем. У нее два сына. Как бы тебе ни хотелось, друг, но ты не можешь взять и согласиться на это предложение. В конце концов, это было бы низко даже по отношению к ней...»

В груди разрасталась огромная зияющая черная дыра. Себастьян прочистил горло, собираясь с ответом.

– Орианн, это же так не делается.

Еще секунду назад мужчина чувствовал, как от нее веяло яркими эмоциями, но стоило произнести эту фразу, как цваргиня резко похолодела и закрылась. Она выпрямила спину, посмотрела в сторону.

– Приношу свои глубочайшие извинения, профессор Касс, я действительно забылась. – От ее безукоризненно вежливого тона как будто металлическим скребком по стеклу провели: внутри все свернулось в тугой жгут. – Это унижительная просьба, я все понимаю. Просто... вы мне понравились, и мне показалось... что я вам... не противна...

– Орианн, Орианн, да подождите же! Не в этом дело!

Себастьян попытался поймать ее тонкие пальцы, но она спрятала руку под стол и демонстративно уставилась на водопад. Швархов водопад! Касс готов был сейчас отдать все что угодно, чтобы она смотрела на него, а не на эту дурацкую воду.

– Вы мне тоже очень нравитесь... Вселенная, да я думал только о вас все эти дни! Но ведь это было бы неправильно!

Ее плечи дрогнули, но она не повернула головы.

Убедившись, что его слушают, профессор астробиологии продолжил:

– Я исследовал различные семьи и уверен, что у вас с мужем произошла... небольшая ссора.

– Да, вы, наверное, правы, – согласно ответила цваргиня, продолжая созерцать водопад.

Сердце Себастьяна лихорадочно билось, но он немного успокоился: спутница не выбежала прочь из зала.

– Скажите, вы любили Мориса тогда, когда вышли замуж?

Она пожала плечами.

– Да, он красиво ухаживал, и я влюбилась в него, будучи наивной юной девчонкой. Забеременела близнецами быстро, а осознала, за кого вышла замуж, много позднее.

– И он совершенно точно был влюблен в вас, вы вошли в его ближний круг.

– Скорее всего, – меланхолично ответила цваргиня. – Я никогда не спрашивала, как именно он ко мне относится. Но у нас каждое утро стояли цветы в прихожей, он делал мне искренние комплименты, иногда заезжал в ресторан и привозил что-то вкусное после рабочей смены. Он дарил подарки... Не всегда те, что хотела я, но они были. Как говорится, дареному истребителю в сопла не смотрят. А потом все куда-то ушло. Я набрала вес в беременность, все постепенно изменилось... Но даже если Морис меня и любил: мне все равно.

Себастьян обрадовался, что, кажется, у него получилось донести до Орианн суть проблемы рождаемости расы.

– Теперь вы понимаете, что у вас родились близнецы потому, что вы были влюблены в супруга, а Морис привязался к вам на уровне бета-колебаний. Многие семьи на Цварге десятилетиями пытаются завести детей, но им это не удается. Планетарная Лаборатория работает дни и ночи напролет, пытается подобрать списки наиболее подходящих с точки зрения зачатия мужчин для цваргинь. У нашей расы есть выражение «войти в ближний круг». Традиционно на словах оно применимо к обоим полам, но фактически резонаторы имеются лишь у мужчин. Считается, что физической аналогии ментальной привязки для женщин не существует: нет рогов – органов, улавливающих бета-колебания, – нет бета-тел в крови, все логично. Но фигуральное выражение-то существует, и оно достаточно древнее... Конечно, можно говорить о равенстве полов и прочем, но если предположить, что цваргини тоже могут привязываться к мужчинам... пускай и без смертельных исходов и бета-недостаточности и маркеров в крови в виде бета-тел, то это может быть ключиком, который давно все ищут. Дети у цваргов появляются лишь тогда, когда оба входят в ближний круг друг друга.

Женщина кивнула.

– Интересная теория. Надеюсь, у вас получится ее доказать, профессор Касс.

– Теперь вы понимаете, что зачать ребенка от... – он споткнулся на фразе, желая сказать «меня», но все же, подумав, заменил на обобщающее: – мужчины не сможете, пока между вами не установится глубокая взаимная симпатия?

«И если у меня она есть, то у вас – вряд ли, – мысленно добавил он. – Моя же настолько сильна, что рискует обернуться привязкой».

Орианн растерянно улыбнулась.

* * *

Орианн Мэрриш

Я сидела напротив Себастьяна, мысленно проклиная свой идиотский вопрос. Касс мягко, но вежливо отказался от «щедрого» предложения заняться со мной сексом. Шварх... Я сгорала со стыда, мечтая уйти из «А капеллы». Провалиться нестабильным туннелем на другой конец Федерации, оказаться на необитаемой планете – все что угодно, только не быть здесь после услышанного «нет».

Самое удивительное, что после того как Себастьян отказался, он не стал смеяться надо мной или унижать типичными фразочками «и ты думала, что после признания, что ты частично эльтонийка, мне вообще захочется тебя касаться?». Нет, профессор Касс остался до зубовного скрежета галантным и приятным мужчиной... И это убивало как медленный яд. Вселенная, я повела себя как... ночная бабочка или даже хуже, а он продолжил разговаривать так, будто я чистокровная цваргиня из аристократического рода: налил еще чаю, поставил передо мной персиковый десерт и говорил вещи... безусловно правильные, но не в моем случае. В браке с Морисом я давно чувствовала себя узницей в трюме корабля, который заранее обречен потонуть.

– Теперь вы понимаете, что зачать ребенка от мужчины не сможете, пока между вами не установится глубокая взаимная симпатия?

Он говорил так искренне, а я не знала, куда себя деть и как признаться, что он первый цварг за последние восемь лет, о котором я вообще думала в интимном смысле.

Вселенная, как же стыдно-то...

– Да, конечно.

– Так почему вы предложили мне... кгхм-м-м... заняться любовью?

Кобальтово-синие лучистые глаза уставились с любопытством.

Я сказала «сделать ребенка», Морис бы употребил «заделать дочь» или «натянуть по самые помидоры», а Себастьян даже в этой ситуации подобрал чуткое «заняться любовью».

«А что ты еще ожидала от порядочного мужчины, Орианн? Ты слишком переобщалась с Морисом».

– Я... уже объяснила, – сглотнула я горькую слюну. – На этой планете я чувствую себя как в тюрьме. Я не могу добиться развода, и даже если случится такое чудо, что мне его дадут, сыновья останутся на Цварге. Морис сказал, что это как-то связано с владением резонаторами и с тем, что он чистокровный. У него навязчивая идея завести еще девочку, а памятуя, как легко нам дались Ланс и Лотт, я испугалась. Ко всему прочему, на Цварге запрещены контрацептивы. Я даже не имею возможности предохраняться. А я не хочу детей от нелюбимого мужчины!..

«Но дочь от вас, Себастьян, скрасила бы мое положение заключенной».

– А... то есть вы хотите развод? Это ваше настоящее желание?

Мне показалось, что Касс дернулся, и даже послышался скрип крошащегося камня, но... послышалось, видимо.

– Да. – Я кивнула и выдавила улыбку. – Но мне доступно объяснили, что это невозможно.

Себастьян задумался. Десерт я доедала в полнейшей тишине, слушая чудесную музыку водопада. Когда мы позавтракали, Касс бросил на столешницу финансовые чипы не глядя, и я была готова поклясться, что там было значительно больше, чем то, на что мы наели. Он был предусмотрителен и вежлив всю дорогу до поместья Мэрриш, а перед тем, как выпустить из флаера, вдруг дотронулся до моей ладони и попросил:

– Орианн, я постараюсь найти выход из вашей ситуации, но пообещайте мне кое-что, пожалуйста.

– Что?

Я скользнула взглядом по лицу собеседника и постаралась приглушить всплеск эмоций.

– Никогда больше не делайте себе больно.

– Что? – вновь шепотом повторила я, не поняв, о чем идет речь.

На что мужчина взял мою руку и оставил невесомый поцелуй на тыльной стороне ладони, где уже образовался шрамик от ножа для

сыра. Его губы оказались такими горячими, что всем существом мне захотелось к ним потянуться.

«Это типичное цваргское воспитание, – оборвала я ворох некстати нахлынувших мыслей. – Многие цварги, здороваясь или прощаясь с дамой, целуют руку».

Я вытянула ладонь и уже хотела хлопнуть дверцей флаера, как Себастьян неожиданно остановил:

– Ах, да, Орианн, я тут для вас кое-что приготовил...

– Для меня?!

– Да. – Касс кивнул и потянулся куда-то за сиденья, а затем выудил оттуда планшет. – Я закачал сюда все фотографии и голограммы Юнисии, а также статьи о том, как устроена планета... Вы, кажется, интересовались.

«Подарок... И даже не пылесос...»

– Спасибо, Себастьян, – растерянно поблагодарила я, принимая планшет. – Мне очень понравилась «А капелла», завтрак был чудесным и ваше общество тоже.

– Это я должен благодарить вас за уделенное время.

Профессор Касс широко улыбнулся и ни намеком не упомянул о той непристойности, которую я себе позволила у водопада.

Я кивнула на прощание и отправилась в пустой дом. У Ланса и Лотта сегодня по расписанию восемь уроков, а до их прихода я должна перестелить постельное белье в четырех спальнях после друзей Мориса, перестирать шторы, приготовить обед, помыть полы и санузел на первом этаже.

Я представила список дел, которые должна успеть выполнить вовремя, и завтрак в «А капелле» стал казаться сказочным сном. Чтобы еще немного продлить то ощущение тепла и заботы, которым укутал меня Себастьян, я села в кресло и включила планшет. Перед глазами замелькали великолепные острова в розово-лиловом тумане и необычные цветы, причудливые здания, архитектуру которых хотелось рассматривать и рассматривать, и диковинные плоты.

«Ядро Юнисии представляет собой жидкий магнит, а почва на планете смешана с частичками магнуса, из-за чего поверхность представляет собой летучие пласты земли, которые время от времени перемещаются в пространстве...»

Ах вот откуда происходят землетрясения. Интересно, как же тогда устроены дома на Юнисии? Наверное, у фундамента должны быть рессоры...

Я так увлеклась чтением о далекой Юнисии, что не заметила, как уснула.

Глава 10

Гроза

Себастьян Касс

Встреча с Орианн перевернула в Себастьяне все вверх дном.

«То есть вы хотите развод? Это ваше настоящее желание?»

«Да. Но мне доступно объяснили, что это невозможно...»

Как же она отчаялась, что вот так с ходу предложила... такое!..

Вначале Касс решил, что между супругами недопонимание, но затем понял, как сильно ошибся.

Мысли плохо укладывались в рогатой голове, но Себастьян ниточка за ниточкой распутывал сложный клубок под названием «брак четы Мэрриш». Орианн призналась, что влюбилась в мужа при первой встрече, и не отрицала, что могла войти в круг Мориса. Согласно теории Касса о появлении детей у цваргов, точно вошла. Рождение близнецов может быть объяснено генами со стороны одного из родителей. Но дальше в голове профессора астробиологии и межгалактической генетики царил полный хаос. Он не понимал, как брак Орианн и Мориса мог докатиться до того, что женщина попросила переспать с ней буквально первого встречного...

Соблазн согласиться был огромным. Да что там! Гигантским! Эта хрупкая цваргиня с трогательным влажным взглядом, длинными ногами в изящных босоножках и полной мягкой грудью засела в его голове с самой первой встречи у озера. И тем горше было осознание того, что она предложила себя не потому, что он ей нравился, а потому, что пыталась ненадолго сбежать от той жизни, которая у нее есть сейчас.

Себастьян тряхнул головой.

«Вначале я помогу ей с разводом, а дальше посмотрим».

Профессор Касс выбрал в справочнике Цварга ближайшую открытую юридическую контору, чтобы удостовериться, что на исторической родине все обстоит ровно так, как описала Орианн. К сожалению, специалист по семейному праву подтвердил удручающую ситуацию: разводов на Цварге официально нет. Те редкие случаи, когда Аппарат Управления Планетой все-таки шел навстречу прошениям о

расторжении брака, касались разводов по обоюдному согласию при наличии чистокровных детей, и совсем редкие случаи – когда доказывалось плохое обращение с женой.

Перед самым выходом Себастьян не удержался и задал последний интересующий его вопрос:

– Простите мою неосведомленность... Но я с Юнисии, здесь буквально неделю. Подскажите, а где можно купить средства контрацепции? Что-то не видел ни в одной аптеке.

– Конечно, – важно кивнул солидный низенький юрист в фиолетовом вельветовом костюме. – Рождаемость у цваргов катастрофически низкая, использование противозачаточных средств запрещено законом. – И благодушно добавил: – Но вы не переживайте, при желании можете слетать на Тур-Рин, здесь рукой подать. В райских садах продается все необходимое, а девочки там на любой вкус, цвет и рога, как говорится.

– А в рамках Цварга?

– О, к вам приезжает девушка по визе «беллеза»? Так не о чем волноваться, они обычно сами устанавливают имплантат заранее.

Себастьян скрипнул зубами от досады из-за непонятливости собеседника и спросил совсем уже в лоб:

– Но цваргини не могут получить никакие препараты?

– А зачем? – Коренастый цварг изумленно уставился на странного клиента. – Вы, видно, совсем издалека, раз не знаете, что проблема зачатия у наших женщин одна из основных. Раса находится на грани вымирания!

«Какое же моральное давление оказывается на женщин, если они не могут даже такой малости, как самостоятельно решать, когда заводить детей. Неудивительно, что природа взбунтовалась... Даже животные не размножаются в неволе».

Утренние полные безрассудства и отчаяния слова госпожи Мэрриш приобретали все больший смысл.

«Она хотела повлиять хоть на что-то».

Пока Себастьян вел флаер в поместье Кассов, на небе начали собираться чернильные тучи, а стоило профессору зайти в дом, как кривая бледно-желтая молния расколота небосвод... Дождь хлынул сплошной стеной. Мужчина прошел в кабинет, достал биохимический анализатор крови, микроскоп, подсоединенный к голографическому

модулятору изображений, и набор с тестерами, задумчиво вынул ампулу с кровью цваргини.

«Я должен помочь ей добиться развода. Просто обязан».

Орианн Мэрриш

Я проснулась внезапно. Набрякшие свинцовые тучи тяжелым одеялом заволокли все небо, и в первую секунду показалось, что уже давно наступила ночь. К счастью, коммуникатор мигнул тусклой подсветкой и подсказал, что настал всего лишь ранний вечер.

«Ланс, Лотт! О, бескрайний космос, я проспала окончание их уроков! До школы рукой подать, они вполне могут дойти самостоятельно, пропущенных звонков нет, я бы услышала, но вдруг...»

Сердце кольнуло тревогой, и я рванула к двери.

– Ланс! Лотт! – громко крикнула я, торопливо спуская по лестнице. – Вы дома? Мальчики?!

– Не ори ты так. Я забрал их и отвез к двоюродной сестре.

Я даже не сразу поняла, что это сказал Морис – в темно-красном смокинге густого винного оттенка он сливался с обивкой дивана. Гостиная погрузилась в полумрак, и лишь догорающий потрескивающий огонь в камине разгонял мрачные тени. Я непроизвольно поежилась. Обычно мне нравилось сидеть у живого огня, несмотря на то что чистить камин от золы – физически нелегкое дело, но в этот раз отблески пламени оставляли на супруге иллюзию кровавых следов.

«Надо же, сам разжег камин!..» – отметила я про себя удивленно.

Морис держал в руках бутылку. Мне показалось, что это очередной коньяк или арманьяк, которые он так любит, но, присмотревшись, я поняла, что это что-то другое – слишком уж необычная форма у тары.

– К двоюродной сестре? – эхом откликнулась, спускаясь медленнее.

Где-то вдали раздался громовой раскат, и первые капли дождя застучали по крыше, водостоку и оконным отливам. Не сводя с меня взгляда, Морис приложился к бутылке.

– Мне казалось, ты не хотел лишний раз оставлять детей с родственниками, потому что это может подчеркнуть отсутствие

прислуги и нянь.

– Я отвез их к Марианне и купил билеты в парк развлечений. У Ланса и Лотта был веселый день. Ночевать они останутся тоже у нее, а утром она отведет их в школу. Не беспокойся, я обо всем договорился, чтобы нам не мешали. Ведь у нас праздник.

Я подошла чуть ближе, пытаюсь понять выражение лица Мориса. То, что он говорил, совсем не походило на обыкновенное поведение супруга. Слишком он был спокойный какой-то, слишком благодушный. Дай потратить деньги на парк развлечений день в день по максимальной цене без бронирования?

– А какой у нас сегодня праздник? – уточнила я, сделала еще один шаг и смогла рассмотреть этикетку на бутылке.

На темном стекле виднелся стандартный штрих-код цвета морской волны с вырезанной капелькой и шприцом по центру – знак медицинских учреждений на всем Цварге. Ах вот почему бутылка показалась необычной – это не пойло, это лекарство!

Морис отпил еще немного из горла и потрогал основание левого резонатора. Я неуверенно добавила:

– У тебя что-то болит? Может, голова?

Муж неожиданно широко улыбнулся и на миг стал тем самым Морисом-из-прошлого, в которого я когда-то влюбилась.

– Нет, ничего не болит. В кои-то веки я великолепно себя чувствую.

«Боже, если это лекарство сотворило с ним такие перемены, то я готова тратить все деньги на него!»

– А праздник у нас с тобой сегодня будет общий, – тем временем продолжил супруг. – Один на двоих. Мы давно не проводили время вместе, и я решил, что это надо исправлять.

Он скользнул типично мужским взглядом по помятому со сна платью, в карих глазах отразилось пламя из камина. Сердце кольнуло неприятное предчувствие. Какой именно смысл Морис вкладывает в словосочетание «совместное времяпрепровождение»?

– Я так соскучился по тебе, Орианн... Все эти годы я считал, что у тебя постродовая депрессия, и старался не навязываться. Женщины, которые у меня были, – это исключительно забота о тебе, любовь моя. Однако совсем недавно меня озарило, что я поступал категорически неверно. Это лекарство, – он приподнял бутылку и потряс в воздухе,

показывая, что выпил больше половины, – изумительная вещь! Эта настойка на основе горных трав временно лишает меня нюха и чувствительности к бета-волнам. Сегодня я весь твой.

Он медленно поднялся, поставил бутылку на низкий столик и скользнул ко мне.

– Я так люблю тебя, Орианн, что заказал у аптекаря рецепт и готов лишиться самого дорогого для любого цварга, лишь бы только быть с тобой. Сегодня этот вечер только для нас.

Я попяtilась, чувствуя, как меня обдало дыханием супруга. Настойка определенно являлась алкогольной, хотя, судя по трезвому взгляду Мориса, организм уже переварил градус – остался лишь запах.

Дождь за окном усилился. Теперь капли настойчиво забарабанили в стекла, завыл ветер, гулким эхом отражаясь в каминной трубе и перекрывая еле слышный треск огня. Порыв сквозняка заставил зябко поежиться.

– Слышишь? – Цварг склонил голову к плечу, явно вслушиваясь в буйство стихии. – Даже природа хочет, чтобы мы сегодня были вместе. Что может быть романтичнее, чем совместная ночь любви, когда за окном льет дождь?

Цепляясь за крохи надежды, я с плохо скрытой мольбой предложила:

– Морис, это здорово, что ты решил уделить мне внимание, но, может, поужинаем и просто поговорим?

Мощный хвост цварга в мгновение ока обвился вокруг моей талии и привлек к телу мужа с такой резкостью, что невозможно было не почувствовать настрой Мориса.

– Это все обязательно, – ответил он, внезапно нападая с поцелуями. – Но потом. Сейчас я хочу другого. Ко всему, физические упражнения на сытый желудок вредны.

Он жадно смял мои губы, подхватил под ягодицы и понес к дивану, на котором только что так старательно употреблял лекарство. Я замолотила по его плечам изо всех сил, стараясь высвободиться из удушающих объятий. Все внутри бунтовало против его прикосновений и наглого языка, хозяйничавшего у меня во рту. «Не-е-ет», – хотелось крикнуть во все горло, но оно было занято чужим проворным органом. Морис сжал меня еще крепче, но, чтобы уложить, все-таки прервался с поцелуем.

– О, я и забыл, какая ты страстная! Совсем как в тот год, когда мы встретились на Эльтоне, – произнес муж, навалившись каменной плитой сверху.

Цварг потерял о бедро настолько внушительным бугром, что исчезли любые сомнения в том, что он собирается делать. В карих глазах полыхала неприкрытая похоть.

– Нет, Морис, прошу, не надо! Я не хочу!..

Конец фразы потонул в серии оглушительных раскатов грома.

– Сейчас захочешь, – прошептал муж, рывком разорвал ворот моего любимого платья, сместил белье и припал губами к груди. – Я доставлю тебе удовольствие. Сделаю все, как ты любишь.

Это могло бы быть приятно, если бы не было так тошно: меньше всего на свете мне хотелось принадлежать Морису. Те дни, когда я была влюблена в этого мужчину, безвозвратно исчезли, растворились без остатка во множестве ссор, обид и недопониманий. Череду унижительных высказываний и любовниц давно похоронила под собой все то хорошее и светлое, что когда-то было между нами. Теперь брак напоминал догорающие угли в камине: они не грели, не создавали уют и даже не могли толком осветить гостиную. Сплошная фикция. Огонь есть, а тепла – нет. Вынеси на улицу – и пойдет едкий противный черный дым.

«Ты должна, Орианн. Что же ты за жена такая, которая отказывает мужу даже тогда, когда он устраивает романтический вечер? – упрекнул внутренний голос. – Он ведь старается изо всех сил».

Я прикрыла глаза, так как в них защипало.

Отвратительная я жена, видимо.

«Пообещайте мне кое-что, пожалуйста. Никогда больше не делайте себе больно», – прошелестел бархатный голос Касса в голове, и я вновь распахнула ресницы.

– Морис. – Я попыталась выразить чувства еще раз, когда он переместился с истязанием одной груди к другой. – Я не хочу.

– Хорошо, – внезапно покладисто согласился муж, и я выдохнула, но не тут-то было: – Не хочешь медленно и с прелюдией, я сделаю все по-быстрому. Постараюсь максимально аккуратно.

Он приподнялся и быстро скинул пиджак. Вжикнула молния мужских штанов, а из-за диванных подушек словно по волшебству показалась бутылочка с ароматизированным маслом. Морис, не

стесняясь, задрал юбку платья до талии, сдернул белье и обильно плеснул на меня, совершенно точно запачкав и одежду, и обивку дивана.

– Я тебе потом новую одежду куплю, – сообщил он, не отрываясь от моего лица, словно выискивал там что-то. – Только подари мне дочь.

– Морис, я не хочу детей! – Внезапно слезы хлынули ручьем по щекам. – Морис, пожалуйста, не надо! Ты же летал на Тур-Рин, был с беллезами, у тебя же наверняка должно быть что-то... Пожалуйста, используй!

– Вот, значит, как?! Значит, от меня ты детей не хочешь, а от того богача согласна иметь?!

Вопрос мужа обжег сильнее пощечины наотмашь. Тело внезапно одеревенело. Он что, следил за мной?!

Яркая вспышка молнии озарила гостиную, подчеркивая болезненный оскал на перекошенном лице мужа. Словно прочитав немой вопрос в моих глазах, Морис снизошел до пояснения:

– Один из моих приятелей завтракал в «А капелла» и весьма удивился, когда увидел тебя и богатенького сосунка издалека. Хотел поздороваться, но в тот момент, когда направился к вашему столу, ты громко предложила заделать тебе ребенка. Грон сказал, что ты ползала в ногах со слезами и умоляла тот денежный мешок с кабрио-флаером тебя трахнуть. Ты унизила меня так, что от этого вовек теперь не отмыться! Значит, если есть кредиты, то ты на все согласна?! – За окном гром нарастал, и, чтобы его было слышно, Морис повысил голос почти до крика: – И ты столько времени лгала, утверждая, что шофер – это тоже уважаемая профессия! А на самом деле ты просто искала кого-то с банковским счетом побольше! Вон посмотри, как я расстарался! – Он махнул рукой, очерчивая пространство: – Отвез детей, купил лекарство и разжег камин! Я все сделал, чтобы тебе было приятно! А ты – меркантильная дрянь! Ничего, выносишь здоровую дочь, и, так и быть, отстану от тебя еще лет на десять!

Злая ирония судьбы: когда я провела время с Себастьяном у озера и ночью, Морис даже не почесался, что я могу ему изменять. Он не посмотрел в окно, когда Себастьян уложил Ланса на наш диван и вышел, хотя мог бы заметить машину еще тогда. «Оборванец» в глазах мужа не был ему конкурентом, а вот «денежный мешок с кабрио-

флаером» – да. И неважно, что все три раза я была с одним и тем же мужчиной.

Я забрыкалась под Морисом, пытаюсь скинуть его с себя, но он навалился всем весом, коленом раздвинул бедра, правую щиколотку обвил хвостом, чтобы удерживать бедра пошире, и принялся пристраиваться.

– Да не вертись же, женщина, я не хочу сделать тебе больно! – прошипел он, дополнительно зафиксировав еще и одно из запястий. – Я сделаю все быстро, ты и не заметишь. Я понял, у тебя что-то внутри сломалось, ничего страшного. Относись к этому как к медицинской процедуре.

«Да это брак с тобой меня сломал!»

– Не хочу... – пробормотала я сквозь слезы.

Вторя моему отчаянному сопротивлению, на небе прогремел очередной раскат грома.

– Тебя никто и не спрашивает, Ориелла, – рывкнул в ответ супруг. – Вселенная, да что же ты столько соплей-то на пустом месте развела? Вон Ланс и Лотт у нас замечательные получились, будет еще одна милая крошка. Что плохого-то? Ты – женщина, твоя функция – вынашивать детей, ко всему, ты моя жена! Имею полное право: я тебя кормлю, одеваю, предоставляю крышу над головой, и, надо заметить, шикарную крышу! Ты зажралась от роскошной жизни, моя дорогая. Вон уже предлагаешь себя первому встречному! Самой-то не стыдно?

Что-то мазнуло по внутренней поверхности ноги, Морис шумно пыхтел на ухо, явно настраиваясь. Я с отчаянием закусил губу, пытаюсь придумать, что могу сделать. Секунда убежала за секундой. Взгляд выхватил бутылку недопитой настойки на журнальном столике.

«Пообещайте мне кое-что, пожалуйста. Никогда больше не делайте себе больно».

Себе – не буду.

Цварги обладают потрясающей регенерацией, у них крепкие кости и плотная ткань мышц. Они считаются свехрасой благодаря резонаторам, но рога же являются и самой уязвимой частью мужчин.

Я ухватила бутылку за горлышко. Миг, и она обрушилась на голову Морису. Многочисленные осколки упали на диван и пол. Еще секунду супруг нависал надо мной и осел грудой костей, жира и мышц. Из последних сил я сбросила тяжелую тушу на пол и поняла,

что меня сотрясает крупная дрожь. В первую секунду показалось, что я убила Мориса, но за окном вспыхнула очередная молния – кровь оказалась всего лишь остатками настойки, да и грудь супруга двигалась вверх-вниз.

Не думая больше ни секунды и понимая, что он может очнуться в любой момент, я схватила плащ из прихожей и бросилась вон из дома.

Глава 11

Утро после грозы

Себастьян Касс

Себастьян не знал, сколько времени ему удалось поработать над кровью Орианн, но из состояния глубокой погруженности его вывела входная трель, раздавшаяся в третий раз на все поместье. Он выругался, что его снова отрывают: то Гаскон забежал отпроситься домой пораньше, то Рорина сообщила об уходе, то Стефан с Софосом одновременно прислали сообщения, что сегодня вернутся лишь поздно вечером, а дед – что они с бабушкой приглашены на званый ужин.

«Дождь льет как из поржавевшей трубы... Кто в такое время гуляет? – думал Себастьян, спускаясь из кабинета. – Хорошо в Академии на Юнисии: никаких звонков и глупых пережитков, требующих дополнительного внимания гуманоидов. На общежитиях стоят автоматические турникеты, пропускающие кадетов по идентификационным картам, а на кабинетах и личных лабораториях висят буквенно-цифровые замки на выделенных аккумуляторах».

Себастьян в полнейшей задумчивости преодолел просторный холл, открыл входную дверь и замер, потрясенно уставившись на неожиданную гостью.

Вода ручьями стекала по одежде и коротким волосам Орианн. Она была бледнее обычного, глаза влажно блестели, дрожь сотрясала хрупкую фигурку. Цваргиня стояла точно ледяная статуя и невидящим взглядом смотрела сквозь Касса. Ее светло-розовые губы двигались, точно она хотела что-то сказать, но слова при этом застревали в горле. Рваные сумбурные бета-колебания прорывались сквозь потрескавшийся панцирь отчужденности.

– Госпожа Мэрриш? – до глубины души изумился Себастьян и тут же шагнул в сторону, чтобы пропустить неожиданную гостью в дом.

Видимо, это движение стало спусковым крючком.

Цваргиня дернулась. Мужчину наотмашь ударило волной страха и отчаяния. Подол насквозь промокшего плаща резко разошелся в стороны и показывал край разодранного платья, в котором женщина завтракала. Съехавшее в сторону хлопчатое белье едва прикрывало

грудь. От получасовой ходьбы в босоножках в такую погоду осталось лишь одно название.

– Орианн, что с вами случилось?! – воскликнул потрясенный цварг.

Вместо того чтобы отвечать, женщина стала медленно оседать на мрамор, будто до сих пор держалась на невидимых нитях и вопрос Касса как ножницы обрезал веревочки кукловода.

– Себастьян, умоляю, увезите меня так далеко, как только можно. Я хочу развод, – прошептала она, всхлипнула и потеряла сознание.

Небо разрезало надвое ослепительной молнией.

* * *

Орианн Мэрриш

Я впала в какое-то странное состояние транса. Ноги несли меня по знакомой тропе, я оступалась, падала, вставала и снова шла. Перед глазами мелькнуло величественное здание из стекла, камня и металла, показавшееся смутно знакомым.

Вместо меня как будто кто-то подселил в тело совсем другую Орианн. А может быть, это и была та, настоящая Орианн, которую все эти годы я держала на привязи. Она взяла верх над телом Ориеллы и упорно шла в сильный дождь и ветер по узким тропкам вдоль горы к поместью Кассов. Выходить на дорогу она не рискнула, выбрав кратчайший путь. Она же смело позвонила во входную дверь и что-то попросила у Себастьяна.

Дальше следовал провал в памяти.

Первый раз я проснулась, укутанная в несколько слоев плотной ткани в удобном теплом кресле. Судя по обилию кнопок и рычагов, а также непривычной форме окон, это был не флаер, а другой летательный транспорт. За стеклом клубились грозные черные тучи и ослепительно-белыми росчерками вспыхивали кривые молнии. Себастьян с поджатыми губами напряженно смотрел вперед, уверенно тянул штурвал на себя и переключал светящиеся тумблеры.

«Ланс! Лотт!» – пронеслось в голове с очередным раскатом грома.

– Я не могу покидать Цварг! Мне вначале надо забрать Ланса и Лотта!

Себастьян, не отвлекаясь от управления, уточнил:

– Дети сейчас с вашим мужем? Он это с вами сделал?!

– Нет, они у Марианны, – пробормотала я, укутываясь в ткань.

Сил отвечать на второй вопрос не было – вновь навалилось сонное оцепенение.

– Не волнуйтесь, Орианн, мы не покидаем Цварг и можем вернуться в поместье Мэрриш в любой момент, как только вы захотите.

– Не захочу.

В следующий раз я проснулась, когда меня коснулся бесконечно приятный древесный аромат. Себастьян Касс куда-то нес меня на руках. Дождь уже прекратился, и в лунном свете я рассмотрела лишь заставленную дорогами флаерами парковку.

– Мы уже прилетели. В этом доме находится моя личная квартира в южном полушарии Цварга. Вы же не имеете ничего против многоэтажек?

– Не имею, – пробормотала я и уткнулась носом в ароматное место на шее Касса, туда, где билась жилка.

Пускай это совершенно неприлично, но его запах успокаивает.

В третий раз я проснулась, когда Себастьян настойчиво тормошил меня за плечо.

– Орианн, проснитесь, пожалуйста.

– Да? – сонно пробормотала я, зевая.

– Вам надо помыться. Вы много времени провели в мокрой одежде. Ко всему, я видел грязь на ступнях и ладонях. Надо все промыть, особенно если у вас имеются раны...

– У меня нет ран, – тут же возразила я, садясь и скидывая с себя одеяло, мужской плащ и собственное пальто.

Просторное помещение освещали встроенные в стены и пол приглушенные светильники. Современный функциональный дизайн, красиво, дорого и ничего лишнего. Кушетка, на которой, оказывается, я лежала, была обтянута черной кожей. Стиль минимализмом отдаленно напоминал офисный, но тем не менее я почувствовала себя в этой комнате уютно. Никаких ненавистных винных и коричневых оттенков с вычурной отделкой.

Пока я осматривалась на новом месте, Себастьян нахмурился.

– Орианн, мне не нравится ваш ментальный фон. Он выглядит... потрепанным. С вашего разрешения я вызову дока, чтобы он вас осмотрел.

Я отрицательно покачала головой. Зачем? Если у меня небольшой стресс, то все пройдет само собой. Если же сканирование медицинскими приборами покажет, что ментальная составляющая значительно пострадала, то вопросы будут не к Морису, а к Себастьяну. Сомнительно, что я смогу донести до местных чопорных баранов, что мне противна мысль иметь детей от собственного мужа. Морис отмажется тем, чтопил настойку и физически не мог оказать на меня никакого бета-воздействия, и мое удручающее состояние спишут на действия профессора Касса. Это станет еще одной проблемой на его плечах, помимо той, что замужней женщине не пристало оставаться наедине в доме неженатого цварга. Нет-нет, никакой огласки! Последнее нанесет серьезный удар по репутации Себастьяна. По моей то же, конечно, но в этом плане мне опускаться уже некуда – я и так на самом дне. Небольшое лечение ментального фона совершенно точно не стоит таких рисков.

– Спасибо, но не надо, Себастьян.

– Почему?

Мужчина опустил на корточки и взглянул на меня бездонными синими глазами. Один взгляд, и меня пробрало: он действительно интересовался здоровьем и переживал обо мне. Я вспомнила, что Касс родился и провел всю жизнь фактически на Юнисии, а потому действительно может не понимать всех нюансов и неписаных правил Цварга.

– Я хорошо себя чувствую, – неумело соврала я.

– Тогда я – прима межгалактического балета.

Касс криво усмехнулся.

«Вселенная, как ему идет даже такая улыбка...»

Я отвела взгляд и глубоко вздохнула.

– Спасибо за заботу, но со мной действительно все в порядке. Я перенервничала, до этого две ночи фактически не спала, вот и все. Посплю, поем и приду в себя. Никаких ран у меня нет и не было.

Молодой профессор набрал в грудь побольше воздуха, явно чтобы поспорить, а я после пережитого вдруг впервые почувствовала пьянящее воодушевление от осознания, что теперь-то все позади.

– Осмотр дока мне не требуется, и ни одного мужчину я к себе близко не подпущу. Но если вы, Себастьян, настаиваете, можете проверить лично.

– Ч-что?

Синие глаза расширились и приобрели еще большее сходство с глубоким океаном, а скулы мужчины заалели.

– Орианн, я не это имел в виду. Я вам верю, – торопливо пошел на попятный он.

Я хмыкнула и направилась в сторону санузла. Так я и думала. Судя по тому, в какой ступор впал Себастьян, мысль о том, что он может увидеть цваргиню голой, его потрясла. Уже когда я взялась за ручку двери в душевую, меня настиг окрик Себастьяна:

– Орианн, а что с Лансом и Лоттом? Мне их привезти?

– Да, завтра после школы, пожалуйста, – отозвалась я.

Я принимала душ совсем не долго, но когда закончила, почувствовала удивительное спокойствие: то ли вода смыла все тревоги, то ли само присутствие Себастьяна, словно мощное седативное, действовало успокаивающе.

Поняв в последний момент, что мне нечего надеть, я вышла в коридор в одном полотенце, едва достигающем до середины бедра. В поместье Мэрришей я такого себе никогда не позволяла – не столько потому, что это считалось на Цварге возмутительной вульгарщиной, сколько потому, что всегда подспудно опасалась привлечь ненужное внимание супруга. После того как я переехала в отдельную спальню, Морис видел меня исключительно полностью одетой и накрашенной.

Здесь же, в квартире Касса, я даже не задумалась о том, что выйти вот так в коридор может быть небезопасно. Да если я даже появлюсь полностью обнаженной перед Себастьяном, он совершенно точно отвернется и извинится – в этом я не сомневалась. В молодом цварге чувствовалась та настоящая порода, когда мужчина уважительно относится к женщине в любой ситуации и при любом количестве одежды и никогда не скажет «заделать», «напялить» или «трахнуть» не потому, что тщательно следит за речью, а потому, что мыслит иными категориями.

Я толкнула дверь в одну из двух имеющихся в квартире спален наугад и обнаружила сложенные аккуратно безразмерные спортивные

штаны, мягкую хлопковую мужскую футболку и тяжелый халат. Рядом с одеждой лежала записка:

«Спокойной ночи и хорошего отдыха, Орианн. Постарайтесь выспаться».

* * *

Себастьян Касс

Себастьян встал до рассвета по будильнику, приготовил завтрак на двоих, написал еще одну записку, чтобы Орианн чувствовала себя как дома. По-хорошему, надо бы внести ее биометрические данные в систему «Умный дом», чтобы она могла беспрепятственно покидать и возвращаться в жилье, но женщина спит, а у профессора слишком много планов на этот день.

Цварг уже собрался покинуть квартиру, как услышал шорох во второй спальне. Не прошло и минуты, как босоногая гостя вышла из комнаты. Мужская одежда висела на ней мешком, ворот футболки открывал тонкие ключицы, но не глубже, а манжеты штанов стягивали ткань над самой щиколоткой, подчеркивая миниатюрность обнаженных стоп. Вроде ничего неприличного, но было в образе Орианн что-то настолько чувственное, что у молодого профессора пересохло в горле и он поспешил отвернуться.

– Доброе утро. Себастьян, вы уже уходите? – уточнила цваргиня и, к облегчению мужчины, запахнула на себе халат.

– Да, я... должен идти. У меня несколько срочных дел на сегодня, и я в спешке вчера собирался, так что хотел бы вернуться в поместье Кассов и забрать вашу кровь. Про Ланса и Лотта помню. У меня сегодня как раз последним уроком идет их класс. Как только проведу, заберу мальчишек и привезу сюда.

Орианн улыбнулась и прошла мимо Себастьяна на кухню. От нее веяло чудесными эмоциями – не скажешь, что накануне вечером она была в кошмарном состоянии.

– Вы можете еще поспать, если хотите. Я там на столе оставил вам завтрак и записку...

– Спасибо, я привыкла рано вставать. А вы мне не составите компанию?

– Боюсь, нет. – Видит Вселенная, Касс очень хотел провести время наедине с Орианн. – У меня сегодня назначен прием в клинике по поводу господина Кианза. Это школьный учитель, которого я заменяю...

– Себастьян, что вы! Вы не обязаны ничего объяснять, – донесся звонкий голос из кухни. – А что это?..

Цваргиня вышла в коридор и остановилась в нескольких шагах от Себастьяна. В одной руке она растерянно крутила финансовую карточку, а в другой была зажата та самая записка. Несмотря на то что Касс не подразумевал ничего плохого, он почувствовал, будто его, словно нашкодившего подростка, застукали за чем-то не совсем приличным.

– Это одна из моих карточек, привязанная к личному счету на Цварге. Вы же без одежды и предметов личной гигиены... Вот я и подумал...

– Ясно, спасибо. – Орианн широко улыбнулась и серьезно кивнула: – Вы очень предусмотрительны. Я обязательно все верну до последнего кредита.

– Да не стоит, право слово...

– Нет, я верну.

Для Себастьяна траты на вещи и быт казались ерундой, но глаза Орианн сверкнули такой решимостью, что он не посмел спорить. Несколько секунд он топтался в собственной прихожей, размышляя, будет ли тактичным его вопрос.

– Орианн... Я могу вас снова спросить, что вчера произошло? Причиной того ужасного состояния, в котором вы пришли, стал ваш супруг?

Цваргиня тяжело вздохнула.

– Да. Но подробнее не хочу говорить. Это между мной и Морисом.

«Да как он мог так обращаться с женой?!»

Себастьян с изумлением услышал, как его хвост прочертил борозду. Звук разрезаемого паркета в собственной квартире слегка отрезвил.

– Он считал, что был прав, – торопливо добавила Орианн и поежилась. – В каком-то смысле так и было.

– Что бы между вами ни произошло, цварг не имел права так с вами обходиться! Я поговорю с ним по-мужски!

– Не стоит.

Орианн вздрогнула, внезапно преодолела разделяющее их пространство, схватила Себастьяна за рукав и заглянула ему в глаза. По эмоциональному отклику пришла яркая вспышка тревоги. Цваргиня действительно не хотела, чтобы профессор Касс общался с ее мужем!

– Но почему? – изумился Себастьян. – Вы его все равно любите, да?!

Касс не планировал последнего вопроса, но он сам сорвался с губ, и цварг понял, что боится получить ответ.

«Я могу добиться для нее развода... Но я не могу заставить ее разлюбить».

– Глупость какая, – сказала она, а Себастьян почувствовал колоссальное облегчение. – Я просто не хочу, чтобы вы в это ввязывались, поскольку может пострадать ваша репутация. В конце концов, мы с Морисом муж и жена по законам Цварга, и ничего плохого он не сделал. Всего-то пытался выполнить долг перед расой. Тут, скорее уж, я поступила плохо, потому что ударила его.

– Он же не... – Голос изменил Себастьяну, а в крови забурлила обжигающая ярость, стоило ему понять, что произошло ночью. – Я ему все рога обломаю и хвост выдеру вместе с шипом! – зарычал он.

– О, по резонаторам он уже получил, – вздохнула Орианн. – Я вырубил его бутылкой по голове. Себастьян, повторяю, не лезьте в это, пожалуйста.

Касс моргнул, еще раз посмотрев на хрупкое видение с короткой стрижкой перед собой.

«Вырубил? Ударом бутылки? Похоже, она действительно задела рога, потому что череп у цваргов крепче, чем у остальных гуманоидов».

– Страшная вы женщина, Орианн, – вырвалось у него непроизвольно не без доли восхищения.

– Не страшная, а жалкая, раз довела все до такого, – хмыкнула цваргиня. Ее плечи опустились, взгляд потух. – Но я сама во всем виновата. Я сама вышла замуж за Мориса, никто меня не заставлял.

– Не говорите так, Орианн, – горячо возразил Себастьян. – Легко быть умным «назад», но крайне сложно – «вперед». Вы выходили замуж за мужчину, которого любили, и поступали так, как вам на тот момент казалось правильным. Мы все меняемся – и это нормально. Ненормально – оставаться на месте, если хочется двигаться дальше. Я обещаю, что добьюсь для вас развода.

Она грустно усмехнулась, покачала головой, но возражать не стала. Касс всеми фибрами души хотел продлить момент, прежде чем покинуть эту потрясающую женщину.

– Я могу поинтересоваться, чем вы займетесь сегодня?

– Да, конечно. – Наконец-то на ее лице появилась улыбка. – Я поняла, что прежде всего мне важно получить финансовую независимость от супруга.

Кассу захотелось предложить свою помощь и разрешить ей жить в его квартире столько, сколько понадобится, но он чувствовал, что Орианн не примет такого подарка, и промолчал.

– Если получится выбить из Аппарата Управления Планетой расторжение брака, то я хотела бы улететь отсюда так далеко, как только можно. Если не получится, то приобрести собственное жилье и охрану, которая будет меня сопровождать днем и ночью.

– О!

Себастьян Касс вновь пораженно посмотрел на Орианн.

Есть два типа гуманоидов. Одних стрессовые ситуации парализуют. Они замыкаются в себе, опускают руки или избегают действительности с помощью алкоголя и наркотических веществ. Другие же, наоборот, активизируются и начинают судорожно искать решение бурной реки проблем и могут перекинуть с одного берега на другой прочный мост, не имея гвоздей. Орианн определенно принадлежала ко второму типу.

Женщина вновь едва заметно улыбнулась.

– Себастьян, я по глазам вижу, что вы что-то подумали обо мне. Не надо. Что б вы там ни надумали себе, я другая.

Касс кивнул, попрощался и вышел из квартиры. Уже когда дверь за ним захлопнулась, он пробормотал себе под нос:

– Конечно, другая, Орианн. Вы самая сильная женщина, которую я когда-либо встречал.

Орианн Мэрриш

Дверь закрылась за Себастьяном, а я подумала, что он очень юн и наивен, если считает, что поможет с разводом. Он может быть сколь угодно умным и даже гениальным профессором астробиологии и межгалактической генетики, но десятилетиями сложившиеся устои на Цварге ему не одолеть.

С другой стороны, я впервые за долгое время наконец-то выпалась, и наутро само собой пришло решение сложившейся проблемы. Пусть не идеальное, но какое-никакое. Скорее всего, за пределы орбиты местное правительство меня не выпустит, тем более вместе с детьми, но если я получу финансовую независимость от Мориса, то смогу сама управлять своей жизнью.

Вкусно позавтракав тем, что оставил Себастьян, я в первую очередь сделала важные дела: заказала минимум необходимых вещей с доставкой для себя и близнецов. Возвращаться в поместье Мэрриш не хотелось. К тому же Морис всегда подчеркивал, что все, что есть в доме, и даже наша с детьми одежда, заработано им. С него станется, если разозлится, потребовать вернуть все, что куплено на его кредиты.

Мысленно пообещав себе, что беру у Себастьяна деньги исключительно в долг, я разместила заказ на специализированный планшет с высоким разрешением, лицензионными инструментами для черчения и моделирования зданий, голографическим проектором и ультраточное электронное перо. После всех покупок я со спокойной совестью набрала в инфосети запрос и начала предметный поиск вакансии, куда бы могли взять женщину с неоконченным образованием архитектора.

Глава 12

Господин Кианз и его племянница

Себастьян Касс

Себастьян с сожалением покинул квартиру. По удачному стечению обстоятельств его личное жилье находилось в том же часовом поясе, что и родовое поместье Кассов, но в южном полушарии. Благодаря тому, что он взял истребитель, а не флаер, перемещение на большое расстояние не заняло много времени. Когда Себастьян припарковал «Ястреб» рядом со входом, выяснилось, что дождь здесь и не прекращался.

Сонный Гаскон рассказал, что господа Стефан и Софос еще спят, а старшее поколение из-за непогоды решило остаться на ночь в поместье друзей. Себастьян кивком поблагодарил садовника и в несколько заходов перетащил все, что планировал, в истребитель, особое внимание уделив пробирке с кровью Орианн. По промежуточным анализам выходило, что у нее более восьмидесяти семи процентов генов цваргини и лишь тринадцать – эльтонийки.

– Господин? – окрикнул слуга самого младшего из Кассов, когда тот уже собирался взлетать.

– Да?

Цварг мялся на пороге, не зная, прилично ли себя ведет.

– Мы вас еще увидим?

– А почему нет? – изумился Себастьян.

– О! Я думал, вы уже улетаете на Юнисию... Что ж, тогда всего хорошего. Я передам Рорине, чтобы она закупала продуктов с учетом того, что вы можете в любой момент вернуться.

После посещения родового гнезда Кассов Себастьян отправился в клинику, куда положили господина Кианза из-за бета-недостаточности.

– Как он? – спросил Себастьян у вышедшего из палаты дока.

Через прозрачную стену была видна стандартная одноместная палата с медицинской капсулой, множеством подключенных проводков и ритмично мигающим электронным табло. Бледная молодая цваргиня сидела в кресле рядом с аппаратами и невидящим взглядом смотрела перед собой. Она была одета в сарафан в яркий желтый горох и

модные золотистые туфельки-лодочки, на руках – яркий белый маникюр с рисунком. Весь ее наряд говорил о жизнерадостном характере, вот только бесконечная печаль в глазах и высохшие дорожки слез плохо сочетались с внешним видом.

– Лучше, уже лучше. Самый опасный период пришелся на вчерашнюю грозу. Острая бета-недостаточность вызвала кому, но сейчас господину Кианзу уже значительно лучше. Простите, а вы дальний родственник?..

– Нет, я... гхм-м-м... коллега. Временно исполняю обязанности школьного учителя, вот и интересуюсь, как он себя чувствует. – Себастьян жестом указал на капсулу. – Дети скучают, спрашивают, когда их любимый преподаватель вернется.

– А, ясно. – Док кивнул, принимая объяснения. – Что ж, через пару дней пациент полностью придет в себя. Нам повезло, что леди Белла вернулась с отдыха на Зоннене, как только узнала.

– Она, выходит, его источник бета-колебаний и полетела отдыхать одна, без мужа? – изумился Себастьян.

«На поступок любящей супруги не похоже...»

Док вздохнул и почесал основание правого резонатора.

– В том-то и дело, что мы долго не могли установить, из-за чего у господина Кианза такое плохое состояние. По документам у него не было жены... Мы ошибочно предполагали, что дело в беллезе-миттарке, которая совсем недавно приезжала к нему. Мало ли, девушка вошла в ближний круг, не поняла этого или он ей не рассказал об особенностях расы, его организм перестроился, и... что получилось, то получилось. В итоге нам пришлось обратиться к эмиссарам Службы Безопасности Цварга и потратить лишние дни на поиск беллезы, которая оказалась совершенно бесполезной.

Док развел руками.

– Время было упущено, но, к счастью, повторюсь, кризис миновал. Чудом успели.

– Кто же это тогда с ним сейчас сидит? – заинтересовался Касс.

– Племянница по двоюродному брату. Когда присутствие ни беллезы, ни родителей господина Кианза не помогло, эмиссары принялись копать глубже и нашли, что леди Белла жила у дяди после смерти родителей. Не так давно она вышла замуж за молодого цварга и съехала из дома господина Кианза. Она время от времени навещала

родственника, и потому цварг держался, а тут они с мужем отложили деньги и решили отправиться в свадебное путешествие... – Док тяжело вздохнул. – Ну а дальше понятно.

– Понятно, – эхом отозвался Себастьян, размышляя о превратностях судьбы.

Мужчина привязался на ментальном уровне к ритмам головного мозга племянницы. Как только она покинула планету, школьному преподавателю становилось все хуже и хуже... Ближний круг – это не всегда жены, иногда это дети или родственники. Любое разумное существо, которое испытывает эмоции, чисто теоретически может стать важной составляющей жизни цварга. Резонаторы – это и сверхспособность расы, и одновременно самое уязвимое место. Именно поэтому сородичи так боятся привязаться, именно поэтому на Цварге существуют школы для леди, где женщин отдельно учат держать эмоции под контролем, и именно поэтому на исторической родине не существует разводов, ведь с большой долей вероятности мужчина, проживающий вместе с женщиной под одной крышей и занимающийся с ней сексом, рано или поздно подсядет на бета-волны определенной длины и частоты.

Док бросил еще один взгляд на электронное табло через прозрачную стену и пробубнил себе под нос:

– Да, если эта девушка будет сидеть рядом с ним все время, то через неделю или две он сможет вернуться к работе. С вашего разрешения.

Высокий сутулый цварг в белом халате отклонялся, а Себастьян еще несколько минут стоял у палаты и смотрел на мигающие огоньки. Судя по фотографии господина Кианза на школьной доске преподавателей, учитель пребывал в самом расцвете сил.

– Вот так, имеешь улучшенную регенерацию тканей, умеешь считывать эмоции из воздуха, а погубить тебя может неудачная привязка... – со вздохом пробормотал Касс.

Он уже хотел уйти, как взгляд вновь натолкнулся на совсем юную цваргиню.

«Может, зайти? Поддержать?»

Себастьян не знал Кианза лично и уже планировал возвращаться в истребитель, как сидящая у капсулы посетительница повернула голову и посмотрела на него в упор. По идее, стена была прозрачной лишь со

стороны коридора, и цваргиня не могла его видеть, но у профессора астробиологии прошли мурашки по коже от пронзительного темного взгляда незнакомки. Он сам не понял, как поднес ладонь к сканеру на двери и зашел в палату.

– Здравствуйте, – произнес Себастьян. – Я...

Он собирался произнести словосочетание «коллега господина Кианза», но цваргиня его опередила:

– Преподаватель.

Касс рассеянно кивнул:

– Почти. А как вы догадались?

Белла пожала плечами.

– Если б вы были дальним родственником, я бы знала, да и Кианз почти ни с кем не общался. Больше всего он любил работу. – Она грустно улыбнулась, прикрыв глаза, сделала паузу и добавила: – Но на молодого родителя школьника вы не очень-то похожи.

Себастьян криво усмехнулся. Несмотря на закон, который предписывал цваргиням к пятидесяти годам обязательно выйти замуж, согласно статистике, дети в семьях чаще появляются, когда супругу уже было сто, а то и сто пятьдесят. С точки зрения расы Себастьян – сопливый юнец. К тридцати пяти еще не у всех полностью развиваются резонаторы.

– Я не знала, – неожиданно сказала девушка и вскинула еще один полный вызова взгляд на Касса. – Честное слово, он никогда не говорил, что я вошла в его ближний круг! Если бы я знала, то, разумеется, никогда бы не полетела с мужем так далеко на отдых...

– Да я ничего и не говорил, – запротестовал Себастьян, вскидывая руки.

– Но подумали. – Она прищурилась. – Ведь думали, да?

Касс набрал воздуха в грудь, чтобы возразить, но замер. А ведь он действительно осудил Беллу в первый момент.

– Подумали, – на этот раз утвердительно произнесла цваргиня и отвернулась, пряча слезы. – Кианз много для меня значит, но я никогда не догадывалась, что я для него – всё. Вселенная, да я же чуть убийцей не стала! Вы бы знали, как я отвратительно себя чувствую!

Она осеклась и вскинула взгляд на гостя, медленно обвела взглядом мощные витые рога, начинающиеся у висков и стремящиеся ввысь.

– А вы и знаете, – выдохнула Белла и отвернулась.

Себастьян смущенно посмотрел на острые носки собственных ботинок.

– Да, от вас исходят достаточно сильные эманации вины, – подтвердил он.

– Зачем он ко мне привязался?! – совершенно невпопад воскликнула девушка, вновь глядя на медицинскую капсулу.

– Мы не властны над своими чувствами, – протянул Касс, думая не столько о Кианзе, сколько об Орианн.

Как много у них осталось времени на двоих? Захочет ли она поехать с ним на Юнисию? Или вежливо поблагодарит, когда он выбьет для нее развод, но откажется в дальнейшем иметь что-то общее? Она обратилась к нему за помощью, но ведь у нее есть Ланс и Лотт, они втроем уже сами по себе полноценная семья.

– Существуют же разные практики... можно было проводить со мной меньше времени, а он вместо этого по вечерам предлагал сыграть в блэк-джек! А ведь Кианз понимал, что рано или поздно я выйду замуж и уеду. – Она снова шмыгнула носом. – Доки сказали, что приступы бета-недостаточности не проходят бесследно.

«Очевидно, он не хотел разрывать привязку, когда она начала формироваться», – подумал Касс про себя, но на этот раз промолчал.

– Доки объяснили, что если бы у него была жена или дети, все было бы проще... Если бы только существовал способ это узнать наверняка, проверить, – тем временем вновь принялась всхлипывать Цваргиня и обратилась уже к капсуле, под стеклом которой виднелись лишь клубящийся туман и рога: – Дядя, ну почему ты мне не сказал?! Я бы осталась на Цварге...

Внезапная смутная догадка пригвоздила Касса к месту.

– Леди Белла, а как долго вас не было?

Она бросила на него рассеянный взгляд.

– Сложно сказать, я же в космосе была, дни не считала. Примерно неделю туда, три дня там и неделю обратно.

«То есть меньше трех недель, но у бедняги начался вначале острый приступ бета-недостаточности, затем и вовсе кома...»

Сложная неповоротливая мысль крутилась в голове тяжелым груженным крейсером, но никак не хотела оформляться во что-то четкое. Коммуникатор провибрировал на запястье, напоминая, что

меньше чем через полчаса ему надо быть на занятиях. Себастьян попрощался с Беллой, пожелал скорейшего выздоровления ее дяде и рванул в школу.

Профессор Касс выбрал верхний скоростной ряд на аэротрассе и набрал Софоса прямо из истребителя. Транспорт ощутимо потряхивало, шквалистый ливень сменился на унылые бесконечные серые нити дождя, вести истребитель в атмосфере было сложно, но Себастьян не хотел откладывать разговор в долгий ящик.

– Да? – Перед лобовым иллюминатором возникло заспанное лицо брата отца. – Себастьян, ты, что ли, уже покинул Цварг и звонишь попрощаться?

– Нет, я пока еще в пределах орбиты, но переехал из поместья.

Себастьян добавил скорости, опередил плетущийся тяжеловоз с цистернами горной воды. Обычно такие занимали нижние ряды, но сейчас там толпились громоздкие аэрокraftы, обслуживающие канализационные системы. Закончив маневр, он сразу же задал интересующий вопрос:

– Софос, а у тебя есть привязка к Филиции?

Гражданская жена дяди являлась чистокровной эльтонийкой и вполне могла забеременеть без привязки дяди к ней... Занимаясь вопросом рождаемости, Себастьян всегда в первую очередь концентрировался на чистокровных парах цварг-цваргиня, но теперь же ему вдруг стало необходимо знать ответ.

Как и ожидалось, Софос нахмурился. Для любого цварга вопросы о ближнем круге считались далеко не самыми приличными.

– Тебе зачем это знать? Опять для своих экспериментов?

– Соф, это важно... От твоего ответа многое зависит. Пожалуйста, скажи, у тебя есть к ней привязка?

«У Софоса и Филиции две дочери. Согласно моей теории, гражданская жена дяди должна входить в ближний круг».

– Да, есть, – со вздохом ответила голограмма. – Но для нее это не играет никакой роли. Она даже вникать не хочет, что такое резонаторы и почему мы, цварги, можем испытывать бета-голод при недостатке эмоций конкретных гуманоидов.

– Ага, – ответил Себастьян, лихо вырубивая на кратчайшую дорогу до школы и одновременно сверяясь со временем на

коммуникаторе. – А как ты обходишь это дело? Она ведь живет на Эльтоне, а ты – на Цварге.

Софос недовольно что-то пробурчал себе под нос, нечто среднее между «как-как, а никак» и «шварх, еще попроси рассказать, откуда дети появляются». Он совершенно точно чувствовал себя не в своей тарелке, а потому Себастьян надавил:

– Мне это действительно важно.

– Ладно, – сдался Софос. – У меня широкий ближний круг. Твои дед и ба, конечно же, в него входят, Стефан... мы все-таки близнецы, это особая связь, я его бета-колебания за версту учую. Ну и ты, шалопай хвостатый, тоже там... И Север. Еще достаточно сильно меня заряжают встречи с Авророй и Амелией. Филиция не против, чтобы я проводил с девочками время... В конце концов, до Эльтона, как и до Тур-Рина, – рукой подать, как-то так кручусь-верчусь, хватает. Понятное дело, что после того, как увижусь с Филицией, некоторое время жестко ломает, организм полностью настраивается на ее эмоции, но при должном терпении, концентрации и некоторых упражнениях все входит в привычное русло. – Он помолчал и, прищурившись, с подозрением уточнил: – Надеюсь, ты спрашиваешь не потому, что привязался к этой замужней красотке и думаешь, как теперь жить на две планеты: Цварг и трясучий шарик на задворках Федерации?

Себастьян проигнорировал вопрос: зачем отвечать на очевидное? Выкручивая штурвал в опасном вираже и обгоняя еще парочку снего- и водоборочных машин, он пробормотал:

– Спасибо за честный ответ. Слушай, а ты не подскажешь телефон хорошего детективного агентства?

– Себастьян, черная дыра поглотит! Ты во что вляпался?!

– Пока ни во что, – ухмыльнулся Касс. – Так пришьлешь?

– Спрошу Стефана и скину.

Касс-младший удовлетворенно кивнул и разорвал связь. Он уже опаздывал на урок, но у него наконец-то сложился план, как добиться развода для Орианн.

Слова дяди так и крутились в голове: «При должном терпении, концентрации и некоторых упражнениях все входит в привычное русло».

А что, если у Мориса давно нет никакой привязки к жене? Что, если Орианн была в его ближнем круге первое время, но потом

незаметно оттуда вышла?

Глава 13

Псевдопохищение и бюрократия

Орианн Мэрриш

– Раз, два, три... Я прокладываю три аэротуннеля и строю космопорт!

Ланс довольно хлопнул в ладоши и принялся отсчитывать пластиковые фишки, а Лотт выхватил кубики у брата и с азартом кинул на стол.

– Я сейчас тоже что-нибудь построю... Я... я... – Кубики выпали тройкой и единицей. – Шварх! И что мне с этим делать? – Он уныло посмотрел на игральную доску, подвинул фигурку на четыре клетки, а затем вдруг засиял: – О! Придумал, я разработаю муассанитовую шахту!

Мы весь вечер играли в «Колонизацию планет». Близнецы вначале синхронно нахмурились и заявили: «Настолки – это постарперски и совсем не весело», но прошло буквально полчаса, как Себастьян умудрился заинтересовать детей не на шутку.

– Так, а теперь ход Себастьяна!

Я боялась, что дети не захотят лететь сюда, будут требовать вернуть их в поместье или устроят бедлам, но мужчина откуда-то достал эту игру, и сыновья сделались шелковыми. Обращение «профессор Касс» за вечер удивительным образом трансформировалось в «Себастьяна». Я лишь изумленно качала головой, видя, как легко цварг завоевывает и переключает внимание мальчишек.

Мужчина кинул кости: шесть и шесть.

– У-у-у, Себастьян выиграл на этот раз, а мне ведь совсем чуть-чуть оставалось, – душераздирающе вздохнул Ланс.

Ему очень хотелось выиграть, но фортуна была не на его стороне.

– Может, еще одну партию? – спросил Лотт, но при этом оглушительно зевнул.

Я встrepенулась и посмотрела на коммуникатор.

– Ох! Так, быстро чистить зубы и спать...

– Ну ма-а-а-м! – хором заныли дети. – Ну пожа-а-а-луйста...

– Ваша мама права, – мягко вмешался Себастьян, собирая фишки и карточки. – Завтра кому-то рано вставать в школу. Давайте собирайтесь, а после уроков или мы снова поиграем в «Колонизацию планет», или я придумаю занятие поинтереснее.

– Поинтереснее? – недоверчиво фыркнул Лотт. – У тебя же здесь нет голографической 5D-приставки. Кроме стремных вытянутых посуды и не менее жутких железяк, в этой квартире вообще ничего нет.

– Лотт! – ошеломленно вскрикнула я.

Изумляло не только то, что сын назвал пробирки и научные приборы неподходящими словами, но и потому, что близнецы, похоже, устроили несанкционированный обыск в кабинете Себастьяна.

– Ничего страшного, – улыбнулся цварг и перевел взгляд на детей: – Зато здесь рядом есть антигравитационный парк с полосой препятствий. Бывали в таком? – Он заговорщически подмигнул и, увидев вытянувшиеся от удивления лица мальчишек, добавил: – Все, а теперь быстро спать. Ваша мама постелила вам...

Он выразительно приподнял бровь, безмолвно спрашивая, где я хочу, чтобы ночевали дети. Я спохватилась:

– Правую спальню. Там большая кровать и новые пижамы лежат на подушках.

В этой комнате я оставалась прошедшей ночью. Как мы с Себастьяном будем делить оставшуюся спальню и гостиную, я не знала, но если надо, то и на диване посплю. Пускай дети чувствуют себя комфортно, им это сейчас важнее: и так место совершенно незнакомое и привычных игрушек нет.

Когда Ланс и Лотт с шумом поднялись, споря, кто из них будет сегодня спать слева, а кто справа, я перевела дух.

– Спасибо, Себастьян. Даже не представляю, чего вам стоит терпеть в холостяцкой квартире мою мелочь. Они такие активные!..

– Да ничего не стоит. – Мужчина обворожительно улыбнулся. – Когда я был подростком, к нам на соседний остров переселилась молодая пара с Цварга – Льерт и его беременная жена Селеста. У них разом появилось три девочки, им время от времени требовалась помощь. Потом мама родила сестер одну за другой – всегда было шумно. Ну а как начал преподавать в Академии, так, считай, только с детьми и общаюсь. Кадеты порой ведут себя словно младшеклассники.

Я недоверчиво усмехнулась и покачала головой:

– Хорошую вы игру нашли. Давно не видела Ланса и Лотта такими смирными и чем-то поглощенными.

– Конкретно эта досталась мне от отца, он играл в нее с братьями еще в детстве, когда случались перебои с электричеством. Отец однажды сказал, что эта стратегия привила ему любовь к логическому мышлению и заложила основы финансовой грамотности. – Себастьян расфасовал цветные монетки по мешочкам. – Чтобы построить космопорт, нужно предварительно построить обычный порт. Чтобы проложить аэротуннель, нужны аэротрассы, а до них требуется изобрести летающий транспорт, на который, в свою очередь, необходимы ресурсы, время и деньги. Ресурсы, кстати, как и в жизни, бывают ограниченными, и можно играть по правилам, когда игроки должны договариваться друг с другом и обменивать их. Развивает коммерческое мышление. Дети проще всего усваивают информацию в игровой форме.

– Я очень удивилась, когда узнала, что вы профессор, да еще и такой сложной дисциплины, как астробиология и межгалактическая генетика... – Я замаялась, не зная, не воспримет ли мужчина следующие слова как неприкрытую лесть, но все же рискнула озвучить то, что думала: – Если вы преподаете хотя бы на десятую долю так же интересно, как было сегодня Лансу и Лотту, то я уверена, что на ваших занятиях нет ни единого свободного места.

Цварг вновь ослепительно улыбнулся, закрыл коробку и поставил на полку стеллажа. Когда Себастьян повернулся, он внимательно посмотрел на меня и вдруг попросил серьезно:

– Орианн, может, перейдем на ты?

Я растерялась. Со мной на ты? У меня даже высшего образования нет...

– Все-таки мы практически ровесники, сейчас живем в одной квартире, а Ланс и Лотт зовут меня по имени. Это было бы удобнее, – продолжал давить аргументами этот синеглазый искуситель.

– Давайте... то есть давай.

Касс хотел сказать что-то еще, но в этот момент у него провибрировал коммуникатор.

Себастьян Касс

Себастьян всегда знал, что у дядей весьма завуалированное чувство юмора, но, когда прочел сообщение «Труп мужа этой красотки спрятать было бы легче», задумался, что бы это могло значить.

«Не понял», – набрал он быстрый ответ.

Ему тут же прилетело: «Новости посмотри».

Не успел Себастьян сообразить, в какой из спален установлен телевизор, как озадаченный Ланс вышел из комнаты. У него уже практически зажила нога, но он все еще иногда прихрамывал, а потому цварг с легкостью отличал близнецов.

– Ма-а-ам, – протянул мальчик и бросил на мужчину опасливый взгляд.

– Да, дорогой? Что случилось? Пижама с братом не поделили или зубные капли не нашли? – отреагировала Орианн с мягкой улыбкой.

Будучи женщиной, она не могла почувствовать разлившейся в воздухе острой тревоги Ланса, в то время как Себастьян уже по коротким, но ярким бета-колебаниям понял, что стряслось что-то серьезное. Ланс явно сомневался, стоит ли общаться с мамой при свидетеле. Чтобы не смущать ребенка, Себастьян быстрым шагом переместился в спальню, где с пультом перед телевизором замер бледный Лотт.

– В северном полушарии аномальные дожди. Из криминальных новостей... Господин Морис Мэрриш сообщил о пропаже жены. Их дети – Ланс и Лотт Мэрриш – сегодня были в школе, но домой не вернулись. Немногочисленные очевидцы видели, как исполняющий временные обязанности учителя младших классов Себастьян Касс сажал их в истребитель. Господин Мэрриш предполагает, что этот же мужчина похитил его жену Ориеллу и удерживает всю его семью силой в неизвестном месте. Сейчас Системная Полиция проверяет вылеты за орбиту планеты...

Остаток новостей Себастьян не расслышал из-за громкого стога Орианн, которая тоже оказалась в спальне.

– Мам, а почему дядя в телевизоре говорит, будто Себастьян нас удерживает силой? – Лотт моргнул и оторвался от экрана. – Это же неправда, да?

От обоих детей исходили эманации тревоги, и профессор Касс рассудил, что лучшее, что он может сделать, – выйти из комнаты,

чтобы дети могли поговорить с матерью наедине. Как только он вернулся в гостиную, чуткий слух уловил:

– Ланс, Лотт, конечно же, это неправда! У нас с вашим папой вышло небольшое разногласие, он, видимо, не так понял сообщение, что мы некоторое время проживем отдельно от него. Сейчас мы в гостях у Себастьяна. Разве вам сегодня плохо было?

– Да нет, «Колонизация» оказалась интересной, – пробормотал Ланс.

– И пицца с ананасами – вкусной, – добавил Лотт. – Не думаю, что если бы нас похитили, то так здорово бы кормили...

Орианн сказала еще что-то сыновьям, ее ласковый голос даже сквозь закрытую дверь звучал словно горный ручей. Себастьян облегченно вздохнул, отошел от спальни подальше и набрал сообщение Стефану:

«У вас все в порядке?»

«Да, конечно! Наряд Системной Полиции оцепил участок, они хотели прорваться внутрь здания, так как отчего-то были уверены, что наш страшный племянник держит здесь связанными беззащитную женщину и двух детей. Но ты же знаешь деда! Сильвестр поставил всех на место одним своим грозным видом и потребовал без ордера на обыск не возвращаться. Себастьян, где бы ты сейчас ни был, имей в виду: два-три дня в запасе у тебя есть, но как только они поймут, что наводка на родовое поместье Кассов – ерунда, они станут проверять все твое движимое и недвижимое имущество. Так как, помощь точно не нужна?»

«Спасибо, справлюсь».

Только Себастьян закончил набирать ответное сообщение, как из спальни, временно переоборудованной в детскую, вышла слегка бледная Орианн.

– Уложила, – прошептала она и закрыла дверь. – Прости меня, Себастьян. Прости, я так виновата!

* * *

Орианн Мэрриш

Меня потряхивало от злости. Вот же скотина Морис! Решил, раз до меня дотянуться не может, то подставит Касса?!

– Прости меня, Себастьян. Прости, я так виновата! Я написала Морису, что со мной все в порядке, но домой не вернусь, честное слово! Он, видимо, решил играть грязно!

Я потянулась к коммуникатору, чтобы продемонстрировать переписку с мужем, где даже про детей упомянула, но Себастьян опередил. Он остановил меня, положив руку на предплечье.

– Все в порядке, Орианн, я тебе верю. Ты не виновата. – Он задумался и добавил: – Но с твоим разводом надо что-то срочно делать... Признаться, я рассчитывал, что у меня будет хотя бы месяц в запасе, но если нет, значит, нет. Ты уже подала заявление?

Я не стала уточнять, что именно хотел успеть сделать Себастьян за месяц, лишь отрицательно покачала головой.

– Весь день искала работу и так закопалась с делами, что не заметила, как пролетело время. Для меня сейчас в приоритете поскорее получить стабильный источник дохода, а развод я отложила на потом. Все равно шансы, что его дадут, ничтожно малы.

– Работа – это важно, Орианн, но развод все-таки важнее, – возразил Себастьян. – И раз Морис позволяет себе такое... – он неопределенно повел рукой в воздухе, – это означает, что ты должна заняться разводом в первую очередь. Причем, думаю, электронное заявление, ввиду сложившихся обстоятельств, теперь не очень подойдет. Будь добра, встань завтра пораньше. После того как отвезем детей в школу, слетаем в канцелярию Планетарной Лаборатории, а потом в соответствующий отдел при Аппарате Управления Цваргом. Ты должна появиться там лично и показать, что на тебя никто не давит и это твое собственное решение.

Я вздохнула и согласно кивнула: после того, сколько хлопот я доставила этому милому и во всех смыслах замечательному цваргу, это меньшее, что я могла сделать для него. В душе я была не согласна с юношеским максимализмом Себастьяна. Да, конечно, развод – это прекрасно, но мечты на то и мечты, что они неисполнимы. Надо быть реалистом. Если у меня будет работа и стабильный источник заработка, а следовательно, собственное жилье и охрана, то со статусом жены Мориса можно будет примириться.

Орианн Мэрриш

Я высоко оценила план Касса вначале появиться в Планетарной Лаборатории и лишь затем – в Аппарате Управления Цваргом. Я думала, что сгорю со стыда, когда в первом заведении меня внимательно осмотрели и заявили, что по базе Системной Полиции я числюсь недееспособной как жертва похищения и жестокого обращения.

– И поэтому вы не можете подать заявление на развод. Ах да, вы еще находитесь в розыске, – кашлянул пожилой цварг, покосившись на Себастьяна.

– Что? – только и выговорила я. – Но вот же я. Меня никто не похищал... Дайте написать заявление!

К счастью, Себастьян оказался более подготовленным. Он невозмутимо безукоризненно-вежливо обратился к служащему:

– Уважаемый господин де Лостер, – фамилия была напечатана на бейджике, – именно потому, что все это – недоразумение, мы сразу же прибыли в вашу организацию, как только услышали новости. Уверяю, я ни в коем случае не перемещал госпожу Мэрриш без ее предварительного согласия. У вас же здесь лаборатория, то есть должны быть сотрудники с развитыми резонаторами, которые могут провести диагностику состояния госпожи и выдать постановление о ее вменяемости. Кстати говоря, я и есть тот самый цварг Себастьян Касс, которого обвиняют в преступлении. Профессор астробиологии и межгалактической генетики. К вашим услугам.

То ли де Лостер оценил тактичный ход Касса, то ли для пожилого цварга немалое значение имело профессорское звание моего друга, но вместо того чтобы кидаться к коммуникатору и вызывать Системную Полицию, он пожевал губу и все же согласился на ментальный осмотр «жертвы».

– Ладно, сейчас кого-нибудь позову для составления протокола, – вздохнул сотрудник канцелярии.

Де Лостер вызвал троих лаборантов, которые попросили встать меня в центр комнаты, а сами расположились по кругу и долго-долго на меня смотрели... Так долго, что я почувствовала, как затекли ноги и заломило поясницу.

– Хм-м-м... Налицо нервное напряжение и хроническая усталость. – Один из не посвященных в вопрос моей вменяемости лаборантов метнул недовольный взгляд в Себастьяна. – Вам бы лучше заботиться о вашей женщине.

Я хотела возразить, что я не женщина Себастьяна, но сам Касс неожиданно промолчал, как и де Лостер, уже видевший мои документы и фамилию.

– Учту, спасибо. Это все?

– Все, – кивком подтвердили осмотр два других лаборанта. – Цваргине необходимо больше отдыхать и спать.

Де Лостер коротким жестом отпустил цваргов. Как только последний вышел из кабинета, Касс тут же заговорил:

– Ни один из них не заметил следов вмешательства в личный бета-фон и внушений. О недееспособности тоже речь не шла. Как я уже говорил ранее, госпожа Мэрриш устала от брака и захотела развеяться, только и всего. Никакого похищения не было.

Пожилой цварг издал непонятный звук, но после составления протокола лаборантов принялся переносить данные в компьютер. Вначале он перебил информацию по освидетельствованию ментального осмотра, затем разблокировал доступ к составлению заявлений, внес необходимые данные и передал дело помощникам. На меня посыпались вопросы:

– Госпожа Мэрриш, а вы уверены-уверены, что это ваше желание – развестись с супругом?

– Вы понимаете, что далеко не всем парам дают развод?

– Погодите, но по базе у вас двое детей с господином Мэрришем. Вы точно хотите подать на расторжение брака?!

Я терпеливо отвечала на все вопросы «да». Пожалуй, одним из самых ошеломляющих вопросов был:

– А почему вы хотите развестись?

Я ответила правду:

– Потому что разлюбила.

Цварг фыркнул:

– Ну и что тут такого? Можно подумать, что те, кто женится, всегда влюблены в женщин. Нет, конечно. Просто совместимая пара, исходя из расчетов Лаборатории, да и время подходит. Лучше бы о

детях подумали! Какой дурной пример вы им подаете? Как мальчики будут расти без отца?!

Я растерялась, зато Себастьян вовремя пришел на помощь:

– Она подает детям замечательный пример, что надо быть честным с тем, кто тебе важен, и в первую очередь с самим собой. На планете много цваргов, а резонаторами учат пользоваться даже в школах, у них все получится. Гораздо важнее, чтобы дети видели свою маму счастливой, а для этого госпоже Мэрриш требуется разорвать текущие отношения. Если же сыновья научатся улавливать эмоции матери и поймут, что семья, в которую они верили годами, – фальшь, это нанесет куда более серьезный удар по их психике, чем развод родителей.

Сотрудник канцелярии бросил удивленный взгляд на Касса и просветлел:

– А-а-а, так вы хотите жениться на этой очаровательной леди и потому так ратуете за ее развод? Так бы сразу и сказали! Что ж, тогда все понятно. Судя по тому, какие у вас крупные рога, вы сможете всему научить мальчиков!

Я бросила извиняющийся взгляд на Себастьяна, а он в ответ сжал мою ладонь под столом.

«Все будет в порядке».

В Серебряном Доме все повторилось, с той только разницей, что у меня уже было на руках освидетельствование моего ментального здоровья.

Когда мы наконец-то вышли на улицу, я глубоко вдохнула влажный воздух и искренне обрадовалась накрапывающему дождю – все казалось приятнее, чем духота и подозрительно-постные физиономии госслужащих, которые так и выискивали причины, по которым мне можно отказать в подаче заявления.

– Ну что, за детьми и домой? – весело спросил Себастьян, как будто не он более шести часов подряд проходил со мной череду унижительных процедур и вопросов. – На какое число заседание, кстати, назначили?

– Через три недели. Да, полетели...

Себастьян что-то прикинул в уме и широко улыбнулся:

– О, через три недели – это же здорово!

Я лишь покачала головой, глядя на его энтузиазм. Сама я была настроена весьма скептически, но Касс вел себя так, будто бы уже выиграл дело... И это меня пугало. Хотелось довериться ему, и в то же время я боялась поверить в чудо.

Глава 14

Перед заседанием

Себастьян Касс

Дни летели словно птицы.

По утрам Себастьян отвозил близнецов в школу, а ближе к вечеру – забирал. Орианн активно искала работу, но пока, к ее сожалению, ничего не могла найти. Профессор астробиологии и межгалактической генетики преимущественно занимался исследованиями и научной работой. Вечера они вместе с детьми проводили за настольными играми, в иллюзионах или антигравитационных парках с препятствиями. На выходные отправились в океанариум, а на вторые – в парк программируемого конструктора.

После того как Орианн укладывала сыновей, у них сложилась традиция говорить о Юнисии. Она посетовала, что оставила подарок Себастьяна у Мориса, и хотела за ним вернуться, но Касс опередил ее, выписав еще одно устройство, в память которого закачал всю информацию, какую имел на руках.

Орианн как архитектора заинтересовал принцип строительства фундамента сооружений с расчетом на мелкие землетрясения. Слово за слово Себастьян рассказал ей о том, что знал касательно общежитий и корпусов Академии, а затем разговоры перетекли на особенности почвы планеты и сферу вокруг Соло, которая удерживала магнитные бури и солнечный ветер.

Детективное агентство, которое порекомендовал Стефан, ежедневно докладывало Себастьяну о перемещениях Мориса Мэрриша и высылало снимки. Касс отдавал себе отчет, что установленная слежка – далеко не самая легальная вещь, но это должно было помочь ему получить развод для Орианн на тех условиях, которых хотел добиться он. В душе цварг лелеял мечту о том, что после всего желанная женщина переедет вместе с детьми на Юнисию.

На следующий день после посещения Планетарной Лаборатории и Серебряного Дома господин Мэрриш прислал жене сообщение, в котором в ультимативной форме потребовал, чтобы она с детьми

вернулась домой. Еще через два дня, когда, очевидно, ему пришло приглашение на заседание в АУП, Морис записал пятиминутную аудиозапись с подробным и не очень культурным разъяснением, как сильно ошибается Орианн, что все это затеяла. «Не дури», «ты ничего не добьешься», «отзови заявление и перестань позориться» – были самыми приличными фразами в пятиминутке. Наконец, еще через сутки господин Мэрриш решил связаться по голосовязи с женой и начал разговор с извинений. Он раскаивался в том, что был невнимателен в последние годы, и предлагал начать все сначала, признавался в любви и говорил многое-многое другое. Себастьян работал в своем кабинете за закрытой дверью, когда Морис связался с супругой, но все равно услышал разговор.

– Дорогая, пойми же! Мы семья, у нас есть дети. Я все ради тебя сделаю, я люблю тебя. Как я могу это тебе доказать? Ну хочешь, я продам всю свою одежду, а на эти деньги мы оплатим учебу в архитектурном колледже?

Себастьян напрягся, потому что ему показалось, что Орианн колеблется. Она что-то ответила мужу так тихо, что было не разобрать.

Через минуту Касс вышел из кабинета, и его легкие до отказа наполнились сладко-горькими эмоциями цваргини. Она сидела на диване, до побелевших костяшек пальцев сжимала коммуникатор и невидящим взглядом смотрела в пространство перед собой.

– Ты правда сможешь мне развестись? – спросила женщина с блестящими от слез глазами.

– Приложу к этому все силы. Не могу тебе ничего обещать и рассказывать, на это есть причины, но надеюсь, что все получится.

– Спасибо.

По ментальному фону Касс почувствовал, что Орианн не поверила ему, но все равно улыбнулась. От ее взгляда у Себастьяна внутри все перевернулось вверх дном.

«Каким же должен был быть ее брак?»

Несколько секунд он смотрел на хрупкую и чуть сторбившуюся фигурку женщины в гостиной, а затем сел рядом на диван, взял за руку и произнес:

– Орианн. Ты не обязана поступать так, как хочет Морис. Даже если его аргументы кажутся тебе сейчас резонными, он идиот, что вообще...

Договорить Себастьян не успел. Внезапно, словно умирающая от голода дикая кошка, увидевшая мышь-полевку, Орианн повернулась к нему и заткнула рот поцелуем. Ее руки обвились вокруг его шеи, пальцы зарылись в волосы, она сама забралась к нему на колени как все та же ластящаяся кошка, отчаянно нуждающаяся в тепле, прикосновениях и восхищении... Об этом говорили ее судорожные жесты и всхлипы, об этом буквально кричали бета-колебания. Обжигающая волна желания прокатилась от резонаторов до самого кончика хвоста Касса, когда Орианн внезапно лизнула рог и одновременно запустила ладони ему в брюки.

У цварга скрутило внутренности, стоило подумать, что вот-вот произойдет. Даже в самых смелых сновидениях он не представлял, что все может случиться так скоро. Они спали в разных комнатах: цваргиня занимала вторую спальню, а Себастьян проводил ночи на диване, но это не отменяло того, что он постоянно чувствовал ее. Он хотел ее... Но одного тела ему совершенно точно было мало. Он хотел всю ее без остатка – мысли, душу, эмоции, привязанности, улыбки...

Все осложнялось тем, что у Орианн опыта в постельных делах явно было в разы больше, чем у молодого профессора астробиологии. Сдерживать себя с такой женщиной оказалось той еще пыткой. Бешеная пульсация в паху мешала связно мыслить, бета-колебания цваргини накладывались одно на другое – длинные и короткие, рваные и гармоничные, – сложно было определить, почему она это делает, но Себастьян набрался сил.

– Орианн-Орианн!.. – пробормотал он между поцелуями, пытаюсь затормозить женщину, чьи прикосновения сводили с ума похлеще, чем ее эмоции. – Ты не должна... так меня благодарить.

– Благодарить?! – Она отпрянула, а в глазах промелькнуло нечто, что Себастьян не смог распознать. – Ох, прости... я думала... неважно.

* * *

Орианн Мэрриш

Меня накрыло такой волной благодарности и смешанных чувств к Себастьяну, что все получилось само собой. А вдруг он улетит сразу после провала заседания и у нас не будет уже такого момента вдвоем?

Вдруг, даже если я в ближайшем будущем найду работу и поселюсь отдельно от Мориса, председатели АУЦ назначат мне персонального попечителя морального облика и репутации? Это Цварг, здесь и такое бывает. А если этот вечер – последний шанс попробовать близость с этим мужчиной?

Я потянулась к Себастьяну, рассчитывая, что его тянет ко мне не меньше, чем меня к нему, но слова «ты не должна так меня благодарить» подействовали как ушат холодной воды.

* * *

Себастьян Касс

Однажды Ланс и Лотт оказались сильно не в духе после школы и принялись настойчиво выпрашивать маму, почему они не возвращаются домой в предгорье.

– Мы с вашим отцом сейчас находимся в сложных отношениях и решаем возникшую проблему, – тщательно подбирая слова, ответила Орианн. – Он вас любит, ничего не изменилось, но я хочу пожить некоторое время отдельно от него.

Ланс нахмурился:

– То есть вы поссорились?

– Вроде того. Но повторюсь, с вами это никак не связано. Ваш папа вас очень любит.

Ланс понятиво вздохнул, зато вмешался Лотт:

– А папа обещал, что у нас будет сестричка. Как же она появится, если вы живете в разных местах?

По всплеску эмоций цваргини Себастьян понял, что Орианн требуется помощь. Он присел на корточки перед детьми и, убедившись, что они сосредоточили внимание на нем, сказал:

– Ваш папа не мог дать такого обещания. Дети – не игрушки, и их посылают высшие силы, когда двое очень сильно любят друг друга. Это понятно?

Близнецы растерянно переглянулись и неуверенно кивнули. Когда дверь в спальню-детскую за ними закрылась, Орианн облегченно выдохнула:

– Спасибо, Себастьян. Я не знаю, что бы делала без тебя.

Касс покачал рогатой головой:

– Морис пытается манипулировать тобой через детей. Чем раньше ты объяснишь сыновьям ситуацию как есть, без прикрас, тем лучше будет.

– Но как? – Орианн всплеснула руками. – Они, во-первых, еще совсем дети, а во-вторых, как говорить о том, что я запустила бракоразводный процесс с их отцом, но понятия не имею, чем все закончится? А если большинство членов АУЦ проголосует против? Как мне тогда все объяснять? Ты можешь представить, какой это стресс будет для них?! То папа с мамой разводятся, то передумали... Проще уже дождаться результатов заседания и по итогам рассказать детям все.

Себастьян вздохнул.

– Хорошо, поступай так, как считаешь правильным, но, чтобы отвлечь их и перевести мысли о сестре в другое русло, я подарю щенка. Это будет, кстати, еще отличной практикой, чтобы мальчики научились пользоваться резонаторами и определять, когда питомец хочет кушать и когда пора его выгуливать. Ты же не против?

Орианн была не против.

На следующий день они все вчетвером отправились в зоомагазин и приобрели очаровательного рыжего щенка с непропорционально толстыми лапами, пухлым брюшком и огромными черными глазами. Ланс и Лотт выбрали ему кличку Флаффи.

* * *

Себастьян Касс

До заседания АУЦ оставалось два дня. Себастьян просматривал отчет детективного агентства и делал пометки в блокнот. За прошедшие три недели Морис и работал, и пил, и закатывал вечеринку с друзьями, и даже был сфотографирован в пикантной ситуации с элитной ночной бабочкой на Тур-Рине. Касс отложил эти снимки, надеясь, что они не понадобятся на заседании, но, если Морис будет упорствовать, он покажет и их.

– Себастьян, я тут хотела тебе показать наброски.

Орианн принесла несколько листов электронной бумаги, на которых была изображена интересная конструкция из множества гибких труб.

– А что это? – заинтересовался профессор.

– Ты говорил, что на Юнисии проблемы с электроприборами. Я подумала, что на планете, где нет флаеров, вопрос перемещений между островами стоит весьма остро. Это схематичная транспортная сеть на основе пневмопочты. Капсула – кабина, куда садится гуманоид, а перемещение – за счет разницы в давлении. Аккумулятор насоса можно поместить в изолированный чехол. Здесь я накидала некоторые расчеты.

Цваргиня протянула флеш-карту.

Себастьян вставил накопитель в порт компьютера и пробежался взглядом по информации. Сам цварг, конечно, задумывался над тем, чем сможет заняться Орианн на Юнисии, но даже представить себе не мог, что ее фантазия дойдет до изобретения.

– Вау! Орианн, это просто нечто! Ректор Грешх-ан много лет ставит задачу кадетам придумать что-то помимо лодок и плотов-катамаранов, но до сих пор никто не предлагал ничего подобного! Будешь внедрять? – весело спросил он и осекся, посмотрев на лицо цваргини.

– Нет, Себастьян. – Она отрицательно покачала головой. – Я же в курсе, что учитель Кианз уже пришел в себя и вышел на работу. Ты вчера провел последнюю замену в школе и скоро улетишь. Я хотела это передать, чтобы отблагодарить... Хотя бы так.

В груди Касса сжалась пружина напряжения.

– погоди... Орианн, я думал... я надеялся, что ты захочешь со мной? Разве нет?

Она грустно усмехнулась.

– Себастьян, я не верю, что АУЦ одобрит развод с Морисом. Я пересмотрела в новостных листках все упоминания о разводах. – Тяжелый вздох. – Абсолютно везде мужья давали согласие. Вот в чем проблема. – Несколько секунд она помолчала, а затем улыбнулась и добавила: – Зато у меня есть отличная новость! Мне предложили работу с неплохим окладом.

Себастьян заторможенно кивнул.

– Но ты же ведь полетишь со мной, если тебе и детям разрешат покинуть Цварг?

Она снова покачала головой, но вслух сказала:

– Ладно.

В окно влетел жужжащий квадрокоптер-доставщик с маленькой посылкой. Обычно что-то для себя или детей заказывала Орианн, и такие доставщики по несколько раз в день сновали туда-сюда, а потому Себастьян не придавал событию значения, уйдя с головой в работу. Лишь тогда, когда его накрыло бета-колебаниями замешательства, граничащими почти со страхом, он оторвался от биохимического анализатора и посмотрел на посылку. К сожалению, он понял, что именно держала Орианн в руках, слишком поздно.

– Себастьян, что это?

Она подняла на мужчину полный изумления взгляд, держа двумя пальцами классическое помолвочное кольцо, единственным нетипичным изъяном или изюминкой которого – тут как посмотреть – являлся черный муассанит. Эти драгоценные камни добывались только на Цварге, и одна из шахт принадлежала роду Кассов. Отец Себастьяна Север Касс когда-то эмпирическим путем выяснил, что камни такого оттенка могут служить своего рода защитой, если цварг пытается использовать на жертве внушение посредством бета-волн. Он рассказал об этом сыну.

Когда Себастьян узнал о свойствах черного муассанита, он дал себе слово, что подарит будущей жене кольцо именно с этим драгоценным камнем. Понятное дело, что на Юнисии нет ни муассанитов, ни ювелирных мастерских, а потому Касс-младший заказал украшение заранее, чтобы, когда между ними с Орианн наладятся хорошие отношения и он почувствует, что может сделать предложение, у него было это кольцо. Когда Себастьян заказывал кольцо, он рассчитывал, что его привезут уже на Юнисию месяца через два или три. Ему и в страшном сне не могло присниться, что ювелиры захотят выслужиться перед младшим Кассом и закончат работу в столь сжатый срок.

– Себастьян, как это понимать? – Ц, варгиня вновь обратилась к хозяину квартиры, посмотрев на него огромными влажными глазами. В гостиной разлилась такая тревога, что тут даже самый бесчувственный цварг понял бы, что кольцо ее не просто

разволновало, а испугало. – У тебя девушка на примете есть, да? Это же для невесты?

К сожалению, вместе с последним вопросом в сиреневых эмоциях Орианн Себастьян ощутил ноту надежды.

«Шва-а-арх».

– Нет, Орианн. Это для тебя.

– Для меня?!

Руки цваргини задрожали, кольцо выпало из ее пальцев прямо на пол, а удивление, страх и недоверие в ментальном фоне зазвучали паникой. Прежде чем она успела наговорить ему все что думает, Себастьян выкрикнул:

– погоди-погоди, не отказывайся так сразу! – Карие глаза уставились на него. В них буквально читалось «а я тебе доверяла!», потому Себастьян шумно сглотнул слюну и соврал: – Это не по-настоящему, понимаешь? Я тут подумал, что если все будут считать, что я сделал тебе предложение, то это выйдет тебе на руку. Сама посуди, Аппарат Управления Цваргом охотнее даст развод, если будет понимать, что у Ланса и Лотта будет отец-цварг. Так? Так! К тому же я с легкостью смогу достать для тебя визу на правах жениха. А еще я хотел попросить разрешения выступить твоим защитником на заседании, но так как у меня нет удостоверения адвоката, единственной причиной, по которой АУЦ, разрешит это, – будущая возможная связь...

Пока Себастьян нес всю эту чушь, которая пришла в голову, страх Орианн улетучивался, а в глазах проступало понимание. Его слова словно колыбельная убаюкивали ее главный страх вновь оказаться зависимой от мужчины. В какой-то момент она кивнула, нагнулась и все еще подрагивающими пальцами подняла украшение с пола.

– Ох, прости, Себастьян, я себе такого надумала, – произнесла она облегченно и уже куда как более благосклонно посмотрела на кольцо. – То есть это просто для того, чтобы у меня было больше шансов развестись с Морисом? Я... – она шумно сглотнула и покраснела, – могла бы заняться с тобой любовью. Ты мне очень нравишься, Себастьян, но это все, что я могу предложить. Если мне одобряют развод, я никогда не выйду замуж. Ты же это понимаешь?

– Да, – подтвердил Себастьян, чувствуя гадкий привкус лжи во рту. – Все верно. Это просто фикция.

– Ах, тогда ладно. Спасибо. – Орианн кивнула и надела кольцо на безымянный палец. – А камень, кстати, почему черный? – Секунду или две Себастьян молчал, не зная, что ответить, но цваргиня продолжила: – Потому что он дешевле, да?

И Касс вновь повторил омертвевшим языком:

– Да.

Глава 15

Заседание АУЦ

Орианн Мэрриш

С самого утра все пошло наперекосяк, словно чувствуя мое настроение... Хотя почему «словно»? Наверняка от меня фонило тревогой так, что даже восьмилетки чувствовали – дети начали буянить. Ланс вдруг не захотел надевать школьную форму, Лотт же опрокинул на себя чай. Дальше – больше: близнецы заладили, что плохо себя чувствуют, и принялись активно кашлять. Я перепугалась: шутка ли? Дети-цварги чем-то заболели! Себастьян фыркнул, демонстративно взял кровь из пальца у обоих симулянтов и сунул в биохимический анализатор, который тут же показал, что Ланс и Лотт здоровы как никогда.

– Ну ма-а-а-м, как мы можем учиться, когда ты так нервничаешь?

– Вы с папой сегодня встречаетесь, да?

– А почему нам нельзя?

Я вздохнула, присела на корточки, поправляя одежду на сыновьях, и объяснила:

– Да, сегодня важный день. Мы с папой... решаем нашу проблему. Она такая серьезная, что надо будет посоветоваться с дядями.

– Неужели незнакомые дяди вам с папой важнее, чем мы?! – широко распахнув глаза, спросил Лотт.

Слово за слово, близнецы заставили взять их с собой в Серебряный Дом... И Флаффи тоже – щенку же будет скучно в одиночестве в квартире профессора Касса! Разумеется, в сам зал, где проходил бракоразводный процесс, детей и собаку никто не пустил – они остались ждать в одной из служебных комнаток с выходом на внутреннюю парковку. Охранники вошли в положение и пообещали, что присмотрят за моей оравой, пока будет проходить заседание.

Материнское сердце сжималось от беспокойства при мыслях, что могут выкинуть сорванцы.

– Орианн, постарайся взять себя в руки, – шепнул Касс на ухо, вырывая из размышлений о детях. – Сенаторы могут воспринять твое

волнение как признак того, что на самом деле ты не хочешь разводиться. Вон твой муж уже понял это именно так.

Я взглянула туда, куда Себастьян указал кивком, и внутри все похолодело: стильно одетый Морис довольно улыбался. Он как будто даже немного похудел за то время, пока мы не виделись: живот не выпирал над ремнем, а был скрыт отличным темно-коричневым двубортным пиджаком. Вкупе с начищенными и сверкающими лаковыми туфлями, шелковым шейным платком и запонками он выглядел... представительно. Даже очень. Весь вид буквально кричал: «Смотрите, какой я солидный деловой мужчина!»

Из-за капризов Ланса и Лотта мы чуть не опоздали, поэтому мысли были заняты всем чем угодно, но только не супругом. Сейчас же, стоило зайти в зал заседаний членов Аппарата Управления Планетой, как Морис поднялся с места и уверенной походкой направился в нашу сторону, демонстративно поправляя манжеты.

– Дорогая, как я рад тебя видеть! – воскликнул муж, широко разводя руки в стороны и намереваясь меня обнять на виду у множества свидетелей.

Я увидела мелькнувшую хитрую улыбку на лице цварга, что до этого стоял рядом с Морисом.

«Стало быть, его адвокат надоумил сорвать дело еще до начала слушания, – вспышкой пронеслось в голове. – Если члены АУЦ, увидят, что у нас все хорошо, то не захотят аннулировать брак».

Не успела я отреагировать, как Себастьян, которого Морис предпочел проигнорировать, вырос между нами словно скала.

– Господин Мэрриш, будьте так добры, вернитесь на место. Эта женщина не хочет ваших объятий, она подала на развод.

Вот теперь-то муженек «заметил» Себастьяна и демонстративно поморщился:

– Вообще-то она все еще моя жена.

– Напоминаю, что на Цварге у представительниц прекрасного пола принято спрашивать разрешение на прикосновения, – елейным тоном ответил Себастьян.

Я с трудом подавила усмешку, вспомнив, как профессор Касс поцеловал мою руку после завтрака в «А капелла», не спрашивая ни на что разрешения. Тогда я списала это на его происхождение с Юнисии и

незнание этикета Цварга, но выходит, Себастьян не так прост, как кажется.

Глупым Морис не был, иначе бы я не вышла за него замуж в свое время. Мгновенно оценив обстановку, он бросил взгляд на мое лицо, затем на руку с помолвочным кольцом с черным муассанитом и помрачнел.

– Это преждевременно, Ориелла, – бросил он. – Наш брак все еще существует, и этим, – кивок на мою руку, – ты лишь унижаешь себя.

К счастью, отвечать не пришлось. Электронный голос из динамиков под потолком огласил:

– Всем занять свои места, слушание по делу четы Мэрриш начинается!

В этот же момент двустворчатые двери, располагающиеся ближе к окнам, распахнулись, и в зал вошли цварги... Они были одеты в классические для планеты костюмы с лавальерами, украшенными декоративными золотыми элементами. Поверх молочно-белых рубашек часть из них носила удлиненные жилеты-мантии, а часть фривольно перебросила их через локоть. Мужчина с рогами поменьше и чуть посветлее – темно-серого, а не черного оттенка – просунул палец в петлицу и, насвистывая, гордо перебросил жилет через левое плечо. Кто-то шел по двое, кто-то по трое, кто-то в одиночку. Кто-то на ходу читал новостные листки, несколько членов АУЦ были поглощены информацией на коммуникаторах, а некоторые тихо переговаривались друг с другом. Я с трудом успевала считать вошедших и сбилась где-то на четвертом десятке. А еще мужчины, одетые в форму Планетарной Лаборатории, у дальнего окна, Морис и его консультант, я, Себастьян и четыре цварга на входе... Короче, в помещении стало... тесновато.

– Отлично, это будет короткое слушание в узком кругу, – чему-то обрадовался Касс.

Я нервно сглотнула и переспросила шепотом:

– Узком?!

– Ну да, – невозмутимо подтвердил мужчина. – Только пятьдесят пять сенаторов АУЦ, которые явно пришли после обеденного перерыва и пребывают в хорошем настроении, три лаборанта и охрана. Малый зал. Ни андроидов, ни квадрокоптеров с переносными камерами, ни представителей прессы... Похоже, господин Мэрриш очень сильно хотел, чтобы заявление на развод не предавалось огласке. Слушание

рядовое, время сенаторов ограничено, за час они должны принять решение. Во всем этом Морис не учел одного – чем меньше свидетелей, тем сенаторам морально проще будет пойти на уступки относительно закона, а объяснения для населения свалить на специалистов по связям с общественностью.

Я не разделяла настроения Себастьяна, но все равно вежливо улыбнулась и поправила подол строгого платья, которое купила специально для Серебряного Дома.

– Итак. – Цварг, вставший за центральную кафедру, откашлялся. Остальные члены АУЦ нехотя отвлеклись от дел и разговоров и посмотрели на главного. – Мы здесь собрались из-за заявления госпожи Ориеллы Мэрриш, в девичестве Орианн Ор'тэйл. Будучи гражданкой Цварга, эта женщина просит дать ей развод, основываясь на выполненном долге перед расой.

Сразу за этой фразой председатель совета зачитал вслух электронную бумагу, которую я узнала издали по собственному отпечатку ладони. Мужчина неопределенных лет озвучивал документ четко и громко, но от меня не укрылись скучающий тон и периодически блуждающий по помещению взгляд: цварг относится к этому делу как к очередной рутине. Закончив формальную часть, председатель обратился к моему мужу:

– Аппарат Управления лишь в исключительных случаях разрешает разводы из-за того, что раса находится на грани вымирания, а дети рождаются исчезающе редко. Так как в данном браке на свет все-таки появились чистокровные представители расы и будущие полноценные члены общества, мы готовы пойти на уступки, если оба супруга согласны с разводом. Господин Морис Мэрриш, вы поддерживаете желание госпожи Ориеллы Мэрриш?

Морис демонстративно шумно поднялся со своего места, улыбнулся раздражающе широкой улыбкой и произнес:

– Нет, сэр.

Густые брови председателя сошлись над переносицей, он потянулся к декоративному молоточку, которым обычно стучали по крошечной дощечке, прежде чем огласить очередное решение АУЦ.

«Что и требовалось доказать», – с тоской и горечью подумала я про себя, но в этот раз Себастьян Касс не менее шумно встал со своего стула, привлекая всеобщее внимание.

– Уважаемые господа! Прежде чем выносить окончательное решение, прошу обратить внимание на обязывающую силу прецедента. Семейным парам, – тут Себастьян ловко выудил из блокнота лист и зачитал вслух, – де Киран, Лау-ар-Лье, Нуаре, Эр Д’сьон, Лакруоз, де Милле и де Крифер расторжение брака было одобрено на основании выполненного долга перед расой. Дети госпожи Мэрриш являются не просто чистокровными цваргами, в перспективе у них будут сильные расовые способности по чтению бета-колебаний. Мальчикам только-только исполнилось восемь лет, но они уже начали учиться использовать резонаторы.

– Это все замечательно. – Председатель совета АУЦ бросил на Себастьяна снисходительный взгляд. – Но все эти браки распались, потому что оба супруга настаивали на аннулировании. И...

– И во всех этих браках имелся лишь один наследник, я проверил. АУЦ посчитало это достаточным, чтобы заявить, что долг перед расой выполнен, тогда как, говоря научным языком, генетический вклад в бессмертие каждого из супругов составил всего лишь ноль целых пять десятых генов. В данном же контексте мы имеем дело с коэффициентом единицы. Госпожа Мэрриш перевыполнила план, родив сразу двух детей, а следовательно, она имеет право на поправки.

Мужчины за кафедрами переглянулись.

– Но мы не учитывали количество детей для расторжения брака... – пробормотал один из них.

– Но это же нелогично! – Себастьян ловко крутанулся на каблуках и прошел в центр помещения. – Как я понимаю, ключевым фактором для принятия решения совета являлось именно наличие чистокровных детей. Если вам так важен факт наличия, то как же вы не учитываете их количество?!

– Да, но... если господин Мэрриш против, мы ничего не можем поделать, – вновь взял слово председатель. – А вы, собственно?..

Повисла крошечная пауза.

– Себастьян Касс, профессор астробиологии и межгалактической генетики.

«К чему все эти сложности? Чего он добивается?» – подумала я про себя, с изумлением наблюдая за происходящим.

– Ах, профессор генетики...

Краем глаза я уловила, как Морис о чем-то яростно перешептывается со своим юрисконсультom. В конце концов муж мотнул головой и, явно нервничая, поднялся с места.

– Я прошу прощения, сэр, но разве этот... – он напрягся, пытаюсь вспомнить термин, которым оперировал Себастьян, – вклад в бессмертие... он что-то значит? Жена вошла в мой ближний круг, а потому я ни за что не дам согласия на расторжение брака. Господа, – он развел руками, – вы же цварги, вы все прекрасно понимаете.

По тому, как победно сверкнули синие глаза Себастьяна, я уловила, что именно этого он и добивался: вынудить Мориса признаться в ближнем круге! Но в чем разница с его первым «нет, сэр»?

– Конечно значит! Аппарат Управления разрабатывает законы на основании пользы для расы, и не учитывать этот момент было бы глупо. Каждый ребенок наследует ровно половину хромосом от обоих родителей. Больше детей – больше генов конкретной особи в генофонде, – сообщил Себастьян тоном лектора, заставив членов АУЦ задуматься, и как ни в чем не бывало уточнил у моего супруга: – Значит, вы очень сильно любите жену?

– Да!

Ответ Мэрриша прозвучал с неприкрытым вызовом.

– Вы, наверное, очень сильно скучали, пока ее не было дома?

– Разумеется!

– И считаете, что она будет счастлива с вами?

– Да, – вновь гаркнул Морис, но уже не так уверенно.

– Вы знаете, что за ложь и введение совета в заблуждение существует ответственность?!

– Да что вы себе позволяете, господин Касс! – взъярился Морис, и тут уже председателю пришлось постучать молоточком, чтобы успокоить расшумевшихся мужчин.

– Господин Мэрриш, разумеется, никто не будет отбирать у вас жену, если вы утверждаете, что сформировалась привязка, – пробормотал цварг, бросив недобрый взгляд на Себастьяна. – Мы не подписываем смертные казни гражданам.

Касс же вдруг одобрительно закивал:

– Все так, уважаемые сенаторы, но вот загвоздка. Я считаю, что этот мужчина искусно лжет и никакой привязки у его организма к

бета-колебаниям госпожи Мэрриш нет.

На несколько секунд в зале поднялся гул: Касс бросил очень серьезное обвинение.

– Что?! Да как ты смеешь! – заорал Морис вновь с места.

Однако его перебил его же юрисконсульт:

– Насколько мне известно, не существует способа достоверно определить, сформировалась привязка у мужчины к женщине или нет.

Председатель выразительно посмотрел на генетика:

– Мне тоже о таком способе неизвестно. Вероятно, вы изобрели что-то новое, господин Касс? Ваши исследования уже проверила Планетарная Лаборатория? Есть ли у вас подтверждающие документы?

Наверное, только я заметила, как Себастьян едва поморщился при словосочетании «Планетарная Лаборатория», но то была лишь доля мгновения.

– Лучше. Я ничего не изобретал, все необходимое вам и так уже известно. Мы, цварги, улавливаем малейшие вибрации, испускаемые головным мозгом других живых существ. Эмоции – вот основа, которой мы питаемся. Большинство из нас поглощает эмоции любых гуманоидов и даже животных, но случается, когда цварг привязывается к кому-то так сильно, что эмоции других созданий перестают для него играть роль. Он по-прежнему чувствует их, осознает, но они перестают его насыщать.

– Дальше, господин Касс. – Председатель досадливо бросил взгляд на коммуникатор. – Мы ограничены по времени, и если в ближайшие полчаса вы будете и дальше читать школьный курс, то, боюсь, госпожу Мэрриш это не приблизит к желаемому результату.

– Понял. – Себастьян серьезно кивнул. – Как и сказал уважаемый адвокат, ни одна магнитно-резонансная томография, рентген или анализ крови не покажут, что организм цварга полностью перестроился на бета-колебания конкретной цваргини, но... существуют же косвенные признаки. Если «привязанный» мужчина долго не видит и не слышит нужных ему колебаний, то в его крови падает уровень бета-частиц, а затем цварг и вовсе может слечь от бета-недостаточности. При продолжительном ментальном голоде наступает смерть. Насколько мне известно, господин Мэрриш три недели не

видел супругу и детей. Если его связь так сильна, то он должен как минимум чувствовать себя плохо.

«Вот же хитре-е-ец!» – не без восхищения подумала я про себя, рассматривая Себастьяна по-новому. Еще недавно он казался мне наивным мальчишкой, а сейчас даже то, что он не дал ни мне, ни детям за это время ни разу вернуться в поместье, заиграло новыми красками. Профессор Касс ставил опыт!

– А я плохо себя чувствую! – тут же нашелся Морис. После речи Себастьяна он даже побледнел весьма натурально, а на висках выступили капли пота. – Я даже похудел, пока жены дома не было!

Адвокат зашипел на подопечного, но супруг сам себя загнал в ловушку.

«Пока жены не было дома».

Морис как болванчик повторил за Себастьяном, сделавшим акцент на самочувствии. В условиях ограниченного во времени слушания попытка доказать, что супруг мог как-то насытиться при случайной мимолетной встрече, и затянуть спор, была бы единственно верной стратегией с его стороны. Но он подтвердил, что мы не виделись.

– Отлично, тогда вы позволите взять вашу кровь на анализы? Сотрудники Планетарной Лаборатории, по счастью, как раз присутствуют.

Касс коротким жестом указал на лаборантов.

– Я против! – возмутился Мэрриш.

Но его никто не слушал: все смотрели на председателя. Тот лишь угрюмо кивнул.

Двое лаборантов при всех взяли кровь и опустили пробирку внутрь огромной монструозной машины. У Себастьяна в квартире было много подобных агрегатов, но такого большого я не видела ни разу. Все замерли в ожидании результатов.

– Ты так уверен? – прошептала я, как только Себастьян вернулся.

– Нет. – Он ответил так же тихо, чтобы никто не услышал. – Но кто не рискует, тот не пьет шэйтарри^[3].

Огромный биохимический анализатор щелкнул, возвещая о том, что исследование готово. В полнейшей тишине мужчина в белом халате с символикой капли и шприца на спине посмотрел на экран и сообщил:

– Господин Мэрриш находится в прекрасном состоянии, если не считать повышенного холестерина. Концентрация бета-частиц соответствует норме здорового цварга.

Огромный камень упал с души.

– Но... но... – залепетал Морис, понимая, что проигрывает. – Я не хочу развода! Ранее АУЦ прислушивался к мнению супруга. Оставьте все как есть! В конце концов, у нас же уже двое детей! Мы уже доказали, что у нас прекрасная совместимость. А вдруг третий появится? Или вообще девочка? Обещаю, мы будем над этим работать. Расе же это только на руку! А от другого мужчины у нее точно детей не будет!

Я не была цваргом, но в синих глазах Себастьяна прочла такую ярость, какую видела у него лишь однажды – в ту ночь, когда я пришла к нему в разодранном платье.

– А ничего, что женщина не хочет от вас больше детей?! – зарычал он. – Вы будете принуждать ее к интиму? Господин Мэрриш, вы тут говорили о привязке к жене...

Себастьян вновь наклонился и достал из блокнота распечатки с мужем и какой-то девицей в ярких тряпках в райском саду...

«Откуда у него это?» – только и пронеслось в голове, но вопрос был сметен последующей экспрессивной речью Себастьяна:

– Может быть, вы все перепутали и у вас к одной из этих женщин сформировалась привязка на Тур-Рине? Так и делайте детей с любой из них, кто согласится, только отстаньте от госпожи Мэрриш. Она не ваша личная рабыня и не инкубатор по первой прихоти!

– Что?! Да как вы смеете! Да откуда у вас...

– Тишина-а-а! – Председатель вновь постучал молоточком и жестом попросил Себастьяна передать ему «улики».

– Хм-м-м... – произнес сенатор, внимательно рассматривая снимки. – Не знаю, откуда это у профессора Касса, но, господин Мэрриш, вынужден признать, что вы действительно намеренно вводили нас в заблуждение. Это не доказано, но статистически если у цварга есть ближний круг, то он не нуждается ни в беллезах, ни в райских садах. Что ж, с учетом того, что мы знаем, и согласно прецедентному праву выполненного цваргиной долга перед расой, я думаю, все члены АУЦ со мной согласятся...

– Вы не можете нас развести! – Морис перебил председателя, срываясь на визгливый фальцет. – Она не чистокровная цваргиня! Я подкупил лаборанта, чтобы ей написали это в бумагах!!!

Себастьян не моргнув глазом достал еще один лист из блокнота.

– Заключение по крови Ориеллы Мэрриш, в девичестве Орианн Ор’тэйл, и по обоим ее сыновьям. Они все чистокровные цварги. Я предполагал нечто такое, а потому заранее провел анализ, чтобы вы не отвлекались на мелочи. Хотя... думаю, можно учесть чистосердечное признание Мориса Мэрриша в подкупе государственных сотрудников как смягчающее обстоятельство.

– Что?! Какое еще смягчающее... – Морис покраснел как вареный рак, но на этот раз заткнулся по первому же тычку своего не менее красного адвоката.

Цварг за кафедрой пробежал взглядом по новым бумагам, кивнул и продолжил:

– ... я думаю, все члены АУЦ со мной согласятся, что госпожа Мэрриш имеет право получить развод. Господа, голосуем, у нас осталось всего пять минут.

Все мужчины за кафедрами потянулись к планшетам перед ними, которые до сих пор лежали с выключенными экранами, и я их ошибочно принимала за часть мебели. Себастьян Касс с легкой улыбкой подошел ко мне, а я смотрела на него широко раскрытыми глазами и не могла поверить в то, что он это сделал. Сердце билось так часто, что, казалось, вот-вот проломит грудную клетку. Уже сейчас на общем табло отражался процент проголосовавших, и было понятно, что большинство на нашей стороне.

– Ты почему не сказал, по какой причине не хочешь, чтобы я и дети виделись с Морисом? – спросила я Себастьяна.

Я попыталась вложить в голос упрек, но почему-то тянуло на улыбку.

Бездонные синие глаза посмотрели на меня с искрами смеха.

– Это называется слепой эксперимент. Если испытуемые в курсе, что над ними проводится опыт, он уже перестает быть опытом. Морис постоянно тебе звонил и писал: ты могла непреднамеренно оговориться...

Я лишь покачала головой и вздохнула. Вот же... хитрец!

– Итак, результаты готовы, – вновь раздался голос ведущего заседание. – Тридцать восемь голосов за развод, пять против, двенадцать воздержались. Абсолютным большинством принято положительное решение по вашему заявлению. Поздравляю, госпожа Орианн Ор’тэйл, теперь вы незамужняя женщина. Господину Мэрришу назначается штраф в пятнадцать тысяч кредитов за подкуп должностного лица и намеренное введение членов АУЦ, в заблуждение касательно наличия привязки.

– Но... но... – Морис позеленел, услышав сумму, и, честно говоря, мне стало его жалко. – У меня нет таких денег... – пробормотал он, чуть ли не рыдая.

– Нет? Хм-м-м... – Председатель вновь посмотрел на мое заявление. – Здесь указано, что вы владеете элитным жильем и являетесь специалистом по логистическим операциям. На Цварге прогрессивная система штрафов, согласно заработку гражданина.

Я заполнила поле «профессия мужа» по привычке, указав именно ту формулировку, которую он предпочитал озвучивать многочисленным друзьям. У Мориса буквально на лице было написано, как жадность борется с гордостью. Наконец первая победила.

– Жилье в ипотеке и до сих пор оплачивалось на родительские дотации. А что касается профессии... это слишком громкое название. Я всего лишь рядовой шофер.

– О! – произнес член АУЦа обескураженно и задумчиво потер подбородок. – Тогда штраф понижается до четырех тысяч кредитов.

Морис явно хотел спорить и дальше, но в этот момент взволнованный цварг в черной с серебром форме ворвался в зал, подбежал к председателю и что-то произнес ему на ухо.

– Не понял... В смысле? – пробормотал тот в ответ.

Охранник хотел что-то повторить, но тут под сводами всего зала разнеслось:

– Уважаемые сотрудники и посетители Серебряного Дома. Настоятельная просьба покинуть здание как можно скорее. Это не учебная эвакуация. Повторяю...

Глава 16

Террористический акт

Орианн Мэрриш

В голове пульсировало одно и то же слово: «Мальчишки!»

Не знаю, как Себастьян понял по моему выражению лица, о чем я думаю, но он подхватил меня под локоть и в возбужденно-недовольном потоке цваргов помог выплыть в нужный коридор, а затем и на лестницу – лифты оказались переполненными.

– Направо! Здесь налево! – крикнул он, каким-то образом ориентируясь в хитросплетении холлов Серебряного Дома.

Мы ворвались в небольшую комнатку как раз тогда, когда трое перепуганных охранников пытались объяснить что-то высокому грозному цваргу в черных с серебром одеждах с внушительными рогами-резонаторами.

– Я не понял, повтори еще раз! Только четко и по существу, – зарычал последний, при этом от него веяло такой угрозой, что охранник напротив побледнел еще сильнее и затрясся как лист на ветру.

– Г-господин Р-робер, подземные па-парковки затопило, поэтому мы вывели всю технику быстрого реагирования наверх, чтобы она просохла. Первый солнечный день за месяц д-дождей, – отчаянно заикаясь, выпалил молоденький охранник, вцепившись в собственный хвост обеими ладонями.

– Дальше! – рявкнул таинственный «господин Робер».

– Мы с ребятами открыли их для сушки. – Охранник хлюпнул носом. – Кто же знал... внутренний двор... сюда без спецпропусков не допускают...

– Еще ближе к теме!

– Сослуживцы попросили приглядеть за мальчиком и собакой. Их некуда было деть, и мы посадили его на лавочку.

– Мальчиков! Умственно отсталый ты, Дирк, – поправил второй, не менее бледный охранник. – Я же сказал: «Присмотри за ними» – и имена назвал!

– Сам ты кретин, Торн! Так я думал «за мальчиком и собакой»! А «Ланс-е-Лотт» прозвучало как одно имя!

– Второй в туалете находился, осел!

– Шварх, да ты их видел рядом?! Они как два атома друг на друга похожи! Я осознал, что пацаненков двое, только когда шлюпка в воздух поднялась!

Третий охранник, тот самый, который поручился, что присмотрит за мальчишками, стоял, зажмурившись от страха. Только я хотела вмешаться в этот ужасный разговор, как между тел высоких цваргов проскользнул скулящий Флаффи, а сразу же за ним сын в слезах бросился обнимать меня за ноги.

– Ма-а-амочка, я говорил ему, что это плохая затея, а он меня не слушал! Честное слово! Не дай им убить братика!

Все четверо мужчин как по команде обернулись к нам с Себастьяном. Я открыла рот, чтобы спросить, что здесь случилось, как у всех трех охранников как по команде заговорили коммуникаторы голосом второго сына:

– Говорит Ланс Мэрриш. Повторяю, я не хочу ничего плохого. Найдите моих маму и папу и скажите им, а заодно и всем дядям, с которыми они советуются, что я хочу, чтобы они были вместе! Вот и все. Если вы этого не сделаете, то я посажу корабль на гору и убегу. Поняли?

– Террористический акт, – пробормотал тот, кого называли Дирком. – Летающая машина в воздухе близ государственного строения. Согласно протоколу безопасности, если кто-то угрожает Серебряному Дому, необходимо в кратчайшие сроки сбить угрозу залпом. У нас уже заряжена лазерная установка, нужно только разрешение эмиссара высшего звена или кого-то из сенаторов, кто возьмет ответственность за удар на себя.

«Что?! Вы с ума сошли?!» – захотелось закричать мне.

Но сзади откуда ни возьмись раненым медведем взвыл Морис:

– Выпорю обоих! Как же они надоели со своими проделками, это все ты, женщина, виновата! Ты!!! – Он указал на меня пальцем, а затем перевел перст на Дирка: – А ну, дайте мне вашу рацию или что там! Никаких залпов, да я... По крайней мере, теперь сенаторы поймут, что нельзя детей доверять глупым бабам! Оба останутся со мной! Дайте уже! Я хочу поговорить с сыном!

Морис, не дожидаясь, пока Дирк снимет коммуникатор с запястья, рывкнул:

– Ланс, слышишь меня?! Тащи свою задницу сюда!

Обнимающий меня сын вздрогнул.

– А меня-то за что накажут?

– За компанию, чтобы неповадно было! – рыкнул Морис.

– Папа? – раздалось растерянное бормотание второго сына с той стороны. Было слышно, что он очень рад отцу, но в то же время угроза пятой точке мальчику совсем не понравилась.

– Так, увести, – донеслось до меня спокойное и еле слышное со стороны господина Робера, и двое охранников, Торн и третий, имени которого я не знала, подхватили сопротивляющегося Мориса и вывели из комнаты.

В помещении сразу стало тихо, лишь в ушах слегка звенело после ора Мориса. Ребенок все еще обхватывал меня за ноги и судорожно всхлипывал, Флаффи тревожно поскуливал, но в остальном – блаженная тишина опустилась на мои уши после криков уже бывшего супруга.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я мужчину в черном.

– Фабрис Робер, – представился он и коротко кивнул. – Эмиссар высшего звена Службы Безопасности Цварга, только что прибыл в связи... – метнул он рассерженный взгляд на Дирка, – с докладом о повышенной угрозе всему Аппарату Управления. Вы, стало быть, Орианн Мэрриш, мать близнецов, а вы?..

– Себастьян Касс. Отчим, – произнес мой спутник так легко, будто представлялся так уже множество раз.

Впрочем, с учетом того, что я носила его кольцо на пальце, я решила, что то, как Себастьян представляется, – наименьшая проблема из всех существующих.

– Подскажите, пожалуйста, что случилось? В чем дело? – попросила я, торопливо облизав губы.

– Один из ваших детей угнал шлюпку для эвакуации первых лиц планеты с внутренней парковки Серебряного Дома. Почему такое произошло – отдельная история, которой я обязательно займусь, – тут же отозвался господин Робер, бросив еще один убийственный взгляд на охранника, который явно больше всего на свете желал оказаться где угодно, но только не в этой комнате.

«Угнал шлюпку? Но как?!» – промелькнуло в голове, но мне не пришлось озвучивать вопрос.

Фабрис Робер определенно относился к тому типу мужчин, кто понимал все без лишних слов.

– Она относится к партии техники быстрого реагирования и сконструирована так, чтобы в стрессовой ситуации ей мог управлять даже ребенок. Сейчас ваш сын завис неподалеку от ближайшей к Серебряному Дому горы и угрожает посадкой транспортного средства. Проблема в том, что в этом году лето выдалось аномально жарким, а за ним следовали три недели нетипично сильных осадков. Метеорологи зафиксировали движение ледников в горах. В Небесных Пиках образовалось моренное озеро. Ситуация до сих пор была стабильной, бригады Службы Безопасности укрепили края озера как могли, но посадка космического транспорта, да еще и с работающим ядерным реактором, совершенно точно вызовет перегрев остатка ледника и как следствие – сель.

– Сель? А что это? – спросил Себастьян, чем выдал с головой, что он не местный.

Фабрис удивленно приподнял левую бровь, а я со вздохом повернулась к генетику:

– Если лед в горах тает слишком активно, то образуется мощнейший поток из воды, грязи, грунта и камней – всего, что есть в горах. Его называют селевым потоком или просто селом. И логично, что пик таяния ледников приходится как раз на конец лета. Сель способен убить множество людей и смыть инфраструктуру... Я так понимаю, есть опасность, что сель смоем часть Серебряного Дома?

Себастьян нахмурился, что-то прикидывая в уме, а эмиссар сосредоточенно кивнул.

– Если произойдет прорыв перемычки моренного озера, то, боюсь, да. К сожалению, здание правительственное строилось давно, поближе к космопорту. Тогда на горы и возможные связанные с ними проблемы никто не обращал внимания. Так вы поговорите с сыном? Убедите его вернуть корабль, а не сажать на гору?

– Вообще-то это террористический акт, а с террористами нельзя вести перего... – начал говорить притихший Дирк, но осекся и замолчал от трех одновременно брошенных разгневанных взглядов – моего, Себастьяна и Фабриса.

Господин Робер снял с руки собственный коммуникатор, что-то настроил в нем и протянул мне.

– Частота общая, но слышна, слава Вселенной, только охране здания и Службе Безопасности, а то среди населения уже поднялась бы паника.

Я прикусила губу, принимая устройство. Надо что-то сказать сыну, успокоить его, заставить вернуть сложный аппарат на место. Как он только смог поднять его в воздух?

– Ланс, зайка мой, ты меня слышишь? – произнесла я в коммуникатор, стараясь сделать так, чтобы голос не дрожал.

– Ма-а-ам? – удивленно протянул детский голос. – О! Ты, получается, там с папой? Вы наконец-то помирились и мы будем жить все вместе, как прежде? Я хочу в свою комнату, у меня коллекция жуков, которую я обещал показать Мари-Эн! А еще мы планировали с Томом и Констой порубиться онлайн, а у меня приставка в комнате... И папа обещал показать, как заливать омывайку во флаер! Я по нему соскучился...

Сердце пропустило удар. Я растерянно посмотрела на Себастьяна, его синие глаза были красноречивее любых слов. Охранник Дирк помалкивал, временно обратившись в изваяние, а Фабрис сложил руки на груди, бросив на меня такой взгляд, что захотелось провалиться под землю. Хотя... там вода, наверное, не очень приятно будет.

– Ланс, мы поговорили с твоим отцом и уладили все проблемы. Давай ты сейчас вернешь корабль в то место, откуда взял? Все-таки это не игрушка, и могут пострадать невинные цварги. Ты же этого не хочешь?

– Не хочу... – пробормотал сын. – Я всего-то опущу шлюпку на гору, где никого нет. Так, мам, погоди. Так вы снова семья, да? Мы снова будем жить с папой?!

Я понятия не имела, что ответить ребенку. От волнения начали подрагивать пальцы. Конечно, можно было соврать, но я слишком хорошо знала собственных детей. Таковую откровенную ложь они никогда не простят.

– Нельзя опускать шлюпку на гору, это опасно. Пожалуйста, не делай так.

– Ну-у-у... ладно, – согласился сын, а в черных глазах эмиссара промелькнуло одобрение. – Но ты не отвечаешь про папу. Мне

кажется, наше с братом мнение вас совсем не интересует.

– Конечно же интересует, Ланс!

– Тогда я хочу, чтобы все было как прежде. Пообещай мне! – потребовал сын.

«Чтобы папа проматывал ваши деньги на дорогие вечеринки, а вам покупал игрушки на гроши? Чтобы ему было по барабану на ваши выходки? Чтобы я бегала и помогала вам с уроками с утра до ночи, а пока вы в школе, драила трехэтажный особняк для Мориса и его друзей?»

Внутри все бунтовало и раздирало на кусочки...

Любовь к родителям безусловна. Дети не понимают нюансов отношений взрослых и скрытых манипуляций, они просто любят маму и папу и всегда эгоистично хотят, чтобы те были вместе. Страх потерять родителя заложен природой в инстинкт самосохранения. Семья – это синоним стабильности и уверенности в завтрашнем дне, которые нужны абсолютно каждому живому существу...

В какую бы пропасть ни скатились наши отношения с Морисом, для Ланса и Лотта он навсегда останется отцом. Безусловно, не самым лучшим, проводящим не так много времени с ними, но отцом, который зарабатывает деньги на их игрушки, отдельные комнаты в особняке и показывает, как правильно заливать омыватель во флаер. А еще он практически никогда их не наказывает, тут скорее уж мама вечно недовольна и не дает заниматься настоящими мужскими делами.

Детский мир окрашен в черные и белые краски и не приемлет полутонов. Дети – это максималисты. Если они радуются, то нет в мире ничего, что звучит приятнее, чем их смех, если они плачут, то это страдания, которые разрывают сердце. И есть принципиальные вещи, в которых им врать нельзя. Никогда.

Как подобрать правильные слова? Как за жалкие минуты объяснить всю глубину проблем взрослых, которые дети не видят в силу возраста? Как заставить Ланса вернуть эту швархову шляпку на место и при этом не соврать, потому что вранье близнецы не простят?

Меня трясло.

Я обожала мальчишек, но конкретно в этот момент мне хотелось их наказывать похлеще, чем обещал бывший супруг. Убить, а затем зацеловать и убедиться, что они оба целы и невредимы.

Словно уловив мое состояние – хотя почему «словно», Себастьян в первую очередь цварг, – Касс присел, оторвал от меня Лотта и зачем-то закатал ему вначале одну штанину, затем другую. Не успела я понять, что происходит, как Себастьян взял из моих дрожащих пальцев коммуникатор и строго заговорил с сыном:

– Лотт, это плохая шутка.

«Лотт? Почему Лотт?! Ланс же!»

Я бросила взгляд на ноги сына и только сейчас заметила крошечный шрамик, который остался от происшествия с ловлей светящихся жуков. Я так разнервничалась, что дети вновь меня провели... вот же!

– Вы очень похожи с братом, и вам наверняка обидно, если вас называют единым собирательным именем «Ланс-е-Лотт», я понимаю. Но если охранник или кто-то еще вас обидел, это не повод так жестоко шутить, тем более над матерью, которая вас очень любит. Вы уникальны, каждый по-своему. Я даже не говорю, что, называясь именем брата, ты его подставляешь. Мужчины, даже такие маленькие, как ты, Лотт, должны отвечать за свои поступки.

– О, дядя Себастьян! – обрадовался чему-то ребенок. – Да это как-то само собой вышло... Мы вначале над тем вредным охранником шутили, ну а потом я увидел шлюпку, а Ланс в это время притворялся мной... вот и получилось. Случайно.

– Ясно. То есть вы больше не будете специально путать взрослых?

– Мы постараемся, – заверил Лотт и тут же добавил: – Но только если ты уговоришь маму обратно выйти замуж за папу!

– Прости, не могу.

– Почему?! – изумился мальчишка.

– Не хочу, – все так же спокойно ответил Себастьян.

– А я хочу, чтобы мама жила с папой! – капризно заявил один из близнецов. – Я домой хочу! И все как прежде...

– Но ты же слышишь, что не прав? – мягко поинтересовался Касс. – Нельзя хотеть что-то за другого.

– Что? Почему?..

На этот раз голос Лотта стал неуверенным, Ланс же вытер слезы и тоже уставился с интересом на Себастьяна. Бездонные синие глаза в этот момент смотрели на меня, а я лишь мысленно молилась, чтобы Касс понимал, что говорит и делает. Если рядовой Дирк хочет сбить

лазером корабль с моим сыном, то, вероятно, есть еще с десятков желающих. Надо как можно быстрее уговорить мальчика вернуть летательный аппарат. Только вот как?! Тем временем Себастьян продолжил:

– Возьмем, к примеру, Флаффи. Вашему щенку периодически надо ходить в туалет, и иногда он просится в неудобное время. Помнишь, как мы выводили гулять его во двор на днях, когда уже совсем стемнело и появились звезды на небе? Тебе хотелось спать, ты отчаянно зевал, но Флаффи требовалось сделать важные собачьи дела, поэтому ты, Ланс и я дошли до ближайшей лужайки.

– Ну? – неохотно буркнул сын.

А я, признаться, потеряла дар речи, потому что как-то была уверена, что Флаффи по ночам ходит в туалет исключительно на пеленки. Ого! Оказывается, Себастьян выгуливал щенка с детьми...

– Ты сетовал тогда, что хотел бы, чтобы Флаффи хотел в туалет до восьми вечера. Ты пытался хотеть за собаку, но так не бывает. То же и здесь. Ты не можешь принимать такие решения за маму. Она выбрала то, что ей подходит больше. Это ее жизнь.

– А как же мы? Почему нашим мнением с братом никто не интересуется? Мы что, больше никогда-никогда не увидим папу?! Я подслушал вечером, что ты приглашал маму на далекую планету... Ю-ю-сию.

– Конечно же увидите! – Я выхватила коммуникатор у Себастьяна. – И на Цварг вернетесь, как только захотите, будете гостить у папы столько, сколько понравится, а потом возвращаться на Юнисию. Но уверяю, там будет так здорово, что вы сами не захотите оттуда улетать!

– Да? – скептически произнес сын и вздохнул. – Тогда ладно. Мне просто страшно стало, что вы с папой решили нас бросить.

– А нам страшно, что ты там один в воздухе, – вставил Себастьян тут же. – Давай снижайся.

– Я бы рад... но я не знаю как, – признался Лотт. – Стартовать было легко, одна зеленая кнопка.

Здесь уже Фабрис Робер выхватил коммуникатор и торопливо заговорил:

– Сейчас еще один большой корабль зависнет в воздухе рядом с тобой. Лотт, тебе надо будет нажать рычаг у двери и впустить дядю в

черном комбинезоне...

Глава 17

Безопасник и генетик

Себастьян Касс

– Огромное спасибо, Себастьян, я у вас в долгу. – Эмиссар высшего звена улыбнулся и крепко пожал ладонь профессора астробиологии и межгалактической генетики. – Охрана Серебряного Дома вызвала меня слишком поздно, но, к счастью, все обошлось.

– Да, я тоже рад.

Профессор Касс, Орианн и Ланс с поскуливающим Флаффи дождались, когда спасательная бригада под руководством Фабриса Робера вернет угнанную шлюпку обратно. Каким образом восьмилетнему мальчишке удалось повернуть такое, стояло отдельным вопросом на повестке дня, и господин Робер обещал понизить в должности всех, кто имел к этому отношение, а охранника, который должен был в это время контролировать парковку, но почему-то самовольно удалился на обед, и вовсе выгнать со службы.

Сейчас Себастьян усадил цваргиню, ее детей и щенка в аэротакси, а сам остался в Серебряном Доме, чтобы закрыть последние вопросы.

– Я навел о вас справки, – тем временем продолжил Фабрис, – и узнал, что вы проживаете на Юниси, а на Цварг приезжаете лишь время от времени.

«Навел справки? Когда? Как?!» – пронеслось изумленное в мыслях профессора Касса.

Но господин Робер лишь усмехнулся.

– Все-таки я эмиссар Службы Безопасности и могу проверить любую подозрительную личность. Из того, что госпожа Орианн Ор'тэйл носит помолвочное кольцо с черным муассанитом, одна из самых крупных шахт, добывающих этот драгоценный камень, принадлежит роду Кассов, а также цваргиня не возражала против слова «отчим» касательно ее детей, я делаю вывод, что вы хотите попросить в канцелярии для нее бессрочную визу на вылет с планеты.

– Совершенно верно. Вы удивительно... проницательны, – пробормотал Себастьян.

На этот раз неподдельное удовольствие промелькнуло на дне темно-серых глаз мужчины.

«Похоже, мне удалось сделать этому цваргу лучший комплимент».

– Кроме визы, предположу, что вам требуется обоснование, чтобы забрать Ланса и Лотта с планеты. Ввиду сегодняшних событий это не проблема. Я попрошу сенаторов добавить в заключительное постановление, что дети госпожи Ор’тэйл могут свободно перемещаться вместе с матерью, несмотря на то что на Цварге детей, особенно мальчиков, традиционно предпочитают оставлять с отцами.

– О! Это было бы прекрасно! Спасибо огромное! – Себастьян уважительно-благодарно склонил голову, согласно правилам этикета, как его учил дед Сильвестр. – А вам это точно... – Профессор Касс сделал паузу, пытаясь подобрать подходящее и крутящееся на языке слово. Определенно, Робер обладал властью, но какой? Кто этот мужчина в черном для совета Аппарата Управления из пятидесяти пяти членов? Серый кардинал? И можно ли спросить его об этом? – ... будет не в тягость?

В глазах собеседника промелькнула насмешка.

– С некоторых пор совет с удовольствием прислушивается к моим рекомендациям.

– Вот как? – Себастьяну не удалось сдержать возгласа удивления. – Я всегда считал, что на Цварге, как и в большинстве развитых Миров Федерации, власть принадлежит членам совета Аппарата Управления и не найдется другой организации или гуманоида, которые способны повлиять на АУЦ.

– Членов Аппарата Управления выбирают, конечно же, граждане, и, таким образом, номинальная форма управления планетой – демократия. Но грязный секрет демократии состоит в том, что при кажущейся свободе выбора ее на самом деле нет. Один голос значит многое и при этом не стоит ничего. Народ выбирает тех, кому доверяет... Фактически законодательная, судебная и исполнительная власть сосредотачивается в руках пяти десятков цваргов, и иногда они считают, что их решение – единственно верное. Если им время от времени не напоминать, ради чего они собрались, то, боюсь, Цварг ждет не самое приятное будущее. В последние годы на планете произошла... хм-м-м... некоторая реструктуризация власти, так что, отвечая на ваш вопрос, – нет, такая мелочь не будет мне в тягость.

Себастьян покачал головой и улыбнулся.

– Я генетик, а не безопасник, и, боюсь, это выше моего понимания.

Фабрис понимающе усмехнулся.

– Мне доложили, что вы некоторое время заменяли господина Кианза в школе и за эту помощь Уилл Роббинсон обещал вам определенные данные. Вам их уже передали? Вы планируете вылет на Юнисию в ближайшие дни?

– О, так и есть. – Себастьян широко улыбнулся. – Секретарь администратора Планетарной Лаборатории передал медицинские карты и контакты шести семей. Остаться на Цварге еще дольше я не планирую. И так сильно задержался, а с семьями свяжусь по инфо- или голосвязи, благо в наше время технологии позволяют общаться даже из разных галактик.

– Это верно, технологии нынче на высоте... особенно преуспели в этом таноржцы, – пробормотал Робер себе под нос и тут же уточнил: – А чем вы занимаетесь?

– А вам разве не доложили? – рассмеялся Себастьян.

– Я безопасник, а не генетик, и, боюсь, это выше моего понимания, – ответил эмиссар, полностью отзеркалив фразу, недавно брошенную самим профессором. – Я видел расшифровку голосовой записи... Что-то про нерепрезентативную выборку.

– Все просто. – Профессор астробиологии покачал головой. – Я занимаюсь проблемой рождаемости у нашей расы. У меня есть гипотеза, согласно которой дети-цварги появляются в тех семьях, где супруги вошли в ближний круг друг друга. Это достаточно сложно объяснить, ведь резонаторами обладают лишь мужчины, и они же физически умирают, если надолго убрать источник их привязки, но я предполагаю, что у женщин тоже есть какой-то аналог в организме. Возможно, мы его не можем увидеть, пощупать или измерить, как, скажем, уровень бета-частиц у насытившегося колебаниями цварга, но мне думается, что он тоже есть. Цваргини беременеют лишь тогда, когда начинают испытывать глубокие чувства к мужчине.

– Какая любопытная теория. – Фабрис почесал подбородок. – А если пара цварг и не-цваргиня? Скажем, человек? Статистики Планетарной Лаборатории несколько лет назад выдали информацию,

что в таких парах дети рождаются чуть ли не чаще, хотя, конечно, процент чистокровности потомства далек от ста.

– «Ошибка выжившего».

– Что? – Брови цварга в легком удивлении полезли на лоб. – Как это понимать?

– Ну...

Себастьян на всякий случай отодвинулся от собеседника. За такие кощунственные рассуждения администратор Планетарной Лаборатории обозвал его в одном из разговоров психом, желающим прославиться за счет подтасовки чисел и фактов. Но проблема была в том, что Касс искренне верил в то, что говорил.

– Вы же знаете, что во времена войны с трасками наши военные истребители гибли сотнями, а вместе с ними и пилоты. У большинства вернувшихся из открытого космоса машин зияли бреши в подкрылках, иллюминаторах и хвостовой части, но ни у одного не было повреждений в районе ядерного реактора. Конструкторы ошибочно решили укреплять именно те части, где дыры от плазмы встречались особенно часто, и лишь помощнику главного инженера пришла в голову мысль, что изучать надо в первую очередь не те повреждения, с которыми корабли вернулись, а те – с которыми не вернулись. Он предложил укреплять не крылья и хвосты, а дополнительно защищать реактор от взрывов и перегрева.

– Хорошая идея. – Фабрис кивнул. – Дельная.

– «Ошибка выжившего» – это систематическое смещение выборки. В моем примере конструкторы рассматривали только вернувшиеся корабли. Так же и в вашей модели, я уверен, Планетарная Лаборатория в первую очередь рассматривала пары цваргне-цваргиня с исключительно зарегистрированными отношениями.

– А с какими же надо? – удивился Фабрис.

– Со всеми. – Себастьян развел руками. – Да, понимаю, сложно, но... По крайней мере, так исследования будут стоить хоть чего-то. А то, к чему пришла Планетарная Лаборатория Цварга, можно выразить одним предложением: когда цварг привязывается к женщине любой расы, а она отвечает ему взаимностью, у них появляются дети. В отличие от пар цварг-цваргиня, смешанные пары изначально регистрируют отношения только тогда, когда у них есть глубокие чувства. Я лично не знаю ни одной пары, где бы цварг сказал, что у

него нет привязки к супруге-не-цваргине, но при этом он оформил с ней брак. По сути, это утверждение лишь подтверждает мою гипотезу о деторождении, но никак не отмечает ее.

– И что же вы хотите, чтобы опровергнуть или подтвердить свою теорию, господин Касс? – совершенно серьезно спросил Робер.

– Данные, как можно больше данных. Ту самую репрезентативную выборку. – Ученый улыбнулся. – Но, боюсь, собирать мне придется их всю жизнь... Что же, если виза для Орианн уже готова, то я, пожалуй, не должен вас задерживать.

– Погодите.

Фабрис остановил Себастьяна жестом и что-то набрал на коммуникаторе. Через несколько секунд наручный браслет провибрировал в ответ, эмиссар нахмурился и снова что-то набрал. Еще через полминуты господин Робер довольно хмыкнул.

– Сейчас подойдет.

– Кто? – удивился Касс.

– О, ну, на Уилла Роббинсона я, к сожалению, повлиять не могу. Личный секретарь администратора – тот еще цепной пес. То, что у вас получилось у него выторговать информацию о шести цваргских семьях, поверьте, это чуть ли не самая большая победа над Уиллом, о которой я слышал, но вот сам Густав вполне себе...

В этот момент двери небольшого помещения, куда эмиссар привел профессора, чтобы поговорить с глазу на глаз, с грохотом распахнулись, и в комнату вихрем ворвался низенький пухленький цварг в белом халате со знакомой символикой капли и шприца. Его огромные рога венчали голову словно массивная корона.

– Фабрис! Ну что там у тебя стряслось?! У меня бактерии вот-вот вызреют, мне вообще не до всех твоих премудростей!

Проигнорировав присутствие третьего цварга, господин Гарсиа прошествовал до стола эмиссара и уперся ладонями в массивную столешницу.

– Густав, познакомься, – не моргнув глазом ответил Робер и в приветственном жесте указал на собеседника: – Себастьян Касс. Профессор астробиологии и межгалактической генетики. Себастьян, это профессор Густав Гарсиа, он же главный администратор Планетарной Лаборатории. В Серебряном Доме бывает редко, но сегодня именно такой день.

– Да ноги бы моей тут не было, если б ты не обязал меня здесь появляться! – фыркнул цварг, но все же развернулся и оглянулся на Себастьяна.

Когда мужчина только появился на пороге, из-за стремительных движений вошедшего Касс ошибочно подумал, что это его ровесник, максимум пятьдесят-семьдесят лет, но сейчас на него уставились внимательные глаза из-под кустистых седеющих бровей.

«Да ему лет двести пятьдесят, не меньше!» – изумился Себастьян.

– Очень приятно познакомиться.

Профессор астробиологии протянул руку, но на этот раз ее не пожали.

– Себастьян Касс, Касс... – пробормотал старичок, глядя на ладонь. – Уж не родственник ли вы Севера Касса? Ну, такого... отказника.

– Да, у моего отца бракованные резонаторы, – спокойно отозвался Себастьян.

– А у вас, стало быть, нет. – Густав не спрашивал, он утверждал. Шагнул ближе, принялся и... – Мне надо срочно в лабораторию, у меня гениальная идея!

С этими словами бодрый старичок рванул из комнаты.

Фабрис проводил господина Гарсиа с легкой усмешкой на губах.

– Он по-своему гениален, но с внешним миром за него общается секретарь.

«Теперь понятно, почему Роббинсон ни в какую не хотел давать мне контакты Гарсиа».

– Итак, я переishлю вам номер Густава, – как ни в чем не бывало продолжил Фабрис. При этом мужчина элегантно и явно отработанным движением достал платок из левого кармана и протер столешницу в том месте, куда не так давно опирался господин Гарсиа. – Уверен, что он передаст вам данные для репрезентативной выборки.

– Что?! – Себастьян востепенулся и ошеломленно уставился на эмиссара высшего звена. – Это не шутка?

– Не шутка, – пожал плечами Фабрис. – Удастся договориться с господином Гарсиа – флаг вам в руки.

В голове профессора астробиологии зашумело, он и представить себе не мог, что заполучит все или почти все необходимое для

исследований теории, которой занимался последние восемь лет. Это звучало слишком замечательно, чтобы оказаться правдой.

– Спасибо, спасибо огромное, что поверили в мою теорию о деторождении на Цварге. Я... обязательно пришлю выкладки. Чувствую, что нахожусь на верном пути. Что ж, теперь, наверное, я уже действительно занял слишком много вашего времени, да и Орианн с детьми наверняка волнуются.

Фабрис Робер кивнул:

– Конечно, работа не ждет. Мне самому пора к жене. Она с меня спустит шкуру и запрет в сейфе, если опоздаю.

Себастьян улыбнулся, подумав, что даже строгому эмиссару не чужды шутки. Запереть в сейфе – это же какая фантазия должна быть... Уже на пороге его настигла фраза:

– Касательно теории, я не поверил в нее, но хотел отблагодарить за то, что из-за ваших действий мне не пришлось отдавать приказ о расстреле шлюпки, да и моренное озеро осталось в своих пределах.

– А почему вы не верите в мою теорию?

Себастьян развернулся на каблуках и посмотрел на Фабриса. Гипотеза была его детищем, делом, которому он посвятил годы. Слова эмиссара задели за живое.

– Потому что жена давно вошла в мой ближний круг и я уверен, что Даниэлла любит меня не менее сильно, чем я ее. Но у нас вот уже семь лет как нет детей.

Себастьян нахмурился.

– Но ведь все, что я перечислил, это необходимые условия, но не достаточные. Очень многим женщинам для того, чтобы забеременеть, мало любить и быть любимыми. Они должны чувствовать себя в безопасности.

– Что? – Теперь уже эмиссар нахмурился. – Не понимаю. Можете ли говорить конкретнее?

Касс отрицательно покачал головой.

– Для каждой женщины это что-то свое. Кстати! Если благодаря данным Планетарной Лаборатории мои предварительные заключения подтвердятся, я бы хотел порекомендовать рассмотреть совету разрешение на ввоз и использование на Цварге контрацептивов. Знаю, звучит парадоксально, но это благоприятно подействует на

рождаемость: если женщины будут чувствовать, что контролируют свою жизнь, то дети будут появляться чаще.

С этими словами Себастьян Касс окончательно покинул эмиссара высшего звена Службы Безопасности Цварга.

* * *

Себастьян Касс

Профессор был готов стартовать на Юнисию в любой момент, но все-таки решил залететь в поместье Кассов. С бабушкой и дедушкой он попрощался накануне, но Софос попросил все равно показаться перед отъездом, потому что у него «есть разговор». Что мог такого важного хотеть сказать один из братьев отца, если племянник до этого больше недели жил в поместье и все дела, касающиеся рода, давно улажены? Чутье подсказывало, что ничего хорошего.

– Ты молодец. Очень ловко на заседании АУП, поставил Мэрриша на место, хвалю, – начал Софос издалека.

Себастьян растерянно кивнул.

– Не знал, что все уже в курсе. Мне казалось, что это закрытое мероприятие и представителей прессы туда не пускали.

– Не пускали, но у нашей семьи всегда было большое влияние. Один из сенаторов – давний должник деда, – широко оскалился дядя и тут же добавил: – Так ты с этой жгучей красоткой улетаешь на Юнисию?

– Да, она согласилась, – подтвердил племянник.

– Ты не подумай, Орианн хорошая девушка... Она нравится и мне, и Стефану. Но у нее уже есть двое детей.

– И что?

Себастьян прищурился. Цварги как вымирающая раса любили детей, даже обожали. Тот же Аппарат Управления Планетой выделял отличные родительские дотации, лишь бы только несовершеннолетние цварги жили счастливо и имели множество игрушек. Однако Себастьян прекрасно чувствовал, что хочет сказать дядя, и все равно сделал вид, что не понимает: пускай тот озвучит.

– Орианн – цваргиня... – произнес Софос, неловко потерев шею. – И у нее уже есть двое детей, Себ. Это означает, что, согласно

статистике, она, скорее всего, больше уже никого не родит.

Себастьян на это лишь вопросительно приподнял брови.

– Ох, ну не делай вид, что не понимаешь! – сердито воскликнул дядя. – Если бы ты выбрал любую другую девушку – миттарку, эльтонийку, ларчанку... да кого угодно, пускай и с детьми, был бы шанс, что она еще родит твоих детей, понимаешь?! Но цваргини вообще редко беременеют, а уж родить от двух разных мужчин! – Софос схватился за голову. – Не было таких случаев, понимаешь?! За всю историю Цварга не было!

– Ты, выходит, интересовался моими научными работами?

Племянник скрестил руки на груди и фыркнул. Всякий раз, когда он приезжал на Цварг и просил дядей помочь хотя бы биоматериалом, те отшучивались и делали вид, что не воспринимают увлечение племянника как что-то серьезное. При словах «наука», «астробиология» и «генетика» братья отца морщились, как от кислого апельсина, с головой уйдя в семейный бизнес и коммерческую составляющую.

– А как же, – Себастьян нарочито изменил голос, – «Наука денег не приносит, только в исключительных случаях. Это ерунда, которой страдают всякие неудачники. Настоящие кредиты крутятся на Цварге в шахтах»?

– Ну, одно другому не мешает! – возмутился Софос. – Да и вообще, не мог же я стоять в стороне, когда ты даже профессорскую степень у себя там получил! Мне интересно было, куда моя кровь уходит. И не отходи от темы. Ты сам обращал внимание в статье, что на планете не было зарегистрировано случаев, когда цваргиня имела детей от разных мужчин.

Объяснять дяде тонкости теории про взаимные привязки у Себастьяна не было желания. Да и где гарантия, что Орианн хоть когда-либо в принципе согласится иметь детей после такого брака, который у нее уже был? С тем, как она уверенно заявила, что не собирается больше замуж, молодой профессор понимал, что в ближайшие месяцы все, на что он может рассчитывать, – это улыбки, ее смех и возможность быть рядом. На «секс из благодарности» он точно не согласится. Хватит уже того, что бывший муж занимался репродуктивным насилием.

– Понимаю, – спокойно ответил цварг. – Но и ты пойми, Соф. Мне нравится Орианн, я хочу быть с ней, и мне неважно, сколько у нее уже детей и собирается ли она рожать следующих... Она мне нравится. Не ее способность к деторождению. Не ее внешность или расовая принадлежность... Все это, конечно же, идет плюсом, но дело в том, что мне нравится сама Орианн.

– Ты можешь выбрать себе любую другую женщину, Себ, любую! После твоей матери бабушка с дедушкой постепенно изменили свои взгляды, они не будут возражать даже против человека! Но цваргиня с двумя детьми... Ты понимаешь, что род Кассов на этом может остановиться?! У тебя две сестры, у меня дочери-эльтонийки, Стефан вообще никого себе не нашел. Даже если не брать интересы рода, космос с ним, неужели ты не хочешь своих детей, Себастьян?

– Хочу. Когда-нибудь... А может, и нет. – Касс-младший пожал плечами. – Все зависит от того, чего захочет Орианн.

– Вселенная, никогда не думал, что скажу это, но тем не менее: Орианн свободна от уз брака. Ты можешь с ней общаться... увлечься на какое-то время. Но ведь необязательно на ней жениться! Да, как только я узнал, что ты участвуешь в этом процессе, то тут же сделал запрос к базе данных драгоценных камней «Касс Корпорейшн». Представь мое удивление, когда финансовый директор доложил, что самый крупный камень, добытый в этом году, оказался недавно выкуплен моим же племянничком и вставлен в оправу помолвочного кольца! Себастьян, умоляю, рассмотри хотя бы возможность потом жениться на той девушке, которая сможет подарить тебе детей. Дружи с Орианн. Шварх, затащи ее в постель, если тебе это так необходимо, но не оформляй все документально. Остановись! Второй раз развод ей уже точно не дадут.

– Если мы поженимся, это и не понадобится.

Софос смотрел на племянника с грустью.

– Она вошла в твой ближний круг, да?

– Это не имеет значения, – легко отозвался Себастьян и тут же жестко добавил: – Предупреждаю заранее, если ты, Стефан или бабушка с дедушкой задумаете очередную интригу, как это было с моими родителями, то я буду в гневе.

– Услышано.

Дядя хмуро кивнул.

Глава 18

Сладкое слово «свобода»

Орианн Ор'тэйл

Я все никак не могла поверить в свершившееся чудо. Себастьян Касс стал солнцем, осветившим скучное серое болото жизни и перевернувшим с ног на голову абсолютно все. Мир стал ярче и красивее, звуки – мелодичнее, а ароматы – разнообразнее и насыщеннее. Казалось, что я помолодела минимум вдвое.

Сердце билось в грудной клетке так сильно, что физически было сложно контролировать дыхание и вести себя естественно. Меня бросало то в жар, то в холод, хотелось смеяться и плакать от бурлящего счастья в крови. Оковы, плотно держащие меня по рукам и ногам, пали, а за спиной будто выросли крылья.

Я свободна!

Вселенная, нет, не так! Я сво-бод-на!!!

– Мам, ты чего? – с подозрением спросил Ланс, косясь на меня на заднем сиденье аэротакси.

– Все хорошо, сынок. – Я зажмурилась, все еще пытаюсь переварить то, что пятьдесят пять цваргов наступили на горло своим принципам и благодаря Себастьяну освободили меня от этого ужасного брака.

– Ты плачешь, – с сомнением покосился Лотт и озадаченно добавил: – Но как-то странно. Вкусно, что ли?

Я не выдержала и расхохоталась, затем поцеловала обоих сыновей в лоб.

– Это потому, что от счастья.

– И ты не злишься за то, что я выкинул на заднем дворе Серебряного Дома? – вдруг с опаской переспросил Лотт. – Папа кричал, что выпорет меня.

– Но ты же понял, что поступил плохо, и больше так делать не будешь? – вопросом на вопрос ответила я.

Сын кивнул:

– Да... Себастьян объяснил, что это было плохо. Честно говоря, я и сам перепугался, когда эта гигантская штука поднялась в воздух...

Оказывается, это не так прикольно, как я думал, когда все вокруг трясется, а цварги за окном превращаются в букашек.

Я потрепала сына по шевелюре.

– У меня сегодня праздник. Сейчас прилетим домой и закажем большой-большой торт.

– С шоколадом и клубникой? – тут же уточнил Ланс.

– С шоколадом и клубникой, – улыбнулась я.

Мы добрались до квартиры Себастьяна в южном полушарии с комфортом, хоть и заметно дольше, чем на истребителе. Близнецы с гиканьем ринулись к планшету, чтобы выбрать торт, а я в этот момент получила сообщение от Касса, что он еще немного задержится, и решила проверить электронную почту. Там меня ждало письмо из отдела кадров межгалактической компании. Чтобы меня приняли на работу, всего-то и требовалось – вписать реквизиты да приложить ладонь к подключенному к компьютеру биосканеру или по старинке распечатать, подписать и отослать цифровую копию.

Так как я не знала, есть ли у Касса сканер, то решила помедлить с ответом. К тому же было непонятно, в шутку Себастьян предлагал переселение на Юнисию или нет. Вроде бы нет, но мало ли... На всякий случай я принялась собирать вещи – все равно переезд предстоит: либо на другую планету, либо придется срочно искать квартиру поближе к новому месту работы. Себастьян уже так много сделал для меня, уж небольшую ссуду на оплату жилья он точно даст, а я все верну с первой зарплаты.

Коммуникатор вновь замигал входящим звонком, и, думая, что это хозяин квартиры, я, не глядя, активировала голорежим.

– Ну что, радуешься, что выиграла? Унизила перед толпой уважаемых цваргов, заставила признаться, что я всего лишь шофер, а теперь, напевая, пакуешь вещички?

Голос Мориса заставил вздрогнуть, но я быстро взяла себя в руки: он мне больше не муж.

– Да, я рада.

Я выпрямилась во весь рост и спокойно посмотрела на голограмму супруга. После заседания АУЦ он выглядел вроде бы так же, но уже по-другому: пиджак где-то оставлен, узел шелкового галстука приспущен и ослаблен, рукава дорогой рубашки подвернуты, а в руке неизменная бутылка брендового коньяка. Лицо... Сейчас было

видно, что, несмотря на потрясающую расовую устойчивость к алкоголю, многочисленные вечеринки с друзьями дали о себе знать: Морис выглядел существенно старше своего возраста. Это отражалось и в пока еще еле виднеющихся мешках под глазами, и в опущенных щеках, и в глубокой горизонтальной складке на лбу.

– Ну, радуйся, – произнес Морис и хлебнул из горла бутылки. – А ты красивая. Тебе идет это новое платье.

Я хотела сказать «спасибо», но бывший муж неожиданно шумно шмыгнул носом.

– У твоего хахалы хороший вкус.

Слова благодарности так и застряли в горле.

– Себастьян не хахаль.

– Конечно, – тем временем продолжил Мэрриш и даже указал пальцем на мою руку: – Жених, официальный! Мне-то ты до свадьбы не давала. А ему дала? Мне просто любопытно. Ты столько лет строила из себя недотрогу. Неужели он все это, – сделал он пасс, имея в виду прошедшее собрание, – ради женщины, в которую даже ни разу не засадил по самые яйца?

Голограмма прищурилась.

Я скрипнула зубами, чувствуя нарастающую ярость.

– Морис, зачем ты звонишь?

– О, значит, все-таки не дала?! Bravo, восхищен твоим талантом крутить мужиками направо и налево. – Цварг неловко изобразил аплодисменты. Громкими они не вышли, так как бутылка в руке все же мешала. – Все-таки зря я называл тебя мышкой. О нет, ты не мышка, ты потрясающая змея-шива. Знаешь, они очень редкие и на Цварге сейчас обитают лишь в заповедниках. Считается, что шива может очаровать одним лишь взглядом, она исполняет танец смерти перед тем, как укусить жертву, но жертва настолько загипнотизирована красотой ее движений, что забывает о том, что надо спасать свою шкуру. Даже львы не способны справиться с шивой.

«А ты, стало быть, мнишь себя поверженным львом...»

– Морис, – повторила я, теряя терпение и хорошее настроение. – Зачем ты звонишь?

– Да по поводу опеки над детьми. Хотел спросить, когда ты сможешь их привезти мне.

– А ты уже хочешь провести с ними время?

Я даже растерялась от такой новости.

– Не сейчас. – Он поморщился. – Стараниями твоего Касса мне надо выплатить штраф, да и Цварг больше не будет давать дотаций. Я должен заработать денег... Потом да, хочу, чтобы ты их привезла и я мог бы провести с ними время.

– Ладно. – Я кивнула, проглотив «твоего Касса». – Сообщи, когда будешь готов.

Морис благодарно наклонил рогатую голову и приподнял бутылку, отсалютовав ею:

– За тебя, Ориелла! И пускай я давно не испытываю к тебе той страсти, которая сжигала меня при нашем знакомстве, ты всегда была и будешь женщиной номер один в моей жизни.

Я лишь покачала головой. Определенно, Морис любил меня в какой-то своей извращенной манере. Если теория Себастьяна верна, то этого чувства даже хватило ему, чтобы временно привязаться в начале брака и зачать близнецов. Жаль, на большее его не хватило.

– Учти, когда этому мальчишке надоеет играть в тебя, – кивок в сторону обручального кольца на моем пальце, – и он выберет женщину своего статуса и ранга, которая будет в состоянии подарить ему собственных детей, ты сможешь прийти ко мне. Я всегда буду тебе рад.

Я выдержала взгляд бывшего мужа, так же наклонила голову, давая понять, что услышала, и оборвала связь.

– Как я вообще могла выйти замуж за мужчину, который настолько меня не знает? – ошеломленно пробормотала я себе под нос.

Даже после развода он так и не увидел, что я была с ним не из-за денег и сытого положения замужней женщины. Несмотря на то что Морис звонил не с целью испортить мне настроение, оно все-таки поплыло вниз. Я посмотрела на обручальное кольцо с черным камнем и подумала, что с Себастьяном надо поскорее расставить все точки над рунами, чтобы он не надумал себе ничего лишнего. Я сняла кольцо, положила в прихожую и продолжила собирать вещи, которыми, оказывается, обросла за прошедший месяц. Из состояния сборов меня вывели детские крики:

– Себастьян вернулся! Ура-а-а!

– Ух ты-ы-ы, а что это такое?!

Я вышла в коридор и обнаружила хозяина дома с коробкой ароматной пиццы и объемными пазлами... в виде жуков и пауков.

– Вау! Чур мне восьмиглазого! Он на радиоуправлении! – счастливо завопил Лотт.

– А я тогда гигантского жука-роговика возьму! А у него аккумулятор есть? Он будет светиться? – поинтересовался Ланс.

– Нет, аккумулятора нет, но можно попробовать заставить его светиться, запитав диод от миниатюрного колебательного контура, как я показывал на уроке. Попробуем? – с азартом предложил Себастьян.

– Класс!

Мальчики, не церемонясь, выхватили подарки, не забыв и про пиццу, и унеслись на кухню.

– Вначале еда, потом игры! – крикнула я вдогонку близнецам, но они уже, кажется, собрались складывать фигурки насекомых прямо на обеденном столе.

Я лишь покачала головой, понимая, что в ближайшее время вряд ли смогу баловать их так часто, как это делает Себастьян.

– Орианн, а это что?

Цварг уставился на кольцо с черным камнем, которое я оставила на видном месте в прихожей.

В синих глазах плескалось такое чувство, что я ощутила себя нашкодившим котенком, сделавшим все дела мимо лотка.

«Орианн, что еще за дурацкие сравнения? Ты взрослая женщина и вернула украшение. Ты поступила правильно».

– А, так... я возвращаю его. Спасибо большое, что представлял меня в Серебряном Доме и так помог. Оно мне больше не нужно.

У Себастьяна дрогнул кадык.

– Ты... передумала? Ты отказываешься лететь со мной на Юнисию? Я получил все необходимые бессрочные разрешения на тебя и детей.

«Как? Меньше чем за день?! – изумленно пронеслось в голове, но внутренний голос хмыкнул: – Что такое разрешение на отлет с Цварга для мужчины, который добился для тебя развода? Повседневная ерунда, не заслуживающая особого внимания».

Мурашки вихрем пробежали по телу. Да уж, в глазах Мориса и его дядей Себастьян, возможно, выглядел мальчишкой, но совершенно точно не в моих.

– Спасибо. Нет, я не передумала, просто не была уверена, что мы туда полетим...

«А еще понятия не имею, не попаду ли вновь в зависимость от мужчины. Теперь уже от тебя. И где мы там с мальчиками будем жить? Кем я буду работать? Здесь, на Цварге, хотя бы все знакомо, и мне предложили неплохую вакансию стажера...»

Все эти разрозненные мысли я попыталась облечь в максимально безобидную форму:

– Здесь мне уже предложили работу, и я представляю, в каких районах могу снять экономичное жилье. Опять же, на Цварге много школ, выбирай любую.

– Там ты будешь жить на территории Академии, а близнецы будут ходить в школу при Академии, я обо всем договорился.

«Вот, значит, как. Не успела ты, Орианн, освободиться от пут одного мужчины, как второй уже считает, что может диктовать, как тебе жить. Все-таки прозвище мышка-глупышка от первого мужа тебе весьма кстати».

– Договорился? – эхом откликнулась я и с трудом удержалась, чтобы не поежиться. – То есть я не могу ничего выбирать сама?

Себастьян возразил:

– Разумеется, можешь! Это самое логичное решение, только и всего. Ты, как прилетишь, сама поймешь: Академия предоставляет отличные общежития, эти острова вообще практически никогда не трясет, и срочно учиться плавать в разреженном море, живя на основном острове, необязательно. Лансу и Лотту будет близко до учебы, а ты постепенно освоишься и выберешь место, где захочешь осесть. При желании это может быть даже мой личный остров, но я подумал, что тебе комфортнее будет в центре.

– О! – изумленно пробормотала я. – А работа?

– Тут сложнее... – Себастьян вздохнул и взял с полки кольцо. – Я отправил твои наработки ректору Академии, и сейчас мы с его заместителем занимаемся тем, что выбиваем бюджет под тестовую модель пневмоперехода с одного острова на другой. Патент, кстати, уже оформлен моей матерью.

– Вы что?!

Цварг как ни в чем не бывало пожал плечами.

– А что? Идея классная, у меня мама – юрист, постоянно патентует отцовские изобретения. Ей одним больше, одним меньше – даже не заметит. Ты предложила не просто архитектурно грамотное и

экологичное решение, но это часть инфраструктуры, которая может существенно улучшить транспортную систему на только осваиваемой планете, а новые переселенцы на Юнисию смогут обживать дальше от центрального острова.

Голова пошла кругом, мысли завертелись диким вихрем. Вроде бы Себастьян говорил на все том же языке, вот только его слова вдруг стали казаться какой-то абракадаброй. Я что-то изобрела? Запатентовать это? Как?! Да это же обычная пневмопочта... Что здесь примечательного-то?..

– Орианн. – Тем временем Себастьян шагнул с кольцом ближе. – Это все-таки был подарок...И я надеялся, что ты будешь его носить... Скажем, в знак благодарности. – Он робко улыбнулся. – Пожалуйста, дай мне шанс. Если тебе хоть что-то не понравится на Юниси, я верну тебя сюда или на Эльтон, в любой другой Мир Федерации, куда ты укажешь. Обещаю.

Это «обещаю» в глубоких, как океан, синих глазах плескалось такой мольбой, что я поверила.

Глупо? Не знаю.

Я машинально взяла кольцо.

– Ладно, – ответила я. – Но это кольцо ничего не значит, Себастьян. Я не твоя невеста, ты это понимаешь? Я больше не выйду замуж. Ни за кого. С меня хватит.

Он кивнул.

Я облегченно надела кольцо, но не на безымянный палец, а на указательный. Касс промолчал, и я расслабилась. В остальном Себастьян повел себя безупречно. Он предложил вместе с детьми поесть пиццу и рассказал, что, оказывается, уже забронировал для нас две каюты на лайнере.

– Лететь на Юнисию долго, поэтому я свой «Ястреб» отправляю как груз, а мы с комфортом доберемся стандартным рейсом. Это займет почти месяц в одну сторону, зато на корабле есть стабильная инфосеть, детская комната, бассейн, тренажерный зал и ресторан. Пока мы будем добираться, сможем использовать это время, чтобы закрыть все оставшиеся вопросы.

Орианн Ор'тэйл

Юнисия оказалась именно такой, какой ее описывал Себастьян, со своими плюсами и минусами. Местами она напоминала деревню, а местами – супертехнологичные районы Цварга. Приземистые здания на фундаменте из рессор органично дополняли яркую незнакомую природу, невысокие, но толстые деревья со стволами в виде бутылок, удивительные цветы-перья, голубой карлик в небе вместо привычного желтого солнца. По утрам остров устилало мягкое покрывало лилового тумана, которое порой доходило до середины бедра – особенное разреженное море Юнисии, где молекулы воды смешивались с молекулами магнуса. Красиво, непривычно, но после коралловых озер и драгоценных гор Цварга меня в первую очередь интересовала не столько флора и фауна планеты, сколько практично-техническая сторона жизни.

Признаться, пока мы летели на лайнере, я сильно опасалась, что землетрясения на новом месте будут основательно мешать жизни. А если это серьезно? А если дети перепугаются? Как выяснилось, боялась я зря. На центральном острове, где базировалась Академия, все свелось к легкой дрожи предметов по утрам раз в несколько недель. Мальчишки и вовсе пришли от первой тряски в восторг.

– Мам, смотри, у меня чашка с чаем танцует! – весело воскликнул Ланс, уставившись на подрагивающую посуду.

– Ой, сейчас, наверное, на батуте здорово попрыгать, – мечтательно протянул Лотт.

Позднее выяснилось, что даже у сейсмических активностей есть сезоны и прогнозы, за которые отвечает отдельная кафедра в Академии. Все заранее высчитывается, жителей несколько раз предупреждают, чтобы не выходили из домов, если ожидается серьезная тряска.

«Где-то приходят штормы с океана, где-то сходят сели с гор, а где-то бывают землетрясения», – философски заметил Себастьян, и я не смогла с ним не согласиться.

Первым насущным вопросом по прибытии стало жилье.

Перед самым приземлением на Юнисию Касс вскользь упомянул, что если я хочу, то могу жить на его личном острове, а он организует ежедневную доставку и забор близнецов в школу, но тут я отрицательно покачала головой и вежливо, но четко отказалась от

предложения. Конечно, я понимала, что Себастьян не хочет ничего плохого, да и за поездку я узнала его так хорошо, что гуманоиды из соседних кают нас даже иногда ошибочно принимали за семью. Но память о том, как я во всем впала в зависимость от Мориса, была свежа. Иметь собственную жилплощадь и стабильный источник дохода – было моей программой минимум на ближайшее время. Обретя наконец желанную свободу, я больше всего на свете боялась ее потерять.

К счастью, Себастьян не стал настаивать, чтобы я переехала к нему, и договорился об отдельном для меня и детей жилье заранее. Правда, я ожидала увидеть скромное помещение в общежитии и весьма удивилась отдельно стоящему домику. Это оказалось двухэтажное строение с уютной спальней, детской, небольшим рабочим кабинетом, просторной кухней, переходящей в гостиную-столовую.

– А я думала, что буду жить там, – протянула я растерянно, указав в сторону виднеющихся зданий Академии.

– Там преподавательские, учебные и кадетские корпуса, – ответил Себастьян. – Когда на Юнисию стали активно прибывать новые жильцы, ректор Грегори Грешх-ан распорядился построить отдельные здания для невоенных лиц, так или иначе связанных с Академией. В этой части острова в отдельных домах проживают немногочисленные преподаватели из гражданских, семьи некоторых высших чинов, гуманоиды, занимающиеся обслуживанием стабилизирующей сферы вокруг Соло, а теперь и ты. Все остальные невоенные селятся на второстепенных островах.

Я кивнула, все еще пребывая в изумлении, и только и смогла пробормотать:

– Спасибо. Мне здесь очень нравится.

Обходя дом, я прикидывала в голове, какой день недели выделить на уборку. Да, это, конечно, не гигантский особняк с восьмью спальнями и таким же количеством туалетов, но ведь на Юнисии с техникой негусто, и те же полы и окна, скорее всего, придется мыть по старинке, а не с помощью роботов. Но и тут меня ждал приятный сюрприз.

На третье утро пребывания на новом месте, отведа Ланса и Лотта в школу, я обнаружила хозяйничающую в собственной кухне женщину

средних лет с голубой кожей, синими волосами и жабрами на шее. Она так уверенно протирала обеденный стол, что я даже в первую секунду подумала, что ошиблась зданием. Потом вспомнила, что, несмотря на одинаковую планировку строений для гражданских, ключи от входных дверей все же должны отличаться, а значит, это мой дом.

– О, госпожа Ор’тэйл, как вы быстро вернулись! Мне еще часик нужен, чтобы везде пыль смахнуть и постельное белье поменять. Кстати, меня зовут Шелли, – добродушно сообщила полноватая женщина, собирая щеточкой мелкие крошки после завтрака мальчишек.

На Цварге Морис обычно брал меня только в те места, куда пускали чистокровных представителей расы, а потому видеть граждан Федерации с другой внешностью мне все еще было в диковинку.

– Очень приятно, – изумленно пробормотала я. – А вы кто?

– Шелли, – вновь повторила девушка и добавила уже медленнее: – Мне еще час нужен, я вам не помешаю?

– Нет-нет, я расслышала... Откуда у вас ключ от дома?

– Так я клинер от Академии. У меня есть доступ ко всем помещениям, которые стоят в графике уборки. Сегодня – ваш дом.

– А-а-а, – протянула я шокированно. – Да не стоит, я и сама могу.

– Сама? – Женщина нахмурилась и выпрямилась. – Я вам не нравлюсь? Где-то пыль осталась? Вы не обращайте внимания на разводы на зеркалах, я их еще один раз обработаю, все будет блестеть как новенькое. Они покрыты ударопрочной пленкой, вот их и следует мыть в два этапа.

– Нет-нет. – Я стремительно замахала руками. – Качество уборки устраивает.

«Просто я не уверена, что мне ваши услуги по карману», – мысленно закончила я, но не решилась сознаться в тяжелом финансовом положении вслух.

– Вы меня работы лишить хотите? – расстроилась Шелли. – Уже с кем-то на уборку на восточных островах договорились?

– Нет же... – Я шумно вздохнула. – Я здесь всего три дня, не знаю местных правил, какой у меня будет оклад и смогу ли оплачивать клинера. Вот поэтому и планировала заниматься уборкой сама.

– Сами?!

Глаза собеседницы увеличились почти вдвое, будто я сказала глупость.

Я кивнула:

– Да, а что?

– Ну вы же гражданская! – Шелли всплеснула полноватыми руками, а между пальцев мелькнули бледно-голубые перепонки. – Там, – она махнула в сторону корпусов, – живут кадеты. Они сами убираются, потому что это воспитывает дисциплину. Но здесь-то живут профессора и преподаватели, гуманоиды нау-у-уки! Если вы будете заниматься уборкой, то где же вы возьмете время на то, чтобы думать?

Я попыталась возразить, что никакой я не гуманоид науки и даже оконченного высшего образования у меня нет, но Шелли категорически не хотела слушать возражения.

– Каждый должен заниматься своей работой и тем, что ему подходит больше всего. Вы – точно из головастых. А насчет цены не беспокойтесь – у меня заключен оптовый контракт с Академией. Дешевле клинера точно не найдете.

Так и получилось – Шелли стала убираться у меня дома.

С устройством на работу все сложилось тоже не совсем так, как я себе представляла. Несмотря на заверения Себастьяна в том, что ректор Академии заинтересовался моими наработками, я морально готовилась к сложному собеседованию и очень нервничала. После брака с Морисом я дала себе слово, что финансовая независимость станет первой целью, которой я непременно добьюсь, во что бы то ни стало.

Я была настроена настолько воинственно, что растерялась, когда Себастьян позвал посмотреть свою лабораторию в главном корпусе Академии и в будничной обстановке после лекции у кадетов Космофлота представил мне златогривого мужчину с пронзительно-зелеными глазами:

– Орианн, познакомься. Это ректор юнисского филиала Академии Космического Флота, командор Грегори Грешх-ан.

Широкоплечий блондин-ларк в форменном сине-золотом мундире ослепительно улыбнулся и крепко пожал мне руку. Не поцеловал, как сделал бы это любой цварг на планете, где я прожила последние десять лет, а именно пожал – по-военному просто, но уважительно. Форма на

нем сидела как влитая, а светло-пшеничные волосы были убраны во множество кос и украшены цветными бусинами. Но эта прическа ничуть не умаляла мужественности ректора. Наоборот, вкупе с легкой щетиной выглядело настолько брутально, насколько не выглядел ни один мой знакомый цварг.

– Добро пожаловать! – Ректор широко улыбнулся. – Всегда рад пополнению состава сотрудников Академии, будь они военными или гражданскими лицами. Профессор Касс пересылал ваши идеи касательно перемещения между островами: трубопровод, протянутый сквозь разреженное море и работающий по принципу пневмопочты. Орианн, не уделите ли вы мне время, чтобы рассказать об этом изобретении подробнее? Я плохо разбираюсь в чертежах.

– Да-да, конечно. Это не то чтобы изобретение... достаточно распространенная инженерная система. Обычно грузы передают в патронах, но, как я поняла, самая большая проблема на планете касается перемещения гуманоидов, так что можно использовать объемные капсулы, а диаметр труб увеличить до полутора или двух метров...

Слово за слово мы с командором незаметно вышли в коридор, а затем и вовсе переместились в ректорский кабинет, где на внушительном голоэкрane Грегори развернул документы, которые ранее я передавала Себастьяну. Я показывала все на пальцах, поясняя, зачем нужны те или иные моменты. За месяц плавания на лайнере у меня было время подумать над деталями пневмотрассы.

Ректор внимательно слушал, делал пометки в блокноте, задавал общие вопросы. После подробной презентации он огорошил:

– Отлично, Орианн. Мне все нравится. Не затягивайте, пожалуйста, с тестовой трубой. Для начала предлагаю проложить однолинейную трассу к ближайшему острову в семистах метрах – Авалону. Мы планировали построить мост, но, к сожалению, тот кусок земли, в отличие от нашего, подвержен частым перемещениям по вертикали: магнис в его почве залегает не так равномерно. На том острове проживает обслуживающий персонал, и они будут счастливы, если вместо утренних заплывов в мех-левах гуманоиды наконец-то смогут спокойно добираться на работу.

– Вы хотите построить пневмопереход сразу на семьсот метров?! – изумилась я.

Мое архитектурное предложение хорошо смотрелось теоретически и должно было сработать на практике, если им тщательно заняться, но я никак себе не представляла, что, как только прилечу на Юнисию, под мою ответственность попадет полноценное строительство. Да у меня же даже диплома о высшем образовании нет! Колледж пришлось бросить по настоянию Мориса, а дальше были бессмысленная школа для истинных леди на Цварге, беременность, сложные роды и неугомонные близнецы...

– Да. – Грегори кивнул. – Я военный ларк, у меня дело со словом не расходится. Я уже подписал договор с центральным отделением Космофлота на этот год на выделение бюджета для строительства инфраструктуры Юнисии. Как именно потратить кредиты – это уже мое решение. Идею с пневмопереходом нахожу отличной, мы давно ломали голову, как улучшить логистику: флаеры и гравибайки здесь не работают, истребители – слишком дорого, механические плоты – слишком медленно, мех-левы – энергозатратно... Но, как и при любых крупных финансовых вложениях, хотелось бы увидеть первые результаты поскорее. Как думаете, в какой кратчайший срок вы сможете проложить пневмотрассу на Авалон, чтобы можно было оценить ее эффективность?

Я была так шокирована, что только и пробормотала:

– Мне надо заказать необходимые материалы. Как только все привезут, можно будет начать сборку первого трубопровода. Тянуть пневмотрассу длиной в семьсот метров займет месяца три, не меньше, но здесь, на главном острове, уже можно будет запустить первые тесты и посмотреть, ничего ли я не упустила. Как-никак магнис в почве – особенное вещество, я могу о нем чего-то элементарно не знать, ведь на других планетах Федерации такого металла нет. – Блондин, выслушав меня, повторно кинул, а я от волнения облизала губы и добавила: – Но, послушайте, командор Грешх-ан... Я готова передать все наработки в руки квалифицированного инженера и проконсультировать по идейным моментам, но не уверена, что разумно передать все строительство трассы мне.

– Почему?

Золотая бровь мужчины удивленно поползла на лоб, а я сцепила руки за спиной и быстро произнесла то, что волновало:

– У меня нет ни высшего образования, ни опыта работы. Я училась в колледже на архитектора, но была вынуждена его бросить... по личным обстоятельствам. Я боюсь, что могу не справиться.

– За вас поручился Себастьян Касс. Уверен, что вы справитесь. – Ответ ректора ошеломил. Я опешила и сжала руки в кулаки, думая, что сейчас мне тонко намекнули, что берут меня по блату, однако командор продолжил: – Не скрою, у меня очень теплые отношения с родителями Себастьяна и с ним лично, но Касс-младший не только генетик. У него превосходный технический фундамент, а даже если его знаний не будет хватать, одной подписи его отца я поверю с головой. В конце концов, Северу Кассу удалось стабилизировать звезду, вокруг которой вращается Юнисия. – Грегори бросил взгляд в окно на небо, а я тихонько выдохнула. Выходит, я поняла все не совсем верно. Ректор тем временем продолжил как ни в чем не бывало: – В ваш дом проведена инфосеть, но из-за особенностей Соло в связи с Федерацией случаются помехи. Сейчас соединение стабильное, так что рекомендую уже сегодня подумать, из каких материалов вы будете прокладывать первый трубопровод между островами, и заказать все необходимое побыстрее. Смету, разумеется, передайте мне. – Ларк обернулся и посмотрел вопросительно: – Задача понятна?

– Да, – запоздало кивнула я.

«Он же военный, наверняка ждет чего-то вроде „Есть, сэр!“»

– Труба будет сделана из легкой, но прочной пентапластмассы, она не является магнитом, а следовательно, с ней работать будет проще всего. Если вы хотите, чтобы первая пневмотрасса показала себя в деле побыстрее, то мне понадобятся готовый насос и изолирующий чехол для техники. Для более оперативного строительства, думаю, я смогу найти производство и договориться, чтобы сюда доставили готовые пентапластмассовые кольца нужного диаметра. Здесь останется только их соединить да промазать силиконом швы в получившейся гигантской трубе. В качестве капсулы можно для начала использовать что-то готовое... например, спасательные капсулы, которыми оснащаются космические корабли. Если есть списанные, то мне подойдут любые, главное, чтобы были герметичными. Мы же в космос их не запускаем.

– Отлично звучит! – Было видно, что ректор действительно обрадовался. – Тогда расчет и смета. К концу недели успеете?

– Да, должна. Помимо материалов, потребуется еще рабочая сила...

Я растерянно развела руками. Ни один архитектор, будь он трижды силачом, не строил дома в одиночку. Одно дело – спроектировать и рассчитать, другое – физически построить.

– О, это не будет проблемой. У нас в Академии полно балбесов, – широко оскалился мужчина. – Как только материалы придут и вы будете готовы руководить строительством, обращайтесь, я организую столько кадетов, сколько понадобится.

Разговор незаметно свернул на тему кадетов, потом я спросила об окладе. Грегори удивился, что я еще не видела договор, и вызвал кого-то из помощников. Спустя десять минут я держала в руках самую настоящую бумагу с собственным именем и реквизитами счета. И не в Первом Центральном Банке Цварга, а в самом большом – Межгалактическом Банке Федерации. Оплата за работу стояла достаточно скромная, но в условия договора входило бессрочное предоставление жилья, питание в столовой Академии для меня и детей, бесплатное медицинское обслуживание и страховка как на меня, так и на членов семьи – последнее было крайне актуально с учетом того, как часто близнецам приходят в голову идеи в виде ловли светящихся жуков ночью и прыжков с крыши гаража в игрушечном истребителе, – и множество других не менее приятных бонусов.

Единственным пунктом, который у меня вызвал нервный смех, оказалась должность. Я прочитала написанное кем-то «специалист по логистическим операциям» и поняла, что не могу подписать бумагу.

– Почему? – удивился ларк. – Это же правда.

Я попыталась подобрать наиболее корректные слова.

– Это словосочетание слишком сильно мне напоминает о бывшем муже. Тема весьма болезненная. Я бы не хотела, чтобы в документации везде стояла именно такая должность. Как насчет «гражданский консультант-архитектор»?

– Да хоть принцесса клана Лавового Дождя! – внезапно расхохотался Грегори. – Мне абсолютно все равно, что будет в бумажках, лишь бы дело было сделано. Жду со сметой.

На том и порешили. Я поставила подпись и поняла, что уже надо срочно бежать в школу забирать мальчишек. Благо все на одном острове – идти не далеко.

Вечером вновь зашел Себастьян, чтобы убедиться, что у нас с близнецами есть все необходимое.

– Как тебе Грегори? – между прочим спросил цварг и... напрягся.

Да, мы с ректором начали разговор в лаборатории Себастьяна, но как-то незаметно переместились вначале в коридор, потом в его кабинет и там так и просидели несколько часов кряду. Я вдруг осознала, что, наверное, поступила не очень вежливо по отношению к цваргу, потому что днем, увлекшись разговором о будущей работе, даже забыла попрощаться с Кассом.

– Он произвел на меня впечатление честного и ответственного мужчины. Я не удивлена, что его назначили ректором Академии, – ответила я, тщательно взвешивая слова.

– Это формальная должность, на самом деле филиал Академии Космофлота – это все, за счет чего держится Юнисия, так что фактически Грегори Грешх-ан – это сила даже большая, чем Аппарат Управления Планетой на Цварге.

– О! – невольно вырвалось у меня.

Нет, я, конечно, подозревала, что командор Грешх-ан не последний гуманоид на этой планете, но не могла себе представить, что до такой степени!

В итоге я кивком показала, что приняла к сведению. Удивительно... Всю жизнь Морис старался показать значимость и высокое социальное положение вычурной одеждой и внешним видом, а если бы Касс не выделил Грегори среди многочисленных синих мундиров, я бы и не догадалась, что у этого мужчины столько власти.

Себастьян остался на ужин. Ланс и Лотт ели так тихо, что я забеспокоилась, а не обижают ли их в школе – слишком сильно поведение близнецов не походило на обычное. Из-за множества знакомств, освоения местных правил и новой должности голова шла кругом. Я почувствовала легкое угрызение совести, что до сих пор так и не выяснила, как близнецы восприняли переезд на Юнисию.

У меня ушел битый час на расспросы: какие были предметы? Что узнали нового? Понравились ли учителя? Дети отвечали коротко и подозрительно синхронно. Так и не добившись ничего от них, я собрала посуду и пошла к раковине и тут услышала голос Лотта:

– Себастьян.

– А?

– А тут в каждом классе так много девочек или мы в какой-то особенный попали?

Профессор астробиологии и межгалактической генетики подвис, но, к его чести, пришел в себя достаточно быстро:

– Никто классы по полу не распределяет. Вы учитесь в стандартной группе.

– О-о-о, – протянул Лотт изумленно.

– А ты не хотел с Цварга уезжать, – внезапно фыркнул Ланс. – А я тебе говорил, что если дядя Себастьян говорит, что где-то прикольно, то надо ехать.

– Да ну тебя!

Я беззвучно расхохоталась, а неделей позже на родительском собрании отметила, что девочек на Юнисии действительно в разы больше, чем на Цварге. Были тут, конечно, и эльтонийки, и ларчанки, и миттарки, и множество смесков, но и юных цваргинь, как мне показалось, немало.

«Это семьи военных или тех, кто по каким-либо причинам перебрался на Юнисию, а также некоторые граждане Федерации, решившие сменить место жительства», – объяснил Касс.

* * *

Орианн Ор'тэйл

Дни полетели так быстро, что я перестала их считать. Да и зачем, когда каждый день полон сюрпризов, детского смеха, интересной работы и улыбок Себастьяна?

Целую неделю я составляла смету и просчитывала все необходимые материалы для первой пневмотрубы, затем подписывала документы у Грегори, знакомилась с учителями в Академии и родителями одноклассников Ланса и Лотта. Как-то само собой получилось, что Себастьян познакомил меня с друзьями, среди которых оказалась приятная пара цварга и цваргини с тремя девочками. Льерт и Селеста тоже перебрались сюда, так как посчитали Юнисию более свободной в плане законов и правил. Я смотрела на это чудо и не могла поверить.

– Мне казалось, на Цварге нет зарегистрированных случаев появления тройняшек-девочек, – тихо произнесла я после того, как мы ушли из гостей.

– Нет, – согласился Себастьян. – И мне самому интересно, почему рождаемость на родине так сильно перекошена в сторону мальчиков. На Юнисии рождаемость приближена к соотношению пятьдесят на пятьдесят. Я сейчас как раз занимаюсь этими исследованиями. У меня есть некоторые идеи, но их сложно проверить – выборка слишком маленькая.

Время на Юнисии летело так быстро, словно я попала в сказку... Или в настоящее... Кто знает? Воспоминания о жизни на Цварге блекли и стали походить на кошмар, который поутру хотелось забыть. Осталась лишь крепкая уверенность в том, что остаток жизни я проведу именно так – как независимая и свободная женщина, мама двоих замечательных мальчишек и инженер-архитектор логистической инфраструктуры на планете с уникальными свойствами почвы.

Говорят, к хорошему быстро привыкаешь, но даже в самых радужных мечтах я и представить себе не могла, что смогу где-то чувствовать себя настолько дома.

Ланс и Лотт выросли на глазах. Они с удовольствием проводили время с Себастьяном, активно принявшимся учить их распознавать эмоции Флаффи, а буквально через месяц заявили, что записались на дополнительные кружки при Академии. Лансу неожиданно понравилось заниматься с растениями на занятиях коллеги Касса – Майка Бруно, а Лотт изъявил желание пойти в секцию плавания. На Цварге у детей в школе были традиционные лыжи, но на Юнисии в первую очередь всех жителей учили плавать – причем как в обычной воде в бассейне, так и в разреженном океане.

Накануне доставки первых пентапластмассовых колец для сборки трубы Себастьян зашел поинтересоваться делами близнецов и моими и предложил:

– А ты не против познакомиться с моими родителями?

Памятуя о родственниках Мориса, в первую секунду я захотела ответить «против», но тут же взяла себя в руки, мужественно улыбнулась и согласилась на встречу.

Вивьен и Север Кассы оказались удивительной парой. Они настолько идеально дополняли друг друга, что я даже как-то и забыла,

что пришла не просто в гости к очередным соседям и друзьям Себастьяна, а к его родителям. Вивьен была очень приятной человеческой женщиной с некоторыми чертами миттарки: насыщенно-синими глазами и такими же синими волосами. У нее оказалась спортивная подтянутая фигура, деловой характер и прекрасная память.

Я ожидала, что она, как и любая мать, набросится с вопросами, какие виды я имею на ее единственного сына, но вместо этого женщина с легкостью процитировала несколько законов относительно патентов на технические изобретения на территории разных Миров Федерации и свела разговор к пневмотрассе между островами. В глубине души я была ей благодарна, потому что, если бы родители Себастьяна начали закидывать вопросами о том, какие у нас с ним отношения, хотя бы в половину напористости Стефана и Софоса, мне пришлось бы сбежать сверкая пятками.

Чуть позднее на кухню забежали две девочки – младшие сестры Себастьяна, на вид – чистокровные цваргини, совсем как их брат, и технико-юридический диалог сам собой свелся к детям. Дочери Вивьен были на семь лет старше Ланса и Лотта.

Север Касс пришел домой последним, когда за окном уже стемнело. Он, не стесняясь, крепко поцеловал жену, обнял дочерей, пожал руку Себастьяну и наклонил голову к плечу, внимательно меня рассматривая. Забавно, но то же самое сделала и я, так как стоявшие рядом отец и сын походили друг на друга словно родные братья. Удивительнее всего, что Себастьян оказался еще и крупнее Севера – чуть больше рога, чуть шире плечи и длиннее хвост – но в этом в общем-то заключалась и вся разница. Цварги живут долго и выглядят в силу особенностей расы хорошо и в сто, и в двести лет, если хоть сколько-то занимаются здоровьем, поглощают приятные бета-колебания и едят нормальную пищу. Судя по всему, у Севера всего этого было в избытке, потому что, когда Себастьян стоял к нему вот так плечом к плечу, сложно было определить, кто из них старше.

– Поразительно. Сын говорил, что прилетел с чистокровной цваргиней и двумя детьми, но я почему-то до последнего не мог в это поверить.

Я растерянно развела руками:

– В разводе. Так получилось.

Мужчина кивнул, обаятельно улыбнулся, один в один как Себастьян, и ответил:

– Рад познакомиться. Север Касс.

Весь оставшийся вечер мы провели за вкусным ужином и интересными разговорами.

* * *

Север Касс

– Ты видела? – спросил Север Касс у супруги, стоило двери закрыться за их сыном и чистокровной цваргиней, которую он привел на ужин.

– Видела, – спокойно ответила Вивьен и дотронулась до черного муассанита в собственном обручальном кольце. В отличие от гостя, она носила подарок не на указательном, а на безымянном пальце. Одна эта деталь, а также то, что сын не стал представлять цваргиню даже как подругу, говорили о многом.

– И что теперь делать? – Север нервно вздохнул шевелюру. – Софос звонил, пытался рассказать о ситуации, но, честно говоря, я не воспринял всерьез. У меня была конференция...

Вивьен подошла к мужу и крепко обняла.

– Мы ничего не будем с этим делать, – сказала она, заглядывая в чернильные глаза мужа. – Себастьян вырос, и это его жизнь, его решения.

Север шумно вздохнул. Уже много лет жена понимала его с полуслова или полувзгляда. Насколько ему было легко с ней, настолько же сложно порой давалось общение с единственным сыном. Себастьян подавал огромные надежды в инженерной сфере, а также имел не менее замечательные успехи в юриспруденции, и Север думал, что сын или пойдет по его стопам, или будет помогать матери. Каково же было его неподдельное изумление, когда в один прекрасный день Себастьян сообщил, что наконец-то определился с будущей специальностью – астробиологией и межгалактической генетикой.

– Да, но просто... я не знаю, как ему помочь.

Север машинально потрогал основание своего травмированного в глубоком детстве рога.

Эту тему они с женой не поднимали много лет – с тех пор, как Себастьян прошел проверку резонаторов и стало ясно, что у мальчика с восприятием бета-колебаний все в порядке. На родине в анкете Севера стоял не самый приятный штамп Планетарной Лаборатории «отказ». Мужчина знал, что не может рассчитывать на брак с цваргиней, но в целом никогда и не стремился к этому. Вивьен была любовью всей его жизни, которую он встретил еще в юности.

На все поездки Себастьяна на родину ради классических анкетных свиданий и поиска будущей жены Север всегда смотрел с легким недоумением, но не препятствовал. Отчасти потому, что считал, что не имеет права вмешиваться в личную жизнь сына, отчасти потому, что на исторической родине Себастьян много времени проводил с его братьями – Стефаном и Софосом – чистокровными цваргами с развитыми и работающими резонаторами. Север отдавал себе отчет, что далеко не во всем сможет понять сына, и с пониманием относился к тому, что дяди Себастьяна играли не последнюю роль в жизни сына, но он никак не мог себе представить, что рано или поздно сын привезет женщину с Цварга.

С точки зрения Севера, на Юнисии было множество прекрасных вариантов. Даже если сын вбил себе в голову, что хочет непременно жениться на цваргине – хотя склонностей к расизму за Себастьяном до сих пор не замечалось, – тройняшкам Льерта и Селесты как раз исполнилось по двадцать с хвостиком. Себастьян, будучи подростком, много времени проводил с ними и играл в прятки... Отец был уверен, что сын постарается сблизиться если не с человеческой девушкой, миттаркой или ларчанкой, то с цваргиней, которая родилась на Юнисии.

Орианн Ор'тэйл являлась самой неподходящей партией, которую только можно вообразить. И дело не только в первом и явно неудачном браке, разводе и наличии уже двух детей. Дело в том, что в глазах этой женщины читался колоссальный жизненный опыт. Она психологически была намного старше Себастьяна. Смех и грех, но такой цваргине, как считал Север, подошел бы Грегори Грешхан – взрослый, сильный и независимый мужчина со сложившимся характером и жестким стержнем, ко всему – ларк по происхождению. Женщины этой расы в принципе стараются заводить детей от разных мужчин, потому что это считается у них стабильностью.

Однако Себастьян подарил Орианн кольцо с фамильным камнем. Намерения сына были ясны и прозрачны так же, как лед в горах Цварга. Сформировалась ли у Себастьяна уже привязка к Орианн? Или он все еще может безболезненно вычеркнуть ее из ближнего круга?

– Я не знаю, как ему помочь, – вновь с шумным вздохом повторил Север Касс, качая рогатой головой.

– Ты знаешь, порой помощь – это не то, чего ждут от нас дети, – ответила Вивьен.

– И чего же ждет Себастьян?

Жена пожала плечами.

– Ничего. Он познакомил нас с девушкой, которую выбрал, только и всего. Он обозначил свои стремления, но мы не можем выбирать и решать за него. Он давно вышел из этого возраста. Север, я понимаю, что ты его любишь, желаешь только лучшего, но как бы нам ни хотелось, мы не можем быть счастливыми за кого-то. Навязанное извне никогда не сделает дееспособного, самостоятельного и разумного гуманоида счастливым.

Мужчина улыбнулся, глядя на такую мудрую жену.

– Тогда нам остается лишь пожелать, чтобы наш сын добился этой женщины.

Глава 19

Плавание в юнисском море

Орианн Ор'тэйл.

Спустя полгода жизни на Юнисии

– Орианн, ты готова?

Голос Себастьяна прозвучал из гостиной.

Я всеми фибрами души почувствовала его мальчишеское нетерпение. Вот же! Учиться плавать в разреженном море буду я, а волнуется Себастьян! И как волнуется!..

Я еще раз проверила, плотно ли застегнула комбинезон. Механический левитационный костюм, или мех-лев, как его здесь коротко называли, покрывал тело словно вторая кожа. Белоснежная ткань совершенно неприлично, по меркам Цварга, облегалась со всех сторон, показывая изгибы тела, и плотно натягивалась на груди и бедрах. Синтетическая ткань комбинезона содержала в себе молекулы магнуса. Себастьян упоминал, что плавание в мех-леве похоже на парение в облаках, но надо очень аккуратно использовать костюм: как только он его активирует, молекулы магнуса станут подчиняться мысленным импульсам, перемещаться по нитям туда-сюда, концентрироваться в той или иной части мех-лева, из-за чего и будет получаться своеобразный полет. Ради меня Себастьян раздобыл учебную версию умного костюма для гражданских лиц.

Я последний раз оглядела себя в зеркале, поправила кольцо с черным камнем на указательном пальце и, улыбнувшись отражению, крикнула:

– Да-да, уже иду!

За последние полгода я так привыкла к присутствию Себастьяна в нашей с мальчишками жизни, что относилась к нему... даже сложно сказать как.

Каждый раз, когда я видела генетика, пульс учащался. На Юнисии я чувствовала себя ожившей после многолетней спячки. Будто ослепительное, яркое и горячее солнце растопило ледяной кокон вечного «не думай так громко», «не воняй», «Ориеллочка, приложи

ладонь к банковскому сканеру и не задавай вопросов», «женщина не должна работать», «ты все равно ничего не делаешь». Хотя почему «будто»? Себастьян Касс и был тем солнцем, которое подарило живительное тепло и освободило из оков брака. Я не могла передать словами, как благодарна ему за все, что он сделал. А уж как его полюбили дети!..

Но вопрос об отношениях не вставал ни разу. Я интуитивно чувствовала, что симпатична ему больше, чем соплеменница, которой он однажды помог. А может быть, мне просто хотелось так думать, потому что фактически цварг спас меня. В памяти был свеж момент, когда перед заседанием Аппарата Управления Цваргом я хотела поцеловать его, а он воспринял это как попытку его отблагодарить. С тех пор я себе строго-настрого запретила думать о Себастьяне как о любовнике. У меня не было мужчины почти десять лет, и я спокойно это переносила, будучи женой Мориса. Сейчас же, когда наладилась жизнь, подросли мальчишки и появилась любимая работа, отсутствие мужчины, по идее, и вовсе не должно было волновать.

Сегодня с профессором астробиологии было запланировано не то чтобы официальное свидание, но что-то близкое к этому: он настаивал на обучении плаванию в разреженном юнисском море.

Взявшись за ручку двери спальни, я невольно поймала себя на том, что даже не помню, когда последний раз проводила время наедине с Кассом: я то занималась сборкой и запуском пневмотрассы, то приходила на его лекции и по-дружески общалась с преподавателями Академии, то дни напролет проводила в кабинете ректора, предлагая варианты оптимизации бюджета на строительство транспортных линий – первый трубопровод оказался весьма эффективным, но очень дорогостоящим механизмом, – то проводила время с детьми.

В голове сама собой пронеслась одна из фраз бывшего мужа: «Учти, когда этому мальчишке надоест играть в тебя и он выберет женщину своего статуса и ранга...» Захотелось не то рассмеяться, не то расплакаться. Морис, наверное, даже в самых экзотических фантазиях себе не мог представить, что у нас с Себастьяном так ничего и не было. Вселенная, если задуматься, то этот мужчина отказал мне дважды – вначале на завтраке в «А капелла», когда я открыто предложила заняться сексом ради зачатия ребенка, второй раз – у него дома, перед заседанием АУЦ.

Я решительно тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и вышла в гостиную.

– Себастьян, я готова... – сказала я, но так и не смогла договорить – «учиться плавать».

До сих пор цварг представал передо мной лишь в повседневной и деловой одежде – джинсах, брюках, рубашках, футболках и свитерах, а вот в военной форме я увидела его впервые. Точнее, это был мех-лев в классических цветах Космофлота – насыщенный кобальтово-синий цвет комбинезона очень шел мужчине, а золотая отделка придавала торжественности. Совершенно внезапно вспомнилось, что Себастьян не просто профессор астробиологии и межгалактической генетики в Академии, он еще и сам в ней учился, хотя по итогу выбрал научную, а не военную стезю.

Мех-лев тесно прилегал к литым грудным мышцам и рельефному торсу, подчеркивая идеальные пропорции мужского тела: широкие плечи, узкую талию, длинные мускулистые ноги. Каждая складка и каждый шовчик на форменном комбинезоне смотрелись не просто безупречно, а выглядели восхитительной квинтэссенцией материи, которая одновременно подчеркивала мужественность и элегантность Себастьяна Касса.

Мужчина убрал длинные ухоженные волосы в привычный для него низкий хвост, заложил руки за спину и смотрел в окно. Он обернулся на звук, его глаза потемнели, и несколько секунд он молчал. Затем его кадык дрогнул.

– Орианн, ты великолепно выглядишь, – наконец выдохнул он.

– Ты тоже.

– Пойдем?

– Да, конечно.

Это было все, что мы произнесли, пока шли к берегу, где ежедневно тренировались кадеты Академии. Улыбчивый и общительный Себастьян показался мне непривычно задумчивым и тихим. Я много раз видела, как он погружается в работу и занимается исследованиями, но даже тогда его молчание воспринималось как естественное. Сейчас же я чувствовала, что между нами пролегает тишина иного рода.

День выдался прекрасным: карликовая голубая звезда стояла высоко в небе и освещала многочисленные строения на острове. На

Юнисии наступил так называемый сезон затишья, когда сейсмическая активность планеты минимальна. И это время года, по утверждению Себастьяна, было лучшим, чтобы научиться плавать в юнисском море. Не могу сказать, что я к этому стремилась, меня устраивало перемещение с помощью плотов и пневмотруб, которые я как раз начала разрабатывать, но Касс настаивал на занятиях.

«Орианн, – говорил он с хитрым прищуром. – Ты тут уже полгода, а до сих пор ни разу не надевала мех-лева. Еще немного, и я подумаю, что ты трусишь».

Ну и как тут было не пойти на поводу у этого синеглазого манипулятора?

Встречающиеся по пути кадеты, преподаватели и персонал попеременно здоровались то со мной, то с Себастьяном, приветливо махали руками, но, видя на нас мех-левы, не задерживали расспросами.

Плотный туман коснулся щиколоток еще за несколько десятков метров до того, как мы вышли на сам пляж.

– Ничего не бойся, если что – я рядом, – серьезно произнес Касс.

– Да я и не боюсь, – пожала я плечами.

– Хорошо, тогда смотри и повторяй...

Себастьян принялся объяснять, как активировать и выключать умный костюм, какие движения надо делать, чтобы передвигаться в нужную сторону, и прочие важные детали предстоящего мероприятия.

– Я хочу, чтобы ты для начала научилась перемещаться между островами, это несложно. На глубину уходить не надо: там туман сгущается практически до консистенции воды, дышать не получится, нужны фильтры в нос или маски, а вот здесь, в верхних слоях, можно делать все что захочешь.

Я кивнула и нащупала под плотным лиловым дымом край острова. На этой высоте море напоминало бескрайнее живое покрывало из облаков, и создавалось впечатление, что я вот-вот шагну в пропасть. Сердце тревожно забило, но в этот момент Себастьян подошел сзади, положил горячие ладони на мою талию и тихо шепнул:

– Раскинь руки в стороны и представь, что летишь как птица, а руки – твои крылья. Подумай о чем-то хорошем и постарайся расслабиться. Магнис сам равномерно распределится по животу и ногам и вытолкнет тебя выше.

Я неуверенно кивнула, давая понять, что услышала, шагнула, и... на миг показалось, что я падаю! Но всего лишь на миг.

Потоки тумана подхватили тело и выбросили наверх. В ушах зашумело, душа унеслась в пятки, в крови алкогольными пузырьками забурлил адреналин... Я много раз видела, как плавают кадеты, но и представить себе не могла, что ощущения настолько непередаваемые! Как будто кто-то сделал мне инъекцию чистого неразбавленного восторга! Хотелось смеяться, но это оказалось неожиданно сложно, потому что волосы то и дело попадали в рот, а дышать оказалось физически тяжело – как в парной сауне со стопроцентной влажностью воздуха. Но больше всего это напоминало фантастический полет в облаках!

Ощущение безграничной свободы и отсутствия границ затопило с головой. Я могла лететь куда хотела и наслаждаться каждой секундой существования.

– Уи-и-и! Как же здорово-о-о! – крикнула я Себастьяну в полной уверенности, что он услышит.

Где-то на периферии мелькнул фиолетовый хвост. Я мысленно позавидовала, ведь с пятой конечностью в такой субстанции, как разреженное море, по идее, должно быть еще удобнее.

– А ты не хотела учиться плавать!

– Летать! Это же полет! – не согласилась я и забрала чуть ниже, в более густой туман. Мне стало интересно, не изменятся ли ощущения. – Ты не говорил, что это так классно!

Плотность тумана резко изменилась, и теперь перемещаться с той же скоростью у меня не получалось, так что пришлось делать гребки, как те, что показывал Себастьян на суше. На несколько мгновений я потеряла концентрацию, и тело увязло еще глубже.

– Орианн, давай выше!

– Да-да, сейчас.

Я запыхтела, пытаюсь вынырнуть, и поняла, что потеряла то самое состояние сосредоточенности, с которым шагала в туман с обрыва. Я неловко крутанулась, меня закружило сильнее, затем и вовсе попала в совсем разреженную яму, пискнула от мгновенно накатившего страха, но тут Касс поймал меня. Обхватил под грудью хвостом, дернул вверх и на себя. Секунда-другая, и я уже, тяжело дыша от непривычных физических нагрузок, лежу на Себастьяне сверху, между нашими

лицами какие-то жалкие сантиметры. Его огромное мощное сердце бьется прямо в ладонь... Или это так часто стучит мое собственное?

– С-спасибо, – сказала я и облизала внезапно пересохшие губы.

Бездонные глаза цвета океана потемнели, а голос стал хриплым:

– Поверить не могу, что это не сон.

– Это не сон.

Он нежно перехватил меня за талию и не торопясь привлек ближе. Тепло мужских ладоней проникло сквозь намокший мех-лев, согрело поясницу, растеклось по спине и проникло вглубь тела. Оказывается, я замерзла и не заметила этого...

Себастьян потянулся к моим губам, но так медленно, словно я была дикой ланью, а он охотником, который старается подкрасться поближе и не спугнуть добычу в последний момент. Он осторожно коснулся моей верхней губы, затем нижней и толкнулся языком. Я замерла, загипнотизированная этим танцем, так как оказалась не готова к внезапно нахлынувшему калейдоскопу чувств. Вроде давно не девочка... Но будто бы глотнула само солнце. Кровь в венах побежала быстрее, обращаясь в жидкую лаву, в животе распустился огненный цветок, опаливая внутренности жаркими лепестками, а легкие прижгло каленым железом от недостатка кислорода.

Шварх, да так оно и было на самом деле!

Увлечшись поцелуем, мы начали тонуть. Поняв, что случилось, я первой старательно замахала руками, выныривая вверх из плотных слоев океана. Себастьян подтолкнул и последовал за мной, мы, не сговариваясь, выбрались на берег.

– Могу понять, почему ты влюблен в Юнисию, – произнесла я, отдышавшись. – Такие полеты-плаванья мне снились разве что в детстве.

– Я влюблен в тебя, Орианн, – ответил Себастьян, сплетая наши пальцы.

На этот раз под нами была твердая поверхность. Да, пускай колючая трава и немного мха, но зато мы точно не утонем. Я улыбнулась Кассу и сама потянулась к нему.

Себастьян целовал мои губы, затем спустился на шею, а руками прижал к крепкому телу. Он ласкал так нежно и в то же время откровенно, будто я была самой желанной женщиной на свете, и в то

же время мучительно медленно двигался дальше. Такой изматывающе долгой прелюдии у меня не было ни разу в жизни.

Я сторала в его объятиях, как мотылек в огне. От его обжигающего дыхания и умелого языка тело начало дрожать и лихорадить. Поцелуи и ласки Себастьяна обещали звезды и галактики, и, клянусь, я испытала высшую точку блаженства лишь от его языка и губ на моей шее. Он заставил меня потерять сознание от невероятного наслаждения и полететь безо всякого мех-лева. Я парила в облаках, не ощущая ни места, ни времени, а каждое его прикосновение было дозой запредельного удовольствия, которого хочется еще и еще.

Когда я пришла в себя, то осознала, что мы все еще в мокрых костюмах на травянистом берегу.

– Даже если ты сейчас использовал эти цваргские штучки с ментальным вмешательством, мне все равно понравилось, – сказала я, ловя ртом воздух.

Себастьян внезапно посмотрел с укором:

– Я против вмешательства в бета-фон без острой необходимости. Просто чувствую тебя, Орианн, вот и все.

Я кивнула и, разглядывая шикарного во всех смыслах мужчину, спросила:

– К тебе или ко мне?

– Что?

В синих глазах впервые за все время мелькнула растерянность.

– Здесь неудобно и мокро, трава колючая, а ты явно настроен на продолжение. – Я стрельнула глазами на его мех-лев, который не скрывал некоторых анатомических особенностей визави. – К тебе или ко мне? Я в этой части острова плохо ориентируюсь. Мы же сейчас там же, где и заходили, да? К кому из нас ближе?

Себастьян шумно сглотнул.

– Да, там же, на сотню метров восточнее разве что нас отнесло. Твой дом в той стороне. – Он неловко махнул рукой. – А до моего добираться вплавь или на плоту надо... Погоди, Орианн, ты... правда хочешь перевести наши отношения на новый уровень?

Он нежно погладил меня по руке.

Я пожалала плечами. У меня был брак с сексом, брак без секса, и определенно секс без брака не такая уж плохая вещь. Когда у тебя уже двое детей, на многое смотришь по-другому.

– Я бы не называла это новым уровнем, – мягко возразила я. – Но ты мне нравишься, Себастьян, и если ты хочешь...

Глаза генетика зажглись огнем.

– Конечно хочу! Я просто думал, что тебе нужно больше времени...

И с этими словами он снял кольцо с моего указательного пальца и... попытался надеть на безымянный. Именно что попытался, так как рефлекс сжать ладонь в кулак у меня оказался быстрее. Игривое настроение и желание переместиться в постель мгновенно развеялось.

– Орианн?

Касс посмотрел вопросительно.

– Кажется, мы друг друга недопоняли. Себастьян, я предложила секс, а не брак.

Он нахмурился.

– Да, но рано или поздно это все равно приведет к браку. Орианн, я хочу, чтобы ты носила мое кольцо как помолвочное и все это видели. Я хочу заниматься любовью с невестой.

– А я нет. Я не выйду замуж второй раз, я уже тебе это говорила! Зачем тебе это?

В груди медленно, но верно разворачивалась сосущая черная дыра. Я так привязалась к Себастьяну за эти полгода, мне так нравилось проводить с ним время, приходить в его лабораторию, слушать лекции, вместе ужинать, ходить к его родителям и друзьям... Шва-а-арх, мне нравилось делать с ним абсолютно все! Но зачем же он все так усложняет?! Зачем требует от меня невозможного?! Он же знает, какой у меня был первый брак.

– Как зачем? Орианн, я тебя люблю!

Признание было... ошеломляющим.

* * *

Себастьян Касс

Одна Вселенная знает, чего Себастьяну стоило держать себя в руках и сохранить лицо, когда он понял, что чистый неразбавленный восторг в его крови трансформировался в медленно действующий яд.

– Орианн, я тебя люблю!

Признание вырвалось само собой. Себастьян дал себе слово, что не будет давить на цваргиню и признается в чувствах лишь тогда, когда она будет готова, но... что-то пошло не так.

Женщина вскочила с травы и затрясла головой, словно он сказал что-то омерзительное. Ее эмоции, до сих пор наполненные дурманяще сладкой сиренью, вдруг стали отдавать терпкой горечью.

– Себастьян, я повторяю, что согласна на секс, но не на брак! Ты повстречаешься со мной сколько-то, затем найдешь себе другую девушку, и все будет у тебя отлично. Зачем тебе все эти официальные бумаги-листочки? Что они тебе дадут?!

«Права на тебя».

Как ни грустно было признавать, но все шесть месяцев Себастьян медленно сгорал от ревности... Болезненным токсином она растворялась в крови и текла по артериям и венам, с каждым днем отравляя организм все сильнее и сильнее, и никакая врожденная регенерация, никакие почки или печень не способны были ее отфильтровать. Наоборот, она накапливалась в сердце и обволакивала легкие, вызывая мучительные спазмы.

Он видел, как Орианн распускается и медленно оживает, словно та самая сирень, как она хорошеет день ото дня, как блестят ее глаза и наполняется счастьем смех.

Он видел, как с интересом стали поглядывать на цваргиню старшекурсники и оценивающе-похотливыми взглядами провожать ее тонкую фигурку. Иногда они с ней заговаривали.

Особенно ларки... Чтоб их с их традициями и полигамным образом жизни! Разумеется, как сильный цварг, Себастьян прекрасно чувствовал, о чем думают некоторые из девяти– и десятикурсников, когда Орианн заходила к нему на лекции.

Сердце Касса ныло. Ревность поглощала все свободное от преподавания время, погружая в бездну сомнений и нерешительности. Себастьяну до зубного скрежета хотелось заставить думать об Орианн в уважительном ключе, поставить на место, но больше всего его снедало желание дать всем понять, что эта женщина его. Помолвочное кольцо с черным муассанитом на указательном пальце останавливало... некоторых. Особо ретивых профессору Кассу уже несколько раз приходилось отлавливать и доступно объяснять, что одинокая цваргиня с двумя детьми не желает лишнего внимания.

Проблема ларков была в том, что наличие детей от первого брака их желание не только не останавливало, а скорее подхлестывало. Несмотря на то что госпожа Ор'тэйл ни разу не озвучивала, что не готова на серьезные отношения, ларки откуда-то чувствовали и понимали, что в плане секса без обязательств Орианн будет открыта. Ларки готовы были дать Орианн то, что не мог дать Себастьян. Кассу цваргиня нужна была целиком. Если точка невозврата будет пройдена, он сгорит, как господин Кианз, только его никто не спасет.

И все эти эмоции бурлили и кипели в сердце Себастьяна, складывались в волну ревности и желания, которая разбивалась об острые скалы бета-колебаний Орианн, стоило в диалоге промелькнуть таким словам, как «брак», «супруг», «жена»...

– Орианн. – Себастьян резко выдохнул и принял решение сказать как есть: – Мне не будет нужна никакая другая женщина, я люблю тебя. И да, я хочу на тебе жениться. Я понимаю, что, возможно, слишком рано поднял этот вопрос... Но кольцо-то ты мое можешь носить на безымянном пальце? – Он раскрыл ладонь с украшением, которое теперь оказалось у него. – У меня сводит скулы, когда я вижу или слышу эмоции старших кадетов в твой адрес, того и гляди скоро сточат все зубы в крошку.

– Кого?

Карие глаза изумленно распахнулись и округлились.

«Нет, она что, издевается?!»

Себастьян очень рано получил степень профессора, и разница в возрасте со старшекурсниками была не такой уж и большой. Большинство ларков, заглядывающихся на Орианн, являлись, по сути, ее ровесниками, и это страшно раздражало, как и то, что ему сейчас предстояло признаться в ревности к тем, кто младше даже его самого.

Касс вдохнул и выдохнул.

– Орианн, ты, Ланс и Лотт мне бесконечно дороги. Я хочу, чтобы об этом все знали и понимали. И да, я хочу определенного статуса для наших отношений. Мне неприятно, что на тебя смотрят как на возможную... – Себастьян хотел сказать «девушку, которую можно разово поиметь», но вовремя одернул себя, – девушку. Грегори Грешхан, одинокий мужчина и ровесник моего отца, до сих пор не обзавелся семьей, а ты проводишь достаточно много времени с ректором

наедине. Его не должны посещать мысли, что он может... на что-то рассчитывать. Надень, пожалуйста.

Он протянул ладонь с кольцом еще ближе, но понял, что ошибся, когда цваргиня отступила на шаг. Дорогостоящее украшение для Орианн было сродни пыточному орудию, в бета-фоне цваргини плескались страх, боль и гнев.

– Ты мне обещал, что это не будет ничего значить для тебя. – Она посмотрела на него как на предателя. – Ты обещал!

– Да... – Себастьян шумно сглотнул, чувствуя, как ступает на зыбкую почву полувранья-полуправды. – Но оно же и так ничего для тебя не значило. Украшение как украшение, только и всего. Я лишь прошу надеть. Клянусь, я не буду торопить со свадьбой...

Он осекся, увидев, как влажно блеснули огромные карие глаза цваргини. Она отрицательно покачала головой, резко развернулась и бросилась прочь.

Себастьян так и остался стоять на берегу острова, чувствуя себя последним кретином на этом свете.

Глава 20

Контракт на рабство

Орианн Ор'тэйл

Подступающие к горлу слезы душили, но я мужественно взяла себя в руки.

«Ты не будешь из-за него плакать, Орианн. Не будешь, и точка. Ты предложила отношения на своих условиях – ему не подошло, вы разошлись. Так бывает, вы оба взрослые личности».

Но как бы я ни пыталась себя уговорить, что все в порядке, в груди все болело от того, что Себастьян обманул.

Даже Себастьян.

Вселенная, какой же душой надо было быть, чтобы поверить в его слова, что кольцо ничего не значит... Все это время он вынашивал мысль меня приручить, влюбить и заставить выйти за себя замуж. А ведь у него было все! Мое безграничное внимание, искренняя любовь Ланса и Лотта, возможность быть с нами столько, сколько ему захочется... Какой черной дыры?!

Одним поступком он вырвал мое сердце.

Я машинально переставляла ноги, ощущая, как в груди разрастается ледяной гигант. Холод змеится по телу, сковывая руки, ноги и даже легкие, заполняет каждую клеточку тела безмолвными криками боли. Хотелось рыдать, но вместо этого с трудом удавалось дышать: горло свело мучительным спазмом. Глубокое разочарование от предательства клинком проникло в душу, разрывая те нежные чувства, которые я испытывала к Себастьяну.

Как назло, вспомнились слова Мориса: «Любая нормальная женщина хочет детей. Тем более от мужа». Наверняка в системе координат Себастьяна нормальная женщина должна хотеть выйти замуж... Но вот только я далеко не нормальная. Я была в браке, мне не понравилось. Я не хочу в этот ад снова! Я предложила этому мужчине все, что могла, – заботу, внимание, секс, но пожертвовать собственной свободой второй раз в жизни было выше моих сил.

Гравий хрустел под ботинками. Я почти бежала в сторону дома, боясь оглянуться и увидеть преследующего меня Себастьяна. Клянусь,

это стало бы последней каплей, я бы не выдержала.

Мысль о том, что между нами могло произойти, но не произошло, одновременно приносила боль и облегчение. Боль – потому что это был Себастьян и я... хотела бы разделить с ним еще больше удовольствия. После стольких лет воздержания мне было ужасно мало поцелуев на берегу. Облегчение – потому что, если бы это произошло, а уже потом бы выяснились его коварные планы, я бы чувствовала себя еще тяжелее.

Я не заметила, как, погружившись в размышления, выскочила на узкую дорожку перед домом.

Крупный мужчина в темно-синем кителе, с длинными, переливающимися словно расплавленное золото волосами стучался в мою дверь. Под мышкой он ловко зажимал внушительную стопку документов. Конечно же, я мгновенно узнала командора Грегори Грешх-ана, да и он сразу обернулся на звук моих шагов.

– О, Орианн, а я как раз шел к вам! – бодро крикнул ректор.

Я кожей ощутила внимательный взгляд, цепко обшаривший влажный мех-лев с расстегнутым воротом, припухшие от поцелуев губы и сбившуюся прическу. Мужчина хмыкнул. Вспомнилось, что мы с Себастьяном только что кувыркались в облаках, а потом на берегу он вытворял с моей шеей такое...

– Здравствуйте, Грегори, – произнесла я, подходя и чувствуя, что краснею.

– Здравствуйте, Орианн, – отозвался ларк. – Я был уверен, что в это время вы работаете дома.

– Обычно да, но сегодня я летала.

Только произнеся последнее слово, я осознала, как оно пошло звучит в текущем контексте.

– Вижу, – ответил ларк, многозначительно поиграв бровями, а я разозлилась на себя за стеснительность.

Юнисия – не Цварг. Даже если у меня только что был с кем-то интим – это мое, и только мое, дело! Злость придала уверенности. Я шагнула к двери, достала ключ-карту из кармана. Грегори галантно посторонился. Я не ожидала, что он поднимет руку и проведет по моим волосам.

– Что такое?

Я возмущенно уставилась на мужчину, как самая что ни на есть чистокровная цваргиня, до которой посмели дотронуться без разрешения.

Златогривый ректор прищурил ярко-зеленые глаза и показал какой-то росток между пальцами.

– Травинка. Была у вас в волосах. Я убрал, – прокомментировал он очевидное, а я тихо выдохнула и прикрыла глаза.

«Орианн, не сходи с ума. Да, Себастьян тебя обидел и разозлил, но это не значит, что все мужики спят и видят, как лишить тебя свободы».

Я жестом показала Грегори, чтобы он проходил в дом первым, и зашла после него. Влажный мех-лев противно лип и охлаждал тело, но уйти переодеться в спальню, оставив ректора ожидать в гостиной, показалось неприличным.

– Вы что-то хотели?

– Да. – Грегори кивнул и наконец достал из-под мышки стопку документов. – Здесь ваша смета на многолинейную пневмотрассу для поставки продуктов с нескольких соседних островов.

Я кивнула, поморщившись. Сама в курсе, что получилось дорого. Я делала расчет по тому же принципу, что и первая однолинейная система для перемещения гуманоидов на Авалон, и итоговый ценник вышел заоблачным. В первую очередь потому, что, согласно проекту, требовалась покупка нескольких мощных компрессоров, а к ним еще изолирующие магнитный фон чехлы...

– Я понимаю, что вы предложили аналогичную систему. Она неплохая, но все-таки одно дело, если мы перемещаем кадетов или персонал, а другое – капусту, картошку, плоды с деревьев...

– Да-да. – Я вздохнула. – Дело в бюджете... Я уже размышляла на этот счет. В целях экономии можно попробовать запустить не спасательные капсулы из космолетов, а обыкновенные пластиковые патроны. Если взвешивать груз и гарантируемо не нагружать систему более чем на пятьдесят-семьдесят килограммов заразы, то можно уменьшить слой пентапластмассы...

Я воодушевленно принялась рассказывать о том, что можно сделать, если ректор гарантирует некоторые ограничения в использовании инфраструктуры, но Грегори вмешался:

– Переодевайтесь, Орианн, в сухое, и давайте обсудим все предметно. Повторюсь, я военный, а не инженер, механизмы и числа даются мне существенно проще на бумаге.

Я благодарно кивнула и юркнула в спальню, а через десять минут мы уже сидели за просторным обеденным столом, и, тыкая в чертежи, я объясняла, где и при каких условиях можно сэкономить, а где этого делать категорически нельзя. Час, а за ним еще один пролетели незаметно. Грегори смотрел на эскизы многолинейной пневмотрассы и делал себе пометки. К сожалению, основная стоимость упиралась в большое количество компрессоров и их изоляцию, а это являлось основой всей системы. В какой-то момент я поймала себя на том, что молча смотрю в планшет, а командор Грешх-ан тихо перебирает листы, задумчиво хмуря густые светлые брови.

У него были крупные руки – существенно крупнее, чем у Себастьяна, короткая жесткая щетина на квадратной челюсти, придающая общей матёрости, более широкие плечи, да и в целом всей фигурой он напоминал мощного медведя. Из разговоров с другими преподавателями я знала, что Грегори – ровесник Вивьен, матери Себастьяна. Да и возраст в ректоре чувствовался – не в том смысле, что он выглядел старым разваливающимся пнем, отнюдь, его спортивной форме мог позавидовать любой кадет, а в неторопливых скупых жестах, отрывистых, но вдумчивых фразах, безупречной военной выправке и внимательных яблочно-зеленых глазах. Ректор выглядел опытным ларком, но только после слов Себастьяна я впервые рассматривала именно Грегори-мужчину. Кадетов и старшекурсников я при всем желании не воспринимала как представителей противоположного пола. Они были для меня мальчишками.

Ректор же – да... Ректор определенно принадлежал к категории «мужчина». Вот только неужели Себастьян настолько не доверяет мне, что ревнует к нему? Неужели это треклятое кольцо и статус официальной пары так много для него значат?

– О чем думаете, Орианн?

Вопрос Грегори застал меня врасплох. Я поняла, что вот уже несколько минут совершенно неприлично пялюсь на его руки.

– Эм-м-м... – пробормотала я, отводя взгляд. – Да так, просто...

– Вы поссорились с Себастьяном, – утвердительно произнес ларк, откладывая чертежи в сторону.

Я изумленно уставилась на собеседника:

– Как вы узнали?

Он пожал плечами:

– Это было не сложно, с учетом того, что полгода я видел на вас кольцо с черным муассанитом, а сейчас его нет.

– И что? Мало ли...

– Вивьен Касс носит похожее, не снимая. Сомневаюсь, что Север подарил бы любимой жене дешевую побрякушку. Очевидно, это украшение знаковое.

«Вселенная! Себастьян на меня еще и ярлык повесил, словно на корову, а я не поняла даже этого...»

– Конечно, можно предположить, что вы потеряли перстень и расстроились, – продолжил блондин, – но если добавить сюда возбуждение, которым от вас буквально разило за парсек, растрепанный вид и личный запах Себастьяна пару часов назад – и картинка складывается в единое целое. Вы поссорились с Кассом. В целом – могу понять. У меня постоянно чешутся кулаки врезать его отцу, приходится держать себя в руках. Итак, что собираетесь делать?

Я несколько секунд шокированно смотрела на Грегори. Только сейчас я осознала, насколько у него отличный нюх. Конечно, Морис часто говорил про эту расу «от них разит псиной» и прочие нелестные эпитеты, но я никогда не думала, что эта неприязнь к ларкам основывается на совершенно потрясающем восприятии запахов последними.

Ректор продолжал смотреть на меня, слегка приподняв брови. Я кашлянула.

– Ничего не собираюсь делать. Извините, но это моя личная жизнь.

Грегори понимающе кивнул:

– Хорошо. Я лишь хотел убедиться, что из штата Академии внезапно не исчезнут обожаемый кадетами преподаватель астробиологии и единственный архитектор транспортной сети на Юнисии. Себастьян задержался последний раз в отпуске, а я так и не смог найти ему замену.

Я покачала головой:

– Нет, не исчезнут.

– Ну-ну... – Мужчина прищурился. – Никогда не питал интереса к биологии, но устройство пневмотрасс мне нужно позарез. Если мы сможем организовать быстрое и энергоэффективное перемещение между островами, то более далекие острова станут доступными для освоения – выращивания и строительства домов для новых жителей. Я вот теперь думаю: то ли подсунуть вам контракт на рабство лет на пятьдесят, то ли вовсе самому жениться, чтобы вы точно не улетели с Юнисии.

– Я предпочла бы контракт на рабство, – ответила я, вернув кривую улыбку ректору.

– Ясно.

Ларк сощурил зеленые глаза, и мне как-то сразу стало понятно, что ему вообще все ясно! Вот же хитрый лис, он и шутку-то затеял с целью прощупать мои отношения с Себастьяном... И теперь непонятно, что делать: не то восхищаться, не то сердиться.

В этот момент на крыльце раздался топот детей. Три месяца назад близнецы заявили, что будут сами ходить и возвращаться из школы, так что я сразу поняла, кто заходит в дом.

– Мама-мама, смотри, какую гусеницу я сегодня поймал! – потрясая прозрачной банкой, закричал Ланс. – Она окуклится и станет гигантским мотыльком с мою голову!

– Ма-а-ам, а можно я в каникулы пойду в секцию водного поло? – донесся из прихожей голос Лотта.

Мальчики ворвались на кухню, но тут же резко остановились и, поднеся ладони к вискам, хором гаркнули:

– Здравия желаем, ректор-командор Грешх-ан!

Мне только и оставалось молча поразиться тому, как сильно мальчишки преобразились – вытянулись по стойке «смирно» и замерли.

– Вольно, кадеты, – с усмешкой произнес Грегори и встал из-за стола, собирая бумаги.

– Что у нас на обед? – тут же спросил Ланс.

– А Себастьян придет? – добавил Лотт.

Я замешкалась с ответом. Обед приготовить элементарно не успела, так как не ожидала, что столько времени проведу над работой, а после случившегося Себастьян в ближайшее время к нам точно

заходить не будет, если у него есть хоть какие-то остатки совести. Ларк уловил мое затруднение.

– А почему ваша мама должна персонально для вас готовить? – ответил он близнецам вопросом на вопрос. – Вы дичь принесли или рыбу? Нет? Тогда ваш обед – в общем котле. Сегодня в столовой макароны с тефтелями и томатами, повара старались. А будущие защитники могут рассчитывать на индивидуальные блюда, только если принесли женщине то, из чего готовить.

Близнецы молча переглянулись, но возражать не стали. Я встала из-за стола, чтобы проводить командора Грешх-ана и сказать ему пару ласковых. Мы вышли на улицу, я убедилась, что плотно закрыла дверь, и тихо, но четко произнесла:

– Грегори, спасибо за помощь, но я справлюсь с воспитанием детей. Пока они в школе при Академии, это ваша вотчина, но в стенах моего дома прошу не забывать, что вы им чужой мужчина.

Я сжала руки в кулаки, подспудно ожидая, что сейчас на меня выльется речь о том, что мальчикам непременно нужен отец, но ларк наклонил голову к плечу и коротко ответил:

– Понял.

Я перевела дух.

– А касательно браков, Орианн... – Мужчина продолжил так, будто бы мы несколько часов только и обсуждали мою личную жизнь. – На моей родине их не существует как таковых. Иногда Духи Предков благословляют пары, когда те хотят жить вместе, иногда – нет. Ни один ларк не верит в бумажки и прочую ерунду, которую выдумали на территории Федерации представители других рас и уверенно ей следуют. И даже если Духи Предков откажутся благословлять пару, это не значит, что ларк не может прожить до конца жизни с выбранной им женщиной, а она не будет ему верна. Гуманоиды должны любить друг друга – это основное. – Грегори стукнул кулаком по сердцу. – Все остальное – вторично. Браки, штампы, записи в базах данных... Если отношения устраивают партнеров – это нормально. Если один из партнеров против воли пытается навязать свои желания другому – нет.

Я растерянно кивнула, так как понятия не имела, как реагировать на слова командора Грешх-ана. Он сейчас таким образом иносказательно пытается поддержать? Кажется, буквально по нескольким фразам этот наблюдательный мужчина понял суть нашего

с Себастьяном конфликта. И это несколько пугало. С другой стороны, глупец ректором Академии не стал бы.

– Взаимное удовольствие без обязательств, кстати, тоже один из видов отношений. Орианн, если станет совсем тяжело...

– ...то я могу рассчитывать на взаимное удовольствие без обязательств с вами? – Я сложила руки на груди в защитном жесте и вопросительно посмотрела на ларка. Если он так глубоко копнул мою личную жизнь, то, полагаю, и я имею право спрашивать в лоб. – Спасибо за предложение, командор Грешх-ан, но вы мне неинтересны.

– Вообще-то я не имею привычки мешать работу с личным.

Ректор неожиданно ослепительно улыбнулся, а я почувствовала, как румянец заливаает щеки.

«Шварх, я не это имела в виду!»

– Но мне приятно, что вы подумали обо мне в таком ключе.

Командор неожиданно потянулся к кителю и достал из нагрудного кармана крошечную пластиковую визитку:

– Если станет совсем тяжело, воспользуйтесь этим.

– Что это? – пробормотала я, мельком увидев витиеватую надпись «Храм Фортуны» и множество цифр для навигатора.

– Ну... – Мужчина перекатился с носков на пятки и обратно и задумчиво уставился на голубое солнце-карлик, прищулив глаза. – Это что-то вроде общения с Духами Предков, но наш способ доступен тем, кто в них верит. Это завязано на религии. Эльтонийки придумали свое собственное... гхм-м-м...

– Божество?

– О нет, не божество. Решение.

Я ничего не поняла из объяснений ларка, но вежливо поблагодарила и сунула визитку в карман платья. Грегори проследил за судьбой подарка и улыбнулся.

– Если вдруг будет нужна помощь, Орианн, вы всегда можете ко мне обратиться. Спасибо за уделенное время. Да, и, если придет в голову еще какая-нибудь замечательная мысль по поводу оптимизации транспортной системы на Юнисии, двери моего кабинета открыты для вас в любое время. Впрочем, они просто для вас открыты. Всего доброго.

– И вам того же.

Ларк, круто повернувшись на пятках, направился к Академии. Синий с золотом мундир Космофлота подчеркивал его крепкую фигуру. Когда я зашла в дом, переодевшиеся Ланс и Лотт смиренно ждали в гостиной.

– Мам, ты с нами в столовую или мы пойдем вдвоем?

– Идите вдвоем. Я что-то пока не голодная.

– Хорошо.

Дети еще немного потоптались.

– Мам, а Себастьян к нам вечером зайдет?

Сердце пропустило удар. Одно его имя в устах близнецов причиняло боль, которую нельзя было им показывать.

«Если извинится и возьмет обратно свои слова насчет женитьбы. Потому что в противном случае это будет выглядеть как дешевое манипулирование: я помог тебе с разводом – будь добра, выходи за меня замуж и подписывай договор на смену владельца».

За каких-то полгода Касс стал для меня целым Миром, и этот Мир сейчас осыпался стеклянными осколками.

– Не знаю. Думаю, что нет.

– А что у тебя с господином ректором? Ты рассматриваешь его нам вместо папы?

– Что?! – Детский вопрос внезапно вывел из состояния задумчивости. – С чего вы взяли?

– Он хорошо о тебе думает, – уверенно заявил Ланс.

– Да, это чувствуется. У него эмоции меняются на очень приятные, когда на тебя смотрит. Не такие, как у Себастьяна, но тоже хорошие.

Да уж... Вот это Касс развил резонаторы близнецов, слов нет!

– Я вообще никого не рассматриваю вместо вашего отца. Морис, кстати, на днях спрашивал, когда вы к нему приедете, и я ответила, что могу отправить вас на Цварг на каникулах. А теперь бегом в столовую, – взглянула я на часы, – обед через полчаса закончится!

– О, здорово-о-о, скоро папу увидим! Ура-а-а! – донеслось дружное, и мальчишки рванули на улицу.

Глава 21

Симпозиум

Орианн Ор'тэйл

Неделя пронеслась незаметно. Если честно, я ждала, что Себастьян хотя бы попытается извиниться, но этого не произошло. Более того, я видела его активно работающим в лаборатории над чем-то и общающимся с коллегами. В те несколько раз, когда его силуэт мелькал вдалеке, он находился в окружении большого количества гуманоидов. Если бы он был один, я подошла бы первой, а так... выносить наши отношения на публику не осмелилась.

Наступили школьные каникулы.

В вечер перед вылетом я все же решила, что стоит предупредить его. Мало ли что? Я зашла в лабораторию в то время, когда Себастьян должен был быть на месте, но встретила с его коллегой – худым миттаром Майком Бруно, занятия у которого так нравились Лансу.

– Здравствуйте, не знаете, где профессор Касс?

– Так он на симпозиуме.

– А когда освободится?

– Орианн. – Майк даже отставил колбу в сторону и посмотрел на меня внимательно. – Он на симпозиуме на Цварге. Он разве не говорил, что улетает?

Я натянуто улыбнулась.

– Нет, видимо, так заработался, что забыл.

«А что ты хотела, Орианн? Ты сказала ему „нет“, вот он и занимается своими делами».

Вечер прошел в тихих сборах на Цварг. Мальчишки радовались, что снова увидят отца, а я машинально собирала чемоданы. Утром мы сели на шаттл Космофлота, который доставил нас на крупный гражданский лайнер – один в один такой же, как тот, на котором мы путешествовали полгода назад. Однако в целях экономии я купила билеты в каюту поменьше. Перелет длительный, лайнер оснащен сауной и бассейном, а потому цены кусались. Морис неожиданно сам предложил покрыть половину стоимости, но я отказалась от его щедрого предложения. В памяти были все еще свежи упреки, что он

вытащил меня из грязи. Давать повод даже думать, что я могу ему быть чем-то обязанной, совершенно не хотелось.

С внутренней дрожью я встретила с Морисом. За те полгода, что мы не виделись, он еще сильнее похудел и осунулся, но мальчишек встретил с большим удовольствием. Я не умела чувствовать бета-колебания, но не заметить, что Ланс и Лотт тоже рады видеть отца, не могла.

Морис потрепал обоих мальчиков по шевелюре и не без восхищения отметил, что их резонаторы выросли. Весь день он провел с сыновьями, и я мысленно отметила, что он соскучился по ним не меньше, чем дети по нему. Ланс и Лотт неожиданно начали сыпать терминами и словами, которых Морис не знал, и всякий раз с недоумением оглядывался на меня, когда дети выдавали что-то вроде: «Я научился делать сальто в магнисовом море» или «Профессор Касс утверждает, что у граждан Федерации раса будущего ребенка определяется генетически, но не весь генетический материал заметен во внешнем виде гуманоида». Когда Морис позвал близнецов в гараж похвастаться, как он за полгода улучшил флаер, сыновья и вовсе спустили отца с небес на землю.

– Пап, здорово, конечно, но глупо. С новыми обвесами машина выглядит совсем по-другому, но ведь это экономически невыгодно. Новые детали стильные, но ни на скорость, ни на комфорт не влияют. Ты бы зарабатывал больше, если бы сделал так, чтобы пассажиров не трясло так сильно или они могли добираться быстрее.

Стоило детям уйти спать в их старые детские комнаты, как Морис ошеломленно потер рога и спросил:

– Где они этого всего нахватались?

– Если ты про замечание в гараже, то мы с детьми по вечерам иногда играем в настольную игру «Колонизация планет». Там при трате игрушечных денег всегда надо понимать, на что они идут: на поддержание необходимых ресурсов, развитие новых или на развлечения. Карточки даже разных цветов. Украшения флаера дети восприняли как розовые карточки – в удовольствие.

– Я вообще-то зарабатываю на этой машине! Да мой внешний вид и вид моего флаера...

Я пожалала плечами и отступила. Мне теперь было все равно, куда Морис тратит деньги, и жертвовать собственными нервными клетками,

чтобы что-то доказывать, я точно не собиралась. Уловил это изменение и бывший супруг. Он осекся и тут же перевел разговор:

– Мне не нравится, что сыновья учатся на задворках Федерации на какой-то непонятной планетке с этим... как его... магнисом.

– К счастью, твои переживания меня не касаются. Дети получают отличное образование, лучше, чем здесь.

– М-да? Что-то не уверен. Мышка...

– Орианн! У меня есть имя, и прошу называть меня так. Сравнения с мелкими грызунами мне не льстят.

Морис скрипнул зубами, но поправился:

– Орианн, я считаю, что в их головы вкладывается какая-то ерунда, вот шофер – это настоящая профессия, а генетика... плавание... Что это вообще? Кем они будут?! Это же даже не услуги гуманоидам! Откуда они будут получать деньги? За тебя, понятно, вступился этот... – цварг поморщился, – богатый мальчишка. Но для него наши дети – отбросы. И не спорь! Для любого нормального мужчины, даже если он цварг, чужие дети – это как минимум лишние траты. Но я же о будущем Ланса и Лотта волнуюсь!

Я шумно вздохнула и вновь покачала головой, поражаясь тому, насколько мы с Морисом разные и как я могла этого раньше не замечать...

Отбросы?! Кошмар. Возможно, Себастьян проводил с близнецами чересчур много времени, желая быть ближе ко мне, но его внимание было искренним, в этом я точно не сомневалась.

Наверное, Морис не поверит, если я скажу, что вернула Кассу все одолженные деньги до последнего кредита и полностью обеспечиваю себя и мальчишек вот уже как полгода.

«Безразличие – вот истинная противоположность любви», – как-то сказал Себастьян, а я ему тогда не поверила. Сейчас же мне действительно было глубоко наплевать, как живет Морис, что думает, какие планы строит и что собирается делать дальше. Я приехала на Цварг исключительно ради детей.

– Они будут уважаемыми и самостоятельными цваргами, которые сами выберут и построят свое будущее. Академия Космофлота дает блестящее образование, и если у тебя претензии к качеству, напиши их на имя ректора юнисского филиала, – ответила я, невольно с улыбкой

представляя, как Грегори Грешх-ан может поставить на место... да любого.

– Да нет, – протянул бывший муж, нервно потерев рукав пиджака. Я отметила, что ни драгоценных запонок, ни золотых зажимов для галстука, ни прочих атрибутов, которые так сильно любил прежний Морис, на нем не было. Просто офисная одежда и обыкновенный черный галстук. – Я подумал, может, ты переберешься обратно на Цварг? Тут есть секции разные для мальчиков...

– На Юнисии тоже есть.

Он порывисто вздохнул и на миг сжал кулаки.

– Я имею в виду, что если ты вернешься на Цварг, то нам наверняка вернут родительские выплаты. Мы будем жить порознь, но на государственные дотации можно было бы водить мальчишек в секции. Тебе же тяжело приходится на далекой планете... – бросил он беглый взгляд на мою руку без кольца, – одной.

«Поздно, Морис, ты даже не представляешь, как поздно».

– Поначалу было тяжело, сейчас отлично.

– Ясно, – хмуро ответил бывший муж, окидывая меня с ног до головы внимательным взглядом. – Как же ты изменилась, Орианн.

«Да, нашла гордость и вышла из брака, как бы ты ни стремился меня подмять под себя».

– И на ночь ты, стало быть, тоже не останешься, да? Я ничего не трогал в твоей спальне.

– Нет, так как не считаю это правильным. Я забронировала номер в гостинице.

– Гостиница? Но это же дорого! – начал Морис и осекся. – Этот оплатил тебе и гостиницу? Все-таки ты у него в любовницах? Не думал, что ты опустишься так низко!

Несколько секунд он мрачно смотрел мне в лицо, явно пытаясь вызвать стыд и продавить хоть как-то. Манипуляция с оплатой билетов и последующим давлением не удалась, с детьми и материнским долгом тоже, и он обратился к последнему, как ему казалось, рычагу – к моей репутации. Мне вдруг стало смешно.

– Ты знаешь, Морис, – сказала я, неожиданно широко улыбаясь, – возможно, тебе покажется это диким, но не всех женщин можно купить.

И, не желая больше тратить на него свое время, я прыгнула в подлетевшее такси. Водитель вежливо уточнил, куда я направляюсь. До зуда хотелось сказать: «Отвезите меня в поместье Кассов, здесь рядом», но я взяла себя в руки и назвала адрес гостиницы. Изначально, не зная, как поведет себя бывший муж, я планировала приглядеть за мальчишками на протяжении всей недели, но Морис заверил, что без проблем посадит Ланса и Лотта на лайнер, да и мне, честно говоря, не хотелось видеть ни бывшего мужа, ни Цварг. А потому я наскоро забронировала номер на одну ночь.

«Высплюсь и полечу обратно. На Юнисии много незавершенных дел, проект с многолинейными трассами сам собой не напишется», – размышляла я, заселяясь в гостиницу близ космопорта.

Несколькими часами ранее через инфосеть я чудом забронировала последний номер.

– Не думала, что так много приезжающих и отдыхающих на Цварге, особенно с учетом того, что визу получить сюда достаточно сложно, – сказала я на ресепшене, когда менеджер более десяти минут искал номер брони.

– Обычно всегда есть свободные, – весело отозвался сотрудник. – Но сейчас же проходит симпозиум в Серебряном Дворце. Кстати, по голоканалам идет прямая трансляция, а по вечерам повторяют... Я в этом ничего не понимаю, но событие знаковое в научном мире.

Я рассеянно кивнула и поблагодарила за протянутую ключ-карту. От помощи портъе отказалась – мой чемодан был совсем небольшим.

Зайдя в номер, я обессиленно плюхнулась на кровать. Кто бы мог подумать, что за полгода жизнь так круто изменится? Что мнение бывшего мужа вообще перестанет волновать, а на честно заработанную зарплату я смогу снять каюту в лайнере, чтобы пролететь через пол-Федерации, да еще и забронировать номер в пятизвездочной гостинице Цварга. Что проблемы какой-то далекой планеты будут интереснее, чем жизнь там, где я провела последние десять лет. Что я вновь влюблюсь в мужчину, а ему непременно будет нужно единственное, чего я не смогу дать, – официальные отношения...

В бедро что-то упиралось, я нашарила странный предмет и с удивлением уставилась на пульт.

«Хм-м-м... Тыщу лет головизор не смотрела», – подумала я про себя и ткнула кнопку включения.

– И рады сообщить, что сегодня заключительный день самого известного на Цварге мероприятия в научной среде, которое проводится раз в десять лет. Короткие кадры за прошедшие дни...

Голос диктора что-то бодро рассказывал, а я смотрела и не могла поверить, что на заднем плане вижу Себастьяна Касса, а также очень милую девушку-цваргиню, которая неожиданно поднялась на цыпочки и поцеловала Себастьяна.

Так больно стало в груди, что пришлось потерять место ладонью, а потом еще и еще... Как будто кто-то воткнул нож в это место. И ведь знаю, регенерация цваргов и не на такие чудеса способна, но хотелось лечь и больше не вставать.

«Вселенная, Себастьян, я готова была на все... Неужели этот проклятый брак и подписание бумажек, из-за которых я стану зависимой, тебе так важен? Неужели ты не мог общаться со мной на равных?»

* * *

Себастьян Касс

Себастьян решил, что Орианн надо дать несколько дней, чтобы она остыла, и вновь попробовать объяснить, что для него отношения, где сегодня женщина занимается сексом с одним мужчиной, а завтра может выбрать другого, неприемлемы. Его привязка начала формироваться еще на Цварге, но на Юниси, несмотря на родителей, сестер и друзей, которые в той или иной степени тоже вошли в ближний круг, она крепла и крепла. Когда там, на пляже, бета-колебания Орианн распустились словно цветок сирени, Себастьян отчетливо понял, что если овладеет ею, то дальше жить не сможет без этой женщины.

Вселенная, неужели он просил так много?! Носить кольцо, чтобы когда-нибудь выйти за него замуж. Неужели после полугода отношений она до сих пор не хочет дать ему и шанса?! Если так, то, выходит, и секс для нее – всего лишь физическая разрядка с приятным мужчиной. Не было бы Себастьяна – рано или поздно появился бы

кто-то другой. Эти мысли сводили с ума профессора Касса, ревность червями разъедала сердце, и, когда коммуникатор загорелся входящим сигналом от секретаря администратора Планетарной Лаборатории, Себастьян схватил трубку не раздумывая.

Уилл Роббинсон в свойственной ему недовольной манере известил, что раз уже профессору Кассу передали колоссальные объемы секретной информации – медицинские базы данных граждан Цварга, – он обязан оторвать свою пронирливую хвостатую задницу, будь она даже в черной дыре, и прилететь на научный симпозиум. Себастьян прикинул даты проведения мероприятия и понял, что если стартует прямо сейчас на шестой космической, то прилетит впритык. Он наскоро побросал вещи в чемодан, бросился к «Ястребу» и, уже взлетая, созвонился с ректором и объяснил ситуацию, а потом набрал коллегу Бруно и отдал наставления касательно последнего эксперимента. Следующей Себастьян попытался набрать Орианн, чтобы предупредить, что ненадолго отлетит с Юнисии, но в этот момент, как назло, на Соло произошла вспышка. Касс уже вылетал за границы системы, а потому не смог с ней связаться.

«Ладно, в конце концов, я туда и обратно на самом быстром истребителе», – мрачно решил профессор, тщетно набирая номер Орианн в восьмой раз.

О том, что научный симпозиум не такое простое мероприятие, как он думал, Себастьян понял на подлете, когда секретарь администрации Планетарной Лаборатории вновь сам с ним связался и начал рассказывать, что Касс должен будет лично прочесть минимум пятнадцать лекций, чтобы занять инвесторов и выбить бюджеты. На резонное «я на это не подписывался» Роббинсон заявил, что информация, которой поделились с Себастьяном, бесценна, а с молодого и общительного профессора Касса не убудет. С чего Роббинсон взял, что Себастьян общительный, молодой цварг не знал, но, вспомнив Густава Гарсиа, лишь тяжело вздохнул. Позднее выяснилось, что на мероприятие приглашена еще и толпа журналистов и фоторепортеров, которым желательно тоже уделять время для интервью и позирования. Ежедневно хотя бы по часу.

Симпозиум решили проводить в одном из открытых корпусов Серебряного Дворца, а потому по прилете на Цварг Себастьян остановился в родовом имении Кассов. Разумеется, к этому моменту

уже все в семействе знали, что Себастьян заказал кольцо с черным муассанитом для Орианн, – Софос всем доложил. Дед Сильвестр вцепился во внука клещами, пытаясь объяснить тому, что чистокровная цваргиня – это, конечно, хорошо, но какова вероятность того, что у Себастьяна будут собственные дети?

– Имей совесть! Ты единственный потомок Кассов, у которого есть все шансы завести нормальную семью! Софос уже привязался к эльтонийке, у него обе дочери другой расы, Стефан же, видимо, имеет настолько отвратительный характер, что ни одна девушка не хочет с ним встречаться...

Несмотря на то что Себастьяну устраивали промывку мозгов только по вечерам за ужином, уже на шестой день конференции цварг взвыл и перебрался в гостиницу поближе к космопорту. Лететь в собственную квартиру не хотелось – во-первых, Себастьян слишком сильно уставал от перемещений, во-вторых, был уверен, что дяди не упустят возможность и ринутся атаковать его там вместе с дедушкой. Только если Сильвестр хотел добиться от внука гарантий – хотя бы обоснованных статистикой выкладок, – что Себастьян обзаведется с Орианн потомством, то Стефан с Софосом пытались мягко научить практикам разорвать привязку.

– Пока она поверхностная, есть шанс от нее избавиться. Ко всему, у тебя много родственников и друзей, ты можешь заставить организм питаться другими бета-колебаниями, – приходили нудные аудиосообщения от дядей.

Дополнительно о встрече попросил Фабрис Робер, больше интересуясь вопросами безопасности и мнением Себастьяна, не привез ли кто-то из ученых опасные предметы, которые могут стать оружием злоумышленников. Снова насел Роббинсон, требуя показать материалы для предстоящих лекций, но вишенкой на торте всеобщего безумия стало появление Джун. В первый раз Себастьян даже не узнал ее, но в перерыве на ланч цваргиня подошла к нему с сияющими глазами.

– О, Себастьян, я так рада вас видеть! Я не думала, что то свидание полгода назад так много для вас значит!

– Джун? – растерянно протянул Касс, боясь, что мог напутать с именем.

– Да, мой отец – один из инвесторов. Я до сих пор относилась к его благотворительности несерьезно, но после вашей лекции о том, что

не у всех видов организмов за пол отвечают мужские особи... Скажите, вы правда думаете, что у цваргов именно женщины решают, какого пола будет ребенок, а потому девочек рождается так мало?

– Не совсем так. Я сказал, что бывают разные виды хромосомного определения пола. Например, у рептилий и птиц, в отличие от гуманоидов, самки гетерогаметны, а самцы, наоборот – гомогаметны, но ведь бывают еще и внешние факторы...

Как всегда, увлекшись объяснением текущих исследований, Себастьян не сразу обратил внимание, что взгляд Джун затуманился. Судя по всему, ей было глубоко по барабану, в чем может быть причина демографического перекоса на Цварге. Касс вздохнул:

– Я, как и Планетарная Лаборатория, в процессе изучения этого вопроса.

Такой ответ Джун был понятен. Она неожиданно часто-часто заморгала и сказала:

– Себастьян, я и поверить не могла, что вы такой романтик и столько сделаете ради меня.

«Что?» – пронеслось в голове цварга, но в этот момент девушка поднялась на цыпочки и поцеловала его докуда дотянулась – в подбородок.

– Все тридцать букетов цветов были идеальными, каждый следующий изумительнее предыдущего. Еще ни один мужчина так красиво не ухаживал за мной, а если учесть, что все это время вы были за парсеки от меня... – Она глубоко и шумно вздохнула, по бета-фону до ошеломленного Себастьяна донесся весьма игривый настрой девушки.

– Тридцать букетов? – повторил он.

– Да! Каждую неделю в один и тот же день на протяжении полугода... Потрясающе красивые!

«Стефан совсем рехнулся?»

Себастьяну захотелось громко выругаться, но он сдержался.

– Ну и конечно, ваш поступок. Бескрайний космос! Когда я узнала об этом, клянусь, мое сердце пропустило удар. Это самое прекрасное признание в любви, которое я получала.

– Погодите, Джун, тут явно какое-то недоразумение... – пробормотал ошарашенный Касс.

Сейчас ему было даже плевать на то, что то тут, то там снуют фото- и видеооператоры и снимают все на камеры. С фамилией рода Касс на Цварге связано такое количество скандалов, что одним больше, одним меньше...

– Какое же недоразумение, Себастьян? – тем временем очаровательно улыбнулась Джун. – Вы, оказывается, еще и скромник. Я обращалась в Планетарную Лабораторию, и мне рассказали, что после встречи со мной вы попросили отозвать анкету из базы. А больше свиданий у вас не было. Я подумала и решила, что хочу дать вам шанс. Я и не знала, что вы настолько известный ученый...

Однако Касс нахмурился и покачал головой, наконец-то понимая, что произошло.

«Ты зачем ей столько цветов прислал?» – набрал он короткое сообщение дяде, пока Джун что-то говорила о том, что вот так выйти из списка Планетарной Лаборатории ради женщины, которая даже не сказала «да», – это поступок настоящего мужчины.

«Кому?» – прилетело от Стефана.

Себастьян поджал губы, чувствуя, что его дурят, но еще через три секунды последовало новое сообщение:

«О, шварх! Это цветочный магазин с автоматической подпиской! Я и не заметил... Прости».

Себастьян фыркнул: вполне в духе дяди. Не заметить галочку «высылать каждую неделю», не обратить внимания на списывающиеся с карты деньги. От Джун веяло таким восторгом, что Касс-младший понял: еще чуть-чуть, и девушка предложит отношения.

– Джун, вы все не так поняли. – Все-таки Себастьян сделал усилие над собой и перебил девицу. – Я отозвал анкету не из-за вас, а из-за другой женщины, в которую влюбился после свидания с вами. Встреча оказалась совершенно случайной, на природе.

– Что? – Радость в ментальном фоне Джун померкла так же быстро, как солнце заходит за облака. – Вы начали отношения с другой цваргиней?

– Да. – Себастьян кивнул. – Это... сложно описать. Не уверен, что мы в отношениях... Но, по правде говоря, я так зависим от нее, что мне уже остро не хватает ее бета-колебаний. У меня широкий ближний круг, но, как оказалось, заменить главный источник сложно.

– Ничего не понимаю. – Джун нахмурилась. – Если у вас сформировалась привязка, значит, вы наверняка проводили много времени вместе. Неужели та девушка настолько жестока, что выбрала другого?

– Я не говорил ей о привязке, не хотел давить.

– Ясно... – обескураженно пробормотала Джун. – А цветы? Вы прислали мне столько потрясающих букетов... Зачем?

Себастьян хотел сказать «по ошибке», но понял, что цваргиня совсем расстроится. Внезапная идея показалась ему весьма привлекательной.

– Все эти букеты оплачивал мой дядя Стефан. Он увидел у меня вашу анкету и с тех пор не может перестать о вас думать, но боится позвать на свидание, так как официально Планетарная Лаборатория не подбирала его для вас. Вот, возьмите его контакт или можете запросить на него данные, Стефан Касс.

И с этими словами Себастьян уверенно взял руку цваргини с коммуникатором, хоть это на Цварге считалось и не очень приличным, и вбил в адресную книгу телефон дяди.

В отличном настроении Касс вернулся в отель, открыл окно на проветривание и уснул. Так он не спал уже давно. За много дней ему впервые снился аромат сирени.

Утром Себастьян проснулся раньше будильника – на удивление, так замечательно он себя чувствовал. Наскоро позавтракав в ресторане отеля, профессор уже хотел выдвигаться на очередную конференцию – слава Вселенной, все лекции он уже прочитал, и Роббинсон просил лишь о его присутствии еще два дня, – как подошел менеджер и извиняющимся тоном попросил оплатить проживание вперед.

– Мои глубочайшие извинения, обычно мы разрешаем постояльцам оплачивать номера при выезде, но из-за аномально большого потока клиентов администрации пришлось нанять дополнительный персонал. Меня попросили принять оплату у гостей вперед. Не могли бы вы...

– Да, конечно.

Себастьян не стал дослушивать менеджера и потянулся в задний карман брюк за финансовым чипом. По ментальному фону до цварга дошла искренняя радость сотрудника гостиницы. Менеджер опасался, что клиент закатит истерику, и потому на радостях перепутал кнопки

на клавиатуре и вместо вывода на экран для клиентов суммы за проживание продублировал собственный. Перед глазами Себастьяна Касса возник список гостей отеля. Он бы не обратил внимания на оплошность сотрудника, если бы третьей строчкой не значилось:

«Орианн Ор'тэйл, пятьдесят восемь кредитов».

– Что это? – изумленно проговорил профессор генетики, перечитывая надпись.

– О, я растяпа, не ту кнопку нажал, сейчас-сейчас... Простите... Господин Касс, с вас четыреста шестнадцать кредитов за все время проживания...

Генетик машинально передал чип и спросил:

– Нет, меня интересует, эта женщина еще здесь?

– Простите, но я не имею права разглашать конфиденциальную информацию.

– Эта девушка – моя невеста, – уверенно сообщил Касс, пока в голове взрывалась сверхновая. Орианн здесь? Но как?! Почему?.. – Можете набрать общий номер Планетарной Лаборатории и уточнить. Я хочу знать, она все еще здесь?!

По правде говоря, Себастьян понятия не имел, какие именно пометки Фабрис внес в общую базу данных, но очень надеялся, что хотя бы по визам связь между ним и Орианн можно будет отследить.

Недовольно поджав губы, менеджер выполнил просьбу странного постояльца. «Как можно не знать, где проводит время невеста?» – буквально читалось у него на лице. Когда менеджер наконец разорвал связь и вернулся к Себастьяну, то пребывал уже в более благодушном состоянии.

– Извините за недоверие, просто действительно со стороны выглядит...

– Где девушка? – решительно перебил Себастьян, теряя терпение.

– Сейчас посмотрю... Номер пятьсот восемнадцать...

Соседний с его собственным! Кассу неожиданно пришло понимание, почему он спал так хорошо ночью и ему чудились знакомые бета-колебания. Они действительно были! Наверняка Орианн тоже открыла окно... Цварг хотел рвануть к лифтам, но его остановили:

– Она выписалась час назад.

Что?! А сразу сказать? Себастьян столько времени потерял, тормоза менеджера, а она уже уехала? Куда?! Касс поймал себя на том, что хочет схватить этого нерасторопного сотрудника и как следует потрясти, чтобы он начал уже соображать и выдавать информацию быстрее. Себастьян глубоко вдохнул и выдохнул, призывая себя к спокойствию.

– Она ушла пешком или вызвала такси?

– Такси.

«Отлично».

– Около отеля поймала или попросила вызвать через портье?

– Да... собственно, она меня и просила. Я вызывал через внутреннюю службу помощи клиентам.

«Еще лучше».

– А вы можете с ними снова связаться и посмотреть, какой адрес она сказала водителю?

– Да, могу. – Цварг, явно нервничая, переступил с ноги на ногу. – А вам это точно надо?

– Надо!

Сотрудник со вздохом потянулся к коммуникатору, потратил еще пять минут на переговоры с диспетчером и наконец протянул листок с набором цифр.

– Что это? – спросил Касс изумленно.

Он ожидал от менеджера конкретных названий типа «Зеркальный рынок», «Серебряный дворец» или какое другое известное место, а тут...

– Это не на Цварге. В качестве такси госпожа Ор'тэйл заказала сверхскоростной космический транспорт.

Все еще ничего не понимая, Себастьян поблагодарил, сел в собственный истребитель и вбил координаты в навигатор. По большому счету он хотел лишь увидеться с Орианн, но теперь, когда выяснилось, что она покинула планету, преследовать ее будет как минимум неэтично. Что он, маньяк какой, что ли? Вернется на Юнисию, встретятся там... У него еще два дня конференций...

Тем временем бортовой компьютер мигнул экраном загрузки, и неразбавленная злость забурлила в крови Себастьяна.

«Значит, раз со мной не получилось, то ей теперь подходит первый встречный?!»

Что такое «Храм Фортуны», Касс-младший знал потому, что однажды об этом заведении обмолвился Софос: именно там дядя познакомился со своей Филицией. Ярость, густо замешанная на ревности, стегнула по нервам, и, сам не ожидая от себя такого, Себастьян рывкнул на бортовой компьютер:

– Летим на шестой космической, полная мощность, скорее, или я расщеплю тебя на атомы!

Глава 22

«Храм Фортуны»

Орианн Ор'тэйл

«Если станет совсем тяжело, воспользуйтесь этим...» Я крутила в руках визитку, рассматривая витиеватые буквы на крошечном клочке. Правильно ли я поступила, что полетела неизвестно куда только потому, что Грегори Грешх-ан посчитал это место хорошим? Может быть, стоило поискать информацию в сети? Или попросить развернуть корабль и доставить на пересадочную станцию до Юнисии?

Я посмотрела в окно иллюминатора на приближающийся невзрачный серо-коричневый шарик и не удержалась от вопроса:

– А вы уверены, что это то место, координаты которого я вам передала? «Храм Фортуны»?

– Абсолютно, – отозвался водитель. – На астрокартах это единственное общественное заведение в этих краях. Спутник шестой планеты в системе Эльтона.

На этой фразе цварг поморщился.

– А вы знаете, что это за место?

– Понятия не имею и знать не хочу, – отозвался водитель. – Но раз принадлежит эльтонийкам, я бы туда ни за какие коврижки не сунулся. Терпеть не могу эту расу. Приземляемся... держитесь крепче, госпожа, сейчас будет трясти.

Космо-такси оставило меня на пустынной широченной круглой площадке около испещренных пещерами скал с неожиданно затемненными стеклами шоколадного оттенка. Со стороны загадочный храм выглядел как гигантский улей, которым неожиданно заинтересовался архитектор то ли с буйной фантазией, то ли с очень ограниченным бюджетом. Ни современного фасада, ни яркой вывески, ничего такого, что указывало бы, чему именно посвящено это место.

Я стояла перед странным сооружением внутри пористой скалы и думала: а надо ли мне туда? Ко всему, Грегори так толком и не объяснил, что это за место. Я уже потянулась к коммуникатору, чтобы связаться с диспетчерской службой и вызвать такси обратно, как из

нижней пещеры вышла красиво одетая дама с ярко-алыми волосами на головокружительных шпильках. Она любезно улыбнулась:

– Что же вы стоите на парковке? Пройдемте внутрь, вот-вот поднимется песчаная буря.

Она сделала приглашающий жест, и оставаться на месте было бы попросту глупо. Внутри «Храм Фортуны» оказался еще более эксцентричным, чем снаружи: где-то стены были вымазаны глиной, а где-то украшены изящной лепниной докосмических времен. В одном коридоре аккуратным рядочком висели картины с мирными пейзажами, а в следующем, куда мы свернули, к обеим стенам и потолку были хаотично приколочены велосипеды, гитары, зонтики, детские скутеры, самые настоящие бумажные книги и даже турка для кофе. И какому сумасшедшему дизайнеру пришла в голову идея так оформить внутреннее пространство?..

По центру просторного круглого помещения, куда меня проводили, располагался впечатляющий воображение массивный стол из розового мрамора, а на нем прозрачная ваза с... нет, не цветами. С жетонами.

Около столь оригинальной экспозиции стояли трехногая пластмассовая табуретка, деревянный стул-качели с жесткой спинкой и роскошное низкое кресло, обитое натуральной кожей.

– Выбирайте любое удобное место и садитесь, – мягко произнесла женщина. – Меня зовут Элаиза.

Любое значит любое. Недолго думая, я заняла кресло. Элаиза улыбнулась так, словно я прошла тест, и не моргнув глазом вспорхнула на совершенно неудобную табуретку. При этом она проделала это с такой грацией, что я мысленно присвистнула. Да уж, похоже, персонал здесь набирают из бывших эквилибристов.

Под внимательным взглядом Элаизы я почувствовала себя неуютно, а потому поспешила сообщить:

– Я здесь в первый раз и, признаться, понятия не имею, что от меня требуется. Один мой друг посоветовал...

– Понимаю, – кивнула женщина. – В любом начинании бывает первый раз, не беспокойтесь. Вы можете сформулировать, чего хотите?

«Больше всего на свете я хочу, чтобы Себастьян был со мной... Чтобы ему стало плевать на брак и прочие условности, чтобы я для него стала важнее, чем все эти бумажки», – подумала я.

– Я... не знаю, повторяюсь, мне не совсем понятно, что это за место. Может быть, я и вовсе зря пришла...

– Не переживайте, если вы пришли сюда напрасно, то ничего не случится.

– Ничего не случится? – эхом повторила я, окончательно потеряв нить разговора.

Но женщина с алыми волосами заговорила о другом:

– Если вы согласны, то просто идете по коридору и выбираете любую приглянувшуюся вам свободную комнату. Вы можете заглянуть, оценить обстановку и выбрать то, что больше всего подходит вашему душевному состоянию. У каждой двери есть табличка с хм-м-м... уникальной руной-изображением. Если вас все устраивает, то вы берете жетон в кармашке на двери с точно таким же изображением и опускаете его в паз.

– О! То есть эти жетоны...

Не успела я закончить фразу, как прямо на глазах откуда-то сверху в вазу с золочеными кругляшами упал еще один. Я подняла голову и увидела в потолке вывод трубы.

– Да, кто-то только что выбрал себе комнату и бросил жетон, – пояснила Элаиза. – Тот скатился по внутренней системе желобов, и вот он здесь.

– Хитро, – пробормотала я. – А зачем такие сложности? Почему нельзя назвать комнаты номерами?

– Чтобы никто не пытался обмануть Фортуну. – Женщина передо мной стала внезапно очень серьезной. – Ни один мужчина не сможет сказать или передать, в какой комнате он встретил ту или иную женщину. Рисунки уникальны, и раз в цикл мы их меняем, как и обстановки в комнатах. Все нацелено на сохранение инкогнито наших клиентов.

Постепенно до меня начало доходить, куда командор Грешх-ан меня отправил...

«Ну, Грегори, держись! Прилечу на Юнисию – поговорим!» – дала я себе мысленный зарок.

Эльтонийки – единственная раса, у которой в норме всегда рождаются девочки. Да, конечно, случаются позорные отклонения – я, например, с внешностью цваргини, – а то и вовсе мальчишки, но подавляющая составляющая – роскошные женщины с золотистой

кожей, розовыми волосами и хвостом с кисточкой. Моя мама была именно такой. Но проблема Эльтона в том, что на планете с махровым матриархатом мужчины просто не хотят высаживаться... Сам собой остро встает вопрос о том, как продолжить род. Теперь я, кажется, знаю один из вариантов решения насущной проблемы чистокровных эльтониюк.

Спутник соседней планеты хотя бы можно объявить вне юрисдикции самого Эльтона...

Определенно, «Храм Фортуны» был для красавиц-эльтониюк местом встреч с противоположным полом, и мне надо было собираться и уходить отсюда, но все-таки любопытство пересилило.

– И как же клиентки выбирают мужчин?

– Никак. За них это делает Фортуна.

– В смысле?

Я опешила от такого ответа. Прийти на свидание... неизвестно с кем?

– Мужчины берут жетон из чаши на этом столе и ищут нужную дверь.

– А если жетон никто не возьмет?

– Значит, девушка прекрасно проведет время в одиночестве. – Элаиза пожала плечами. – Поспит, поест, почитает книгу или покачается на качелях. У нас есть разные комнаты.

– О-о-о... – протянула я изумленно. – И сколько же это стоит?

– Для женщин – бесплатно, разумеется. Платят всегда мужчины: стандартная ставка за то, чтобы взять жетон, и после – сколько хотят, если все понравилось.

Она назвала цену – с одной стороны, приличная сумма, а с другой... Такое здание поддерживать надо, и я сижу сейчас в кресле из натуральной кожи, это точно. Кожзам настолько приятным на ощупь не бывает... Да и «Храм Фортуны» находится на отдельном небесном теле, сюда воду и еду доставлять надо специальными транспортниками. Поняв, что я увлеклась, копнув в бизнес-модель заведения, я поднялась с сиденья.

– Спасибо большое, было очень познавательно, но, пожалуй, я пойду, – сообщила я, улыбнувшись.

– Куда? – Брови на лице собеседницы изумленно взмыли на лоб. – Там песчаная буря уже началась, вы сейчас не выйдете на улицу, да и

не всякий корабль сможет приземлиться. Теперь часа три-четыре, а то и всю ночь ждать придется, когда стихия успокоится.

– Так долго ждать? – не поверила я.

– Самая долгая буря на моей памяти длилась больше недели, – тяжело вздохнула Элаиза. – Вы лучше выберите себе комнату и отдохните. Время есть, для вас это в любом случае бесплатно.

Я хотела возразить, но поняла, что звучать это будет крайне глупо. Словно почувствовав мои сомнения, эльтонийка сообщила:

– Даже если мужчина зайдет в вашу комнату, вы ему совершенно ничем не обязаны. Можете его хоть связать и кляп воткнуть, они все, прежде чем взять жетон, подписывают вот такой документ...

Женщина нагнулась и как по мановению волшебной палочки вытянула из-под мраморного стола планшет, на котором горел длиннющий список. Я мельком увидела фразы «отказываюсь от претензий к заведению», «обязуюсь не преследовать женщину», «не причиню вреда»... Элаиза взмахнула пальцем, и передо мной промелькнуло еще с несколько десятков пунктов, которые начинались словами «отказываюсь» и «обязуюсь».

– «Отказываюсь от последствий»? Что это значит?

– Если произойдет зачатие, то мужчина не имеет прав на ребенка. Никаких. Если мужчина случайно все же найдет женщину и будет досаждать притязаниями, то эта формулировка пройдет в суде любого Мира Федерации.

– О-о-о...

Логично, что эльтонийки решили обезопасить себя в этом плане тоже.

– Что случается в «Храме Фортуны», то здесь и остается. Кроме того, – эльтонийка высоко подняла палец, – на случай, если гостем окажется цварг, у нас тут везде играет тихая музыка, слышите?

– Что?

Я только сейчас прислушалась и уловила тихое не то журчание воды, не то пение птиц.

– Музыка – это волны определенной частоты. Если цварг нарушит пункт про непричинение вреда и воздействует на ментальном уровне, то наша внутренняя система безопасности тут же это узнает. Каждая комната оснащена не только динамиками музыки, но и поглотителями частот. Далее... в изголовье абсолютно каждой кровати встроена

кнопка экстренной помощи. Мужчины, разумеется, о ней не знают, сообщаем только женщинам. Если нажмете – в течение тридцати секунд прибудет охрана. И последнее: на столике стоят средства контрацепции, но некоторые мужчины не хотят надевать резинки, списывая на то, что им неприятно, тянет, и вот это все... – Она легкомысленно взмахнула рукой в воздухе. – Если клиентка выбрала посещение «Храма Фортуны» исключительно ради удовольствия, а не зачатия, то там рядом еще банка с голубыми пилюлями – это мужской химический стерилизатор. Добавьте в еду или питье, действует в среднем двенадцать часов, на цваргов – чуть меньше, но шесть часов будет точно.

– Ясно, – пробормотала я ошеломленно.

– Тогда желаю вам выбрать подходящую комнату и приятно провести время, – очаровательно улыбнулась женщина и тряхнула густыми алыми волосами.

– Не стоит, я сейчас такси вызову, – запротестовала я, но была остановлена снисходительным взглядом.

Элаиза молча подвела меня к одному из окон, несколькими движениями сняла затемнение, и я увидела буйство стихии во всей красе. Небо заволкло свинцово-серыми тучами, песок поднимался в воздух на добрых десять метров и летал словно пух из разорванной подушки. Пока что ветер швырял мелкие песчинки хаотично, но то тут, то там образовывались пугающие воронки. Чувствовалось, что вот-вот песок превратится в бурный океан, накатывающий на скалы беспощадными смертельными волнами. Удивительно красиво и до мурашек жутко.

Теперь врезанный в скалу храм со множеством маленьких застекленных окон стал мне понятнее: никакое классическое здание в этой жестокой стихии не выжило бы. Столь странная архитектура – не прихоть архитектора с воспаленным воображением и не экономия бюджета, это суровая необходимость.

– Не думаю, что хоть какая-то компания рискнет транспортом и осуществит посадку в такую погоду, – с сочувствием озвучила Элаиза очевидное. – Да и вряд ли кто-то станет жертвовать личным транспортом, ведь, очевидно, страховка не покроет.

Я заторможенно кивнула. Ну, если и так все равно никого в ближайшее время не ожидается, то почему бы и не переждать

несколько часов в «Храме Фортуны»?

Комнаты оказались действительно разными. Я была уверена, что найду в первую попавшуюся и там и останусь, но меня проняла легкая дрожь от количества пыточных инструментов в комнате с шипастым символом. Еще две оказались закрытыми и с пустыми кармашками для жетонов – занято. В конце этажа за дверью обнаружился гигантский тихий грот с подземным озером. В первую секунду я даже не поверила своим глазам, а затем рассудила, что застекленные пещеры снаружи – это лишь фасад здания, а внутри оно может простираться вглубь скалы настолько, насколько задумал строитель. Около озера обнаружился плед, корзинка с вином и – все. Я мысленно отметила, что место неплохое, но слишком уж дикое, и отправилась дальше. Еще в одной комнате под полом явно находилась антигравитационная платформа. Нет, весело, конечно, кувыркаться в воздухе, но это не то, чего я хочу. Одно из помещений напоминало строгий офисный кабинет, но мебели в нем почти не имелось, а стул оказался таким неудобным, что я отправилась искать нужную комнату дальше.

Она оказалась за дверью с картинкой в виде пятиконечной звезды. Ничего особенного – уютная комнатка с большой кроватью, мягким вязаным пледом и парой удобных кресел. Я вынула жетон из кармашка на двери, бросила в нужный паз и с удовольствием забралась с ногами в мягкую постель. Чисто из любопытства я осмотрела изголовье кровати. Да, кнопка экстренного вызова имелась. Презервативы, таблетки – все тоже в наличии. Я отодвинула столик с контрацептивами подальше и обнаружила на нижней полке блокнот с плотной бумагой и карандаш.

«Качественная бумага стоит очень недешево в наши дни. Как же они тут все окупают?»

Я тряхнула головой, отгоняя эти мысли, и принялась набрасывать рисунок штрихами, ведь любой архитектор в душе – художник. Я думала, что нарисую кого-то из сыновей, но карандаш упорно выводил профиль Себастьяна Касса.

Хотела ли я его увидеть? Да, определенно да. Но что сделала бы при встрече? Не знаю...

В памяти стояла та юная красавца, что поднялась на цыпочки и поцеловала его... Очевидно, Касс ищет себе жену, очевидно – молодую нормальную цваргиню, которая выйдет за него замуж и родит

ребятишек. Очевидно, что той девушке Себастьян понравился. Очевидно, что он начнет с ней встречаться... Я бы на его месте начала точно.

В груди все ныло и болело от мысли, что сейчас этот потрясающий мужчина, должно быть, пригласил цваргиню на свидание и сидит с ней в каком-нибудь очаровательном месте вроде «А капелла», а она слушает его рассуждения относительно мутаций генов или рассказы о разреженном море на Юнисии, том самом, в котором он учил меня летать. Что она смотрит в его лучистые синие глаза и наслаждается глубоким бархатным голосом. А потом, в конце свидания, он положит свою теплую ладонь на ее... Последнее предстало перед глазами так ярко, что я судорожно всхлипнула и отерла выступившие на глазах слезы.

Я хотела быть с Себастьяном, очень. Да что там! Впервые за все время Себастьян стал тем мужчиной, который пробудил во мне женское начало. Я бы с удовольствием с ним занималась любовью... Но вот незадача, Касс не из тех, кому нужна просто постель.

А с той девушкой у них сложится все идеально...

Интересно, что будет с моей визой, когда Касс сделает официальное предложение той красавице? Разрешат ли мне жить и дальше на Юнисии?

Я ощутила, что в комнате жарко, отложила блокнот на стол и принялась раздеваться. Шарф давно остался на одном из кресел, а вот кофту пришлось снимать через голову – под ней был еще эластичный топ. Именно в тот момент, когда я стягивала верхнюю одежду, слух различил скрип двери и тяжелую мужскую поступь.

– Подождите, пожалуйста! – крикнула я, тщетно пытаюсь разобраться с проклятой кофтой.

* * *

Себастьян Касс

Еще никогда в жизни Себастьян не чувствовал себя настолько злым. Внутри него закручивались тугие спирали болезненного гнева. Он страстно желал Орианн с их самой первой встречи, тогда, у причала, она постоянно приходила к нему во снах. Ее «о-о-о... как же

хорошо-о-о...» до сих пор стояло в ушах. Себастьян хотел, чтобы она сама дошла до понимания, что у них отношения, но Орианн ни в какую не признавала этого. Более того! Она готова была заняться с ним любовью, но отказалась носить даже помолвочное кольцо на руке!

И вот сейчас Себастьян узнал, что она направилась в «Храм Фортуны». Орианн, оказывается, готова заняться сексом с любым мужчиной! Любым!!! Когда Касс увидел в навигаторе конечную цель, куда направлялась любимая, у него в сердце как будто кто-то дыру выжег. Навязчивая страсть и потребность сделать эту женщину своей хотя бы на одну ночь вызвали в Себастьяне внутреннее отвращение, но он ничего не мог поделать с собой и давил на газ.

«Заведение с пафосным названием, которое эльтоניים устроили, чтобы утолять похоть, – давным-давно с пренебрежением рассказывал Софос о посещении этого места. – На территории так называемого Храма от мужчин требуется лишь крепкий стояк, вот и все. Еще ты подписываешь договор, что не будешь преследовать ту женщину, с которой провел ночь».

Как при этом дядя умудрился при таких правилах все-таки выйти на Филицию и пригласить ее уже на нормальное свидание – загадка, но Себастьяна этот момент особенно не интересовал.

«Что ж, если тебе не хватало мальчика по вызову, Орианн, то им буду я, – с яростью процедил Себастьян сквозь зубы. – Твоя взяла!»

Бешеная первобытная ревность давила на мозги, выматывала душу, огнем растекалась по венам и каменными тисками охватывала легкие. Сложно было дышать.

«А если я не успею? Если Орианн уже выбрала себе мальчика для развлечений?»

Умом Касс понимал, что не имеет права требовать от женщины ни верности, ни чего-либо подобного, ведь она открыто отказалась от отношений, но все истинно мужское протестовало. Себастьян отметил, как подрагивают руки на штурвале.

«Вселенная, Себ, не превращайся в безумца», – попытался он вразумить самого себя, но тут вмешался бортовой компьютер «Ястреба»:

– Сэр, над нами в этой местности сейчас сильная песчаная буря. Рекомендуются переждать на орбите, корабль может пострадать. Расчетное время ожидания – шесть с половиной часов.

– Да ты издеваешься?! Посадка! – рявкнул Себастьян и крепче ухватил штурвал.

Автоматика загорелась предупреждающими сигналами, что не справляется, Касс полностью перевел управление на себя. Это было сложно... Шварх, да скажи кто Себастьяну, что он готов будет угробить новенький «Ястреб» ради того, чтобы вовремя сесть на каком-то спутнике в песчаную бурю, он бы посмотрел на этого гуманоида как на идиота. Себастьян всегда действовал максимально рассудительно и тщательно взвешивал решения...

Всегда – до появления Орианн в его жизни.

Всегда – до того, как подсел на эмоции с ароматом сирени.

Последовали долгие и выворачивающие душу минуты борьбы со стихией. Не потому, что «Ястреб» терпел поломки ежесекундно, а потому, что в эти минуты Орианн могла уже отдаваться другому мужчине. В какой-то момент бортовой компьютер взревел, что в двигатели насыпалось предельно много песка, произошел перегрев и они будут вот-вот выключены. Куда садиться – непонятно, видимость нулевая.

– Рекомендую взлететь, сэр! Шанс, что вы разобьетесь о скалы, составляет более пятидесяти процентов... – заверещал искусственный интеллект, откровенно намекая, что хозяин техники сошел с ума.

Но вместо того чтобы одобрить набор высоты, Касс круто надавил на штурвал вниз. Это была одна из самых жестких посадок в его жизни, после которой «Ястребу» наверняка придется менять часть деталей, но Себастьяну было все равно. Больше всего на свете он хотел быть с Орианн и теперь уже прекрасно отдавал себе отчет: плевать, на каких условиях, плевать, чем он должен для этого пожертвовать, плевать на все...

В «Храме Фортуны» его встретила навязчивая эльтонийка, потребовавшая подписать тот самый договор, о котором упоминал Софос, а затем заплатить за жетон. Касс возразил, что ему нужна одна-единственная цваргиня, но хостес оказалась упрямой настолько, что проще было бы договориться с дьяволом.

Касс взял сверху вазы первый попавшийся жетон и сообщил:

– Если там окажется не та, которая мне нужна, то я вернусь и буду менять ключи до тех пор, пока не найду свою женщину. Или вы можете сразу указать мне на нужный номер?

– Не положено! – отрезала эльтонийка, сложив руки на груди, на что Себастьян лишь чиркнул шипом по полу.

Он твердо решил, что если понадобится, то разнесет это заведение по кирпичикам, но найдет Орианн. Впрочем, ища дверь с рисунком звезды, он вставил монету в паз, нажал на ручку, открыл... В «Храме Фортуны» играла проклятая мелодия с мелкими, но очень частыми колебаниями, а потому ориентироваться на привычный ментальный фон оказалось так же сложно, как ловить швархов в темноте. Но стоило увидеть раздевающуюся женщину, как стало понятно: менять жетон не придется.

Простой светло-бежевый топик обрисовывал ее соблазнительную полную грудь и заканчивался чуть выше пупка на идеальном животе. Вид настолько прекрасный, что Себастьян на секунду замер как вкопанный. Насыщенный аромат сирени коснулся рогов, крошечная темно-коричневая родинка над левой ключицей притянула взгляд... Это была Орианн. Его Орианн!..

– Подождите, пожалуйста! – раздался звонкий голос, и это вывело из состояния ступора.

«Она ждет мужчину!» – мелькнула ревнивая мысль.

* * *

Орианн Ор'тэйл

Клянусь, я чуть не взвизгнула, когда что-то горячее и влажное коснулось груди. За секунды я избавилась от дурацкой кофты, которая закрывала обзор, и взгляду открылись мощные витые обсидианово-черные рога Себастьяна.

«Он здесь? Но как?! Мне это чудится?»

Послышался треск ткани, и Касс отбросил топ в сторону. Мужчина одним уверенным жестом повалил меня на мягкую кровать и припал к груди так, будто она была для него живительным источником. Пронзающие волны блаженства мгновенно распространились по телу, в голове зашумело. Касс ворвался в комнату словно бушующий смерч и, ничего не объясняя, принялся клеймить меня поцелуями. Глаза, щеки, губы, шея, грудь и снова губы... при этом он умудрялся гладить

хвостом мои бедра, отчего температура в комнате стремительно выросла еще на несколько градусов.

«Не чудится...» – ошеломленно подумала я.

– Себастьян?..

Неужели передо мной галантный, сдержанный и правильный профессор астробиологии, который так сильно хотел официальную жену и оформления документов?! Улыбчивый и солнечный Себастьян, от взгляда на которого становится так тепло на душе?!

«Вселенная, надеюсь, его ничем не накачали в этом странном Храме? А то с эльтониюк станется...»

Мужчина вытянулся на руках и посмотрел мне в лицо. Его зрачки расширились настолько, что цвет глаз напоминал морские глубины. Опасные и очень, очень темные. Губы кривились, а тело сводило судорогой. Хвост вспорол мягкий плед.

– Ты хотела секса без обязательств, Орианн. Вот, пожалуйста, я здесь. Или я тебя не устраиваю даже в этом контексте?!

На последних словах мужская спина под моими ладонями напряглась. Я бы могла попытаться объяснить...

«Я сама не знала, что такое „Храм Фортуны“...»

«Я бы никогда не занялась любовью с другим мужчиной...»

«Мне было невыносимо больно видеть тебя с молодой цваргиней...»

Я могла сказать это и многое другое, но все объяснения были бы лишними. Они прозвучали бы криво и косо, как фальшивый инструмент в оркестре.

Стало не до слов. Горячее напряженное и пульсирующее возбуждение прожигало два слоя одежды. Всего несколькими прикосновениями Себастьян умудрился взвинтить градус желания до такой степени, что я превратилась в подожженный бикфордов шнур. В глазах цварга полыхал такой огонь, что воспламенился бы даже металл. Не отрывая взгляда от его лица, я облизала губы и произнесла:

– Устраиваешь, конечно.

Я и представить себе не могла, что близость может быть такой... Ослепительной, как взрыв сверхновой, неконтролируемой и необузданной, как песчаная буря, опьяняющей и обволакивающей, как юниССкое море. Себастьян был жадным до поцелуев, он покрывал

меня ими всю, но неизменно возвращался к губам, неистово требуя чего-то в ответ.

«Подари мне всю себя без остатка», – кричали его прикосновения, и я была готова в этот момент согласиться на все что угодно.

Я обнимала и целовала его в ответ, гладила его плечи, грудь и подрагивающие руки, запускала пальцы в густые ухоженные волосы и пробиралась к основаниям рогов.

Себастьян сбивался и дышал хрипло и низко всякий раз, стоило задеть резонаторы. Когда он соединил наши тела, реальность поплыла, совсем как в комнате с нулевой гравитацией.

* * *

Себастьян Касс

Касс чувствовал себя безумцем.

Касс был безумцем.

Словно сумасшедший, он набросился на Орианн, обхватив руками и хвостом ее стройную фигурку. Больше всего на свете хотелось, чтобы она принадлежала ему. Голодными поцелуями он метил ее тело и неизменно возвращался к глазам и губам, стоило промелькнуть мысли, что сейчас она могла вот так легко и просто отдаваться какому-то незнакомцу.

Это злило, но еще больше злило понимание того, что с каждым прикосновением, с каждым вздохом, с каждым взглядом он так глубоко привязывается к ней, что больше не помогут встречи ни с родителями, ни с дядями, ни с друзьями, ни с Лансом и Лоттом. Орианн, как ослепительное солнце, затмила все уголки его организма, перенастроив под себя.

Эта женщина...

Она совершенно точно не осознавала, какой властью обладает над Себастьяном. Она могла бы приказать броситься со скалы, и он бы сделал это не раздумывая. Собственно, Себастьян уже это сделал. Если она не захочет дальше иметь с ним отношений, если она постарается отстраниться, если она выберет другого... он умрет.

И все же Себастьян прыгнул со скалы.

Сорвался вниз...

Ее тело оказалось божественной амброзией, которую желаешь вкушать снова и снова. Ее чистые, как муассанит, эмоции стали самым тяжелым наркотиком с мгновенным привыканием. Ее открытость и доверие выбивали почву из-под ног похлеще землетрясения в десять баллов. Каждый рваный вздох, каждое томное «да», каждое прикосновение мягких подушечек пальцев к его коже отзывались разрядами электричества, били по оголенным проводам нервов и пронзали тело неистовым всепоглощающим желанием.

Она была чувственной и отзывчивой в его руках, кожа – ароматной и гладкой, словно шелк, а короткие волосы трогательно разлетелись по подушке, совсем как тогда на Ц, варге, когда ветер играл с ними в жаркий летний день. Все это заставляло сердце Себастьяна замирать от восхищения и восторга. А еще полная грудь, которая так изумительно ложилась в его ладони, идеальная линия ключиц и шеи, огромные карие с поволокой глаза... Себастьян сам себе поражался, как мог продержаться на расстоянии от нее так долго.

Эта женщина сводила с ума.

Эта женщина была так безупречна, словно кто-то выше вылепил ее для него.

Эмоции сирени магией окутывали и завораживали. Больше всего на свете Себастьяну хотелось раствориться в Орианн, отдать себя без остатка и стать с ней единым целым. И плевать уже было на все общественные нормы и условности... Пусть он сегодня мальчик по вызову, зато он с ней.

Когда она стала его жизнью? Когда одна мысль, что Орианн может выбрать другого, стала причинять выкручивающую до костей и ломающую хребет боль? Когда его рассудок окончательно покинул его и помахал платочком на прощание?

Эта женщина нужна ему как кислород. Как солнце. Как земля и гравитация. Она – центр его Вселенной.

Изящное тело задрожало под ним и выгнулось дугой, она широко открыла рот, задыхаясь в крике наслаждения, а Себастьян накрыл ее губы, ловя каждый звук, каждую частичку Орианн и догоняя ее в финальной вершине блаженства.

«Бескрайний космос, как же я ее люблю!..»

Орианн Ор'тэйл

Ошеломляюще. Сокрушительно. Оглушающе.

Я рассыпалась на миллион осколков, а приятная нега затапливала каждую клеточку тела. В голове все еще шумело после пережитого, влажное шумное дыхание Себастьяна щекотно касалось плеча. Грешно и сладко было ощущать его в себе и на себе, но я бы все отдала, чтобы продлить эти восхитительные мгновения.

Я посмотрела на банку с презервативами и поняла: впервые в жизни я забыла о контроле. Удивительно, сколько раз у меня был секс с Морисом, и всякий раз я думала о том, лишь бы только не забеременеть, а от прикосновений Себастьяна подобные мысли напрочь вылетели из головы. Стало и смешно, и грустно.

– Ох, прости...

Себастьян проследил за моим взглядом и сложил два и два.

– Прости-прости, честное слово, я не специально! – пробормотал Касс, стремительно вскакивая с постели.

Он сейчас как никогда напомнил мальчишку. Я вздохнула, прекрасно отдавая себе отчет, что дело здесь не в том, что он хотел привязать меня обманом. Нет, это не грязная манипуляция. Дело в его небольшом опыте. Весьма вероятно, что я у него вообще первая женщина...

– Все в порядке. Я сама не подумала. Там буря еще бушует?

– Что?

Он замер и так озадаченно посмотрел, будто я сказала что-то на древнезахранском.

– Песчаная буря уже закончилась? – вновь повторила я вопрос.

Себастьян, словно не веря в то, что я не собираюсь в него швыряться предметами, подошел к окну и временно снял затемнение.

– Уже слабее, – ответил он, разворачиваясь.

А я смотрела на его шикарную подтянутую мужскую фигуру, идеальные мышцы напряженного живота и длинные ноги, смаковала отголоски удовольствия и думала о том, что сама Вселенная подталкивает нас к тому, чтобы провести незабываемую ночь. В конце концов, что происходит в «Храме Фортуны», то здесь и остается. Кто знает, согласится ли Касс на отношения без обязательств за чертой этого заведения?

– Тогда иди сюда, – попросила я и похлопала по месту на кровати, все еще хранившему тепло этого невероятного мужчины.

– Хочешь повторить?

Глаза Касса сверкнули такой пронзительной синевой, что екнуло сердце. Да, даже после лучшей в жизни близости с мужчиной у меня все еще останавливалось сердце от его взгляда.

– Вроде бы другое времяпровождение сложно придумать, а это нас устраивает обоих.

Он улыбнулся той самой искренней заразительной улыбкой, которая проникла глубоко под кожу еще в первую нашу встречу.

На этот раз Себастьян не забыл воспользоваться контрацепцией. Всю ночь мы провели так, словно занимались любовью до этого целую вечность. Будто мы были давно знакомыми любовниками, хорошо знающими тела друг друга и предугадывающими каждое «хочу». Касс покусывал мое плечо, а я смеялась от его укусов и щипков. Я трогала его – он вскидывался, а из его горла вырывалось будоражаще-бархатное «еще». Он игриво погружал язык во впадинку моего пупка, а я ласкала его резонаторы.

Уставшие и изможденные, мы уснули лишь под утро. Когда покидали «Храм Фортуны», Касс оставил настолько внушительное количество кредитов на чай, что у меня внезапно отпали все вопросы на тему того, на какие деньги Храм существует.

Элаиза выглядела напряженной. Она общалась только со мной, игнорируя Себастьяна, и несколько раз уточнила, не хочу ли я вызвать отдельное такси. Наш уход из этого чудного места вдвоем стал для нее потрясением.

– Но вы не обязаны с ним идти! Вы же это понимаете?! – в третий раз спросила она, явно навоображав себе что-то плохое.

– Понимаю. – Я улыбнулась. – Но ничего страшного, если Себастьян меня подвезет. Вообще-то мы соседи.

– Соседи?! – обескураженно пробормотала эльтонийка, но Касс взял меня за руку и, не прощаясь с хостес, повел к «Ястребу».

Глава 23

Наши страхи

Орианн Ор'тэйл.

Около двух месяцев спустя

Я крутила в руках полоску с девятью кружочками и тупо пялилась на два розовых из них. Как это могло произойти?.. Нет, технически я, конечно, понимала как, но... все же в первый момент, когда я поняла, что утренняя тошнота имеет причины, хотелось рвать и метать. Правда, о том, что я беременна, к стыду, первой догадалась не я, а мама.

После каникул Ланс и Лотт вернулись на Юнисию, и все встало на круги своя. На самом деле они вернулись от отца даже на несколько дней раньше и долгое время ходили немного грустными. Когда я спросила в чем дело, Ланс повел плечом и, отведя взгляд, тихо сказал:

– Ты знаешь, мам, мы больше не хотим на Цварг летать.

– Да, а почему? – удивилась я.

Ланс замолчал, зато заговорил Лотт:

– Отец... ведет себя глупо. И пахнет от него странно. Неправильно как-то. Он пытался рассказать о тебе недостойные вещи. Мы не хотим быть на него похожими.

Себастьян вновь держался от меня на расстоянии, всем своим видом показывая, что ночь в «Храме Фортуны» была исключительной. Наутро он ушел в душ и оставил на прикроватном столике договор на отказ от притязательств и кольцо с черным муассанитом, молча давая мне выбрать. Две вещи с абсолютно противоположными смыслами. Разумеется, я выбрала договор. Вернувшийся из душа Себастьян никак не прокомментировал мое решение, просто убрал кольцо в карман и до самой Юнисии больше не говорил ничего личного.

Между нами установилось перемирие, но какое-то вязкое. Касс будто ждал, что я наконец соглашусь на его условия. Он время от времени заходил к нам, приносил что-то вкусное к ужину, учил близнецов пользоваться резонаторами, играл в настольные игры и... уходил. Он словно показывал – вот так может выглядеть наша

семейная жизнь, если ты скажешь «да». И каюсь, один раз я даже хотела его остановить и попросить остаться на ночь... Я бы даже кольцо муассанитовое надела, но в последний момент язык словно присох к нёбу.

Я не могла сказать «да», просто не могла! Это было выше моих сил! Я могла пообещать все что угодно, только не официальное замужество и пожизненную зависимость от мужчины. Передо мной тут же вставал брак с Морисом... А ведь поначалу он был счастливым, но каким-то образом превратился в кандалы.

Видя мое состояние, дети начали задавать вопросы, что существенно все осложнило. Наконец я приняла решение попросить Кассов-старших приглядеть за близнецами, так как у них уже началась учеба, написала заявление на отпуск и рванула на Эльтон к маме. Эту женщину я не видела более десяти лет. Она с самого начала была против моего брака с Морисом, а потом, когда ей отказали в визе на Цварг, общение сошло на нет как-то само собой. И вот спустя десять лет ни с того ни с сего я вернулась на родину, просто чтобы привести мысли в порядок.

Мама отреагировала в своем духе – будто мы виделись только вчера.

– А-а-а, Орианн, вырвалась наконец?

И от этого ее «вырвалась» я впервые после развода расплакалась: громко, надрывно, словно из меня неожиданно вынули душу. Это «вырвалось» было всем по отношению и к Цваргу, и к Морису, и к дурацким законам... Я оплакивала загубленные десять лет жизни. Горькие слезы текли ручьями, но вместе с ними уходила и какая-то часть меня, которая все время сковывала и не давала дышать в полную силу. Оказывается, последние полгода я жила на Юнисии, испытывая страх, что в любой момент проснусь и все окажется прекрасным сном. Но одним вопросом мама дала понять: нет, это не сон. У меня наконец-то получилось.

Мама долго меня обнимала и укачивала, словно маленького ребенка. В ее объятиях я почувствовала себя именно такой.

– Почему... почему ты не сказала, что на Цварге так ужасно? – всхлипывая, спросила я.

За эти десять лет мама не изменилась ни на грамм. Все такая же ослепительная красавца с ярко-малиновыми волосами и фиалковыми

глазами.

Она пожала плечами и улыбнулась.

– Я пыталась, но ты меня не слушала. А затем я побывала в «Храме Фортуны», и мне было видение, что на Цварге ты встретишь свою судьбу.

Я осталась у мамы на ночь, а наутро, когда меня вывернуло наизнанку, она нахмурила брови и спросила:

– А ты, случаем, не беременна?

Разумеется, я побежала в первую же аптеку, и опасения подтвердились. Через неделю я вернулась на Юнисию, но так и не решила, что делать. Парадокс, но когда я была замужем за Морисом, мысль о еще одном ребенке настолько перечила всему моему существованию, что вгоняла в депрессию, а тут вдруг я поймала себя на том, что ни разу не подумала о прерывании беременности, наоборот, радовалась, ведь это была частичка лучшего мужчины во Вселенной.

На Эльтоне, в отличие от Цварга, это было законно, но я думала совершенно о другом. Стоит ли говорить что-то Себастьяну или нет? Договор Храма с отказом от всех последствий остался у меня на руках. Как повзрослевшие Ланс и Лотт отнесутся к тому, что у них скоро появится сестричка? Полагаются ли гражданскому консультанту-архитектору при Академии декретные дни, и если да, то сколько? Могу я договориться с Шелли, чтобы она первые месяцы мне помогала не только как уборщица, но и как няня? Можно ли уже заказывать детские вещи из центральных Миров Федерации, ведь здесь нет магазинов для крошек, или это плохая примета? Эти и множество других вопросов крутились в голове, когда я смотрела на пластмассовую палочку с двумя из девяти закрашенными кружочками.

– Мама-мама!

В прихожей вновь послышался топот близнецов, и я быстро сунула тест на беременность в карман.

– Ура-а-а, как же мы по тебе соскучились! – Ланс и Лотт кинулись меня обнимать с обеих сторон и сжали так крепко, что воздух вылетел из легких. – У нас через неделю матч по водному поло. Ты придешь?

– Я вырастил гигантскую бабочку, она сидит в банке в лаборатории у дяди Бруно! Ты посмотришь? Надо ночью, она именно тогда светится...

– Мам, а ректор в твое отсутствие сказал, что заработали в полную мощность веселые горки! А можно мы на них покатаемся?

– Веселые горки? – изумленно пробормотала я.

В этот момент легкой поступью в дом вошла Вивьен.

– Пока ты была в отпуске, Грегори заявил о конце тестового периода пневмотрасс на все шесть восточных островов и разрешил пользоваться всем жителям Юнисии.

– О-о-о... – протянула я.

Я думала, что Грегори до конца не доверяет моим расчетам, а потому какое-то время просил пользоваться пневмотрубками лишь ограниченное число лиц, умеющих прекрасно плавать в юнисском море.

– Ну, можно-можно? – вновь заголосили близнецы.

И я кивнула:

– Можно. Только постарайтесь не мешать взрослым, если видите, что на пневмотрубы очередь, приходите в другое время.

– Ур-р-ра-а-а!

Близнец понеслись в свою комнату на второй этаж, а Вивьен неожиданно продолжила:

– Грегори просил передать, чтобы ты зашла к нему, как только вернешься из отпуска.

– Что? – Я изумилась. Из-за внеплановой беременности я и так поменяла билеты на лайнер и прибыла на Юнисию на два дня раньше. – Ладно.

Я рассеянно кивнула и шагнула к двери, лишь в последний момент оглянувшись на Вивьен.

– Да беги-беги, – махнула она рукой. – Мальчишки уже совсем взрослые и самостоятельные, но я за ними пригляжу до твоего возвращения.

* * *

Орианн Ор'тэйл

– Командор Грешх-ан, вызывали?

Я стукнула костяшками пальцев в полотно распахнутой настежь двери, обозначая свое присутствие.

Златогривый мужчина возвышался над огромным столом со множеством чертежей, недовольно трогал подбородок и хмурился. На звук он вскинул быстрый взгляд и пробормотал:

– Орианн, проходите.

– Я слышала, что вы объявили о введении в окончательную эксплуатацию всех однолинейных трасс...

– Да-да, все верно. Население Юнисии растет в геометрической прогрессии, в этом году в наш филиал поступило много кадетов, а их семьи поселились на дальних островах. Боюсь, готовая инфраструктура нам нужна быстрее, чем мы ее строим. Сейчас большие проблемы с доставкой пиццы. Нам очень нужна ваша многолинейная система, но кредитов на все необходимые компрессоры нет. Я позвал вас, чтобы вы подумали над общей схемой. Может, что-то можно перестроить? Или запустить поэтапно? В общем, подумайте, пожалуйста, и дайте ответ как можно скорее.

– Да, конечно. Это все?

Я дождалась кивка Грегори и уже развернулась, чтоб выйти, как ректор окликнул:

– И да, к Кассам-старшим зайдите. Не далее как пару месяцев назад вы обещали, что у меня не исчезнет астробиолог.

– А что, Себастьян куда-то улетел? – изумилась я.

Грешх-ан посмотрел на меня с укоризной:

– Он никуда не улетал, а вот вас не было на Юнисии более трех недель.

Так ничего и не поняв, но при этом чувствуя смутную тревогу, я быстрым шагом двинулась к дому Кассов-старших. Что с Себастьяном? Почему ректор посмотрел на меня так, будто я сделала что-то плохое? Почему Вивьен ничего не сказала? Почему он у родителей, а не на собственном острове?

Цветные клумбы мелькали по периферии зрения, гравий хрустел под ногами. Главный остров время от времени потрясывало, хоть он и считался наиболее стабильным из всех, а потому вместо асфальта все дорожки укладывались мелкими камнями.

О том, что Вивьен и Север живут на отдельном острове, я вспомнила в последний момент, лишь когда вышла на берег, и хлопнула себя по лбу. Шварх! Пневмотруба еще не протянута, а значит, надо сначала идти домой и надевать мех-лев, а уже потом...

– Эй, Орианн! Ты к Кассам?

Голубокожий коллега Себастьяна и любимый преподаватель одного из моих сыновей Майк Бруно махнул рукой, привлекая внимание.

Среди густых клубов тумана мелькнул кусок плота. Мит-тар что-то сделал, и транспортное средство полностью показалось на берегу.

– Запрыгивай! – скомандовал Бруно, и я не смогла отказаться от любезного предложения переправы.

– Спасибо! – искренне поблагодарила я мужчину и тут же уточнила: – Известно, что с Себастьяном?

Миттар посмотрел на меня точь-в-точь как ректор. Конечно, Себастьян мог подцепить какую-нибудь крайне редкую болезнь, но будем честны, цварги практически не болеют. Сердце сжалось от плохого предчувствия.

– Бета-недостаточность, – тихо проговорил миттар.

«Но как?! – захотелось крикнуть мне. – У него же здесь родители, друзья...»

Прочитав все на моем лице, Майк глубоко вздохнул и сказал:

– Некоторым цваргам удастся поддерживать питание бета-волнами от разных источников, некоторым – нет. Я, признаться, и сам поражен. Полгода, пока вы тут жили, Себастьян вполне себя комфортно чувствовал, даже сам улетал на весьма длительную конференцию на Цварг, но после той командировки в нем что-то сильно изменилось.

Я сглотнула горький ком, осознавая, что именно окончательно повлияло на его привязку и выталкивание всех остальных из ближнего круга...

– Что-то произошло, – с нажимом сказал Майк и открыто на меня посмотрел: – Ты не знаешь?

Конечно же, я знала, но промолчала. Одна из причин, почему на Цварге секс до брака широко осуждается, – появление таких вот спонтанных и очень сильных привязок. Вот только я Себастьяна за рога в «Храм Фортуны» не тащила. Он сам пришел и набросился, не дав толком сказать ни слова.

– Он мой друг, и я хочу понять, за что ты так жестоко с ним поступаешь, – наконец сказал Майк, упрямо сложив руки на груди. – Я не цварг, но я могу себе представить, как он сейчас мучается.

– Я жестоко?! Да он мне вообще ничего не сказал! – возмутилась я и осеклась.

«Мне не будет нужна никакая другая женщина, я люблю тебя», – всплыли слова Себастьяна.

А ведь я могла догадаться о его привязке.

– И что ты будешь делать дальше? – продолжал давить Бруно.

– Не знаю, Майк. Я не хочу выходить в очередной раз замуж просто потому, что якобы должна, – ответила я негромко, но уверенно.

Майк тяжело вздохнул, почесал жабры на шее и замолчал. Менее чем через полчаса он пришвартовал плот возле симпатичного двухэтажного домика. Я вопросительно взглянула на митгара, который так и не сошел на берег. Он отрицательно покачал головой.

– Если ты будешь рядом с ним, то я не нужен, – коротко пояснил он и отчалил.

Дверь мне открыл Север Касс. На миг у меня перехватило дыхание, потому что показалось, что это Себастьян. Но нет... У Севера глаза непроницаемо-черные, и непонятно, о чем он думает, а глаза Себастьяна всегда лучились такой синевой, что казалось, будто ты проглотил маленькое солнышко и оно тебя греет изнутри.

– Я к Себастьяну. Можно? – пробормотала я и прикусила губу, отчего-то чувствуя вину под нечитаемым взглядом Севера.

Он кивнул и без лишних вопросов посторонился, указывая, в какую комнату пройти.

Сердце защемило, когда я увидела бледного Себастьяна с впалыми щеками и растрескавшимися от сухости губами. Он лежал на кровати в одежде, будто прилег отдохнуть и так и не смог подняться. Неужели потерял сознание? Или все же спит?

Действуя скорее интуитивно, я пересекла всю комнату, остановилась у изголовья и положила руку прямо на резонаторы. На ощупь они были гладкими и теплыми. Я постаралась сосредоточиться на самых светлых воспоминаниях. Вначале вспомнила нашу ночь в «Храме Фортуна», а затем мысли сами перенеслись к нашей малышке, которой уже два месяца. Пройдет еще немного времени, и я смогу ощущать ее толчки. Ох, Себастьян, ну почему ты не сказал мне, что привязался?

– А это что-то бы изменило?

Я вздрогнула и убрала руку.

– Я говорила вслух?

– Да. – Он нахмурился и медленно приподнялся на локтях. – Спасибо, со мной все в порядке, можешь идти, Орианн.

Я опешила. Он меня прогоняет?!

– Что? – изумленно пробормотала я. – Но... но у тебя же привязка...

– Да, и я как-то с ней справляюсь... – Он поправился: – Справлялся. Не смею тебя задерживать.

Злость затуманила глаза и стеганула по нервам. Я тут за него переживаю, места себя не нахожу, а он...

– Задерживать?! Себастьян, ты с орбиты рухнул? С привязками не шутят! Ты понимаешь, что мог умереть без моих бета-колебаний? Швархи тебя задери, какого космоса ты не сказал, что я вошла в твой ближний круг и стала основным источником?

– И это что-то изменило бы? – Касс поднялся еще выше. Теперь он уже сидел в постели. Мужчина облизал пересохшие губы и потянулся к стакану воды, сделал большой глоток и лишь затем продолжил: – Чтобы ты опять меня обвинила в том, что я тебя к чему-то принуждаю? Чтобы посчитала это манипулированием? Чтобы ты поставила меня на одну доску с Морисом? Нет уж, Орианн, спасибо, сам как-нибудь перебыюсь!

Вот же упрямый!

– Да при чем тут это?..

– При том, что уже полгода прошло, а ты порой смотришь на меня как на мировое зло...

– Потому что ты говоришь о браке!

– А что плохого в браке со мной, Орианн?! Что в этом ужасного?! Неужели я настолько тебе омерзителен? Или правду говорят: эльтонийкам по жизни нужно несколько мужчин и они не способны привязаться ни к одному серьезно?

Я не выдержала и залепила пощечину. Себастьян осекся и замолчал.

Полыхнув яростью напоследок в общий ментальный фон, я вышла из дома Кассов-старших и села на ступеньки крыльца.

Состояние было такое, что хотелось расплакаться. Умом я понимала, что Себастьян зол на меня, потому что я взяла и улетела надолго, не предупредив... Но ведь и он рванул на симпозиум на

Цварг, не предупредив меня. Да и если бы я заранее объявила об отпуске, разве этот упрямец сознался бы в привязке?! Душу разъедали сомнения. По-хорошему надо было вернуться и поговорить начистоту, рассказать, что у меня ребенок, составить график, когда мы будем видеться, раз мои бета-колебания ему так необходимы...

– Я заварил вам чай. Держите, он вкусный и хорошо успокаивает.

Я подняла глаза на Севера Касса, который протягивал мне пузатую чашку с ароматным мятным чаем.

– Спасибо, – поблагодарила я и взяла кружку, обхватив ее бока ладонями.

Сделала глоток. Вкусно. Горячая жидкость и правда оказалась весьма кстати.

Север молча опустился на ступени рядом. Я с печалью подумала о том, что сейчас начнется... еще один мужчина станет говорить мне, что я должна-должна-должна...

Но Север удивил.

– Простите моего сына, если сможете.

Я вздохнула.

– Он вас любит.

– Знаю.

– А вы его?

Я оторвалась от созерцания листиков и чаинок в кружке и внимательно посмотрела на цварга.

– Люблю, конечно. Но замуж не пойду.

Он склонил голову, принимая мой ответ.

– Хорошо. А что тогда планируете делать?

Вопрос был почти таким же, как его задал Бруно, но прозвучал гораздо мягче. Мирно, что ли.

– Наверное, стоит составить расписание, когда у меня есть время видеться с Себастьяном. Пока ему так плохо, я готова приходить на несколько часов в день сюда.

– Разумно, – одобрил Север и добавил, хитро блеснув глазами: – Я открыл окно в его комнате. Окна выходят на соседнюю сторону, а у моего сына мощные резонаторы. Если хотите, можете проводить время на этом крыльце. Погода нынче отличная.

Я благодарно улыбнулась. Откуда он такой понимающий? Повезло же Вивьен.

– Опыт, это жизненный опыт, – словно прочитав мои мысли, ответил Север.

Я отпила еще немного ароматного чая и спросила:

– Почему вы на меня не злитесь?

– А должен? – вопросом на вопрос ответил Север.

Мне вспомнились Стефан и Софос Кассы, и откуда-то из глубины пришла уверенность, что те уже проехали бы по мне вдоль и поперек. Стоило вспомнить только их допрос ночью, когда близнецы собирали жуков-роговиков...

– Из-за меня ваш сын в таком состоянии, – аккуратно подбирая слова, сказала я. – Если бы вы на меня злились, это было бы... нормально. Вы, наверно, очень испугались за Себастьяна?

Север улыбнулся, но совсем не так, как это делал Себастьян. Если улыбка Себастьяна была подобна лучам огромного жаркого солнца, которое своим теплом может пробраться под кожу, то улыбка Севера напоминала свет голубой звезды, как раз такой, как Соло, – редкой, опасной, экзотической, но при определенных обстоятельствах обладающей живительной силой для тысяч гуманоидов. При всей поразительной внешней схожести отца и сына, чем дольше я с ними общалась, тем больше видела разницы в мимике, жестах, движениях.

– Мы всю жизнь боимся за детей. Вначале кажется, что мы боимся только потому, что ребенок еще не умеет как следует ходить или говорить, потом переживаем за то, как сын или дочь впишется в коллектив... Но правда в том, что нет такого периода, когда родители не испытывают страх за детей. Сколько бы ребенку ни было лет... – Север глубоко вздохнул. – Просто в определенный момент хороший родитель должен затолкать этот страх глубоко на антресоль и сказать себе: «Я его вырастил и научил всему, чему мог, дальше он должен разобраться и построить жизнь сам». Вы же, Орианн, уже мать, вы понимаете, о чем я говорю.

Я вспомнила, как из-за желания поймать самого жирного жука Ланс упал на камни в горах Цварга, а Лотт угнал шлюпку из партии техники быстрого реагирования и при этом сам перепугался, и не смогла сдержать усмешки.

– У вас богатый жизненный опыт, Орианн, особенно в том, что касается отношений, а у Себастьяна его нет вовсе, – медленно проговорил Север. – Я очень надеюсь на вашу мудрость.

Я кивнула, давая понять, что услышала.

– Я буду приходить каждый день на пару часов с утра, как начинаются занятия у близнецов, и в обеденный перерыв. Возможно, удастся взять какую-то работу сюда, тогда смогу провести весь рабочий день. Как только Себастьяну станет лучше, попробую подстроить график под его расписание.

– Спасибо, – серьезно сказал Север.

Я ушла лишь тогда, когда стемнело, а на коммуникатор пришло сообщение от Вивьен: «Дети уже уснули». Касс-старший помог мне перебраться на остров с помощью личного плота-катамарана.

Глава 24

Многолинейная пневмотрасса

Орианн Ор'тэйл

Следующие два дня я приходила к дому Кассов-старших, садилась на ступеньки и работала. На Юнисии началась весна, и погода менялась постоянно: то припекало теплое Соло, то его закрывали густые облака и налетал пронизывающий до костей ветер. Конечно, цваргини не болеют насморком или кашлем, но так как я старалась беречься, то поверх удобного шифонового платья надевала еще и кожаную куртку.

У меня получилось перенести все чертежи в планшет, а потому я приходила с утра и до окончания уроков у близнецов проводила время на крыльце. Судя по тому, что из открытого окна до меня несколько раз доносился голос Себастьяна, ему постепенно становилось легче. Это успокаивало. Я старалась не думать о том, что придется сообщить о беременности. Не рассказать нельзя – в любом случае рано или поздно все откроется. А когда скажу, последует новый виток давления а-ля «выходи за меня замуж, ребенку непременно нужен отец». К этому надо морально подготовиться.

Я крутила схему многолинейной пневмотрассы и думала о том, что двенадцать мощных компрессоров, бесперебойно работающих от аккумуляторов в изолирующих чехлах, – это действительно дорогое удовольствие для Юнисии. Проложить длинную трубу диаметром метр и промазать швы силиконом – как оказалось, самая экономичная и легкая часть системы. Благодаря тому, что в мех-левах физически несложно перемещаться в местной воде, стройка занимает немного времени и с ней отлично справляются кадеты Академии. Индивидуально отлитые пластиковые патроны для перемещения посылок стоят чуть дороже однотипных пентапластмассовых колец, из которых состоят трубы, но покупаются один раз. А вот компрессоры... Они и сами-то по себе недешевые, но в условиях этой планеты просто роскошь какая-то! Ректор не может позволить себе такое расточительство. Так как же оптимизировать логистику?

Когда я училась в колледже, нам объясняли, что любая пневмопочта работает за счет автоматики, изменяющей давление на концах труб. Воздух можно нагревать, охлаждать, отсасывать, создавая вакуум, но все это техника, запитанная на электричество. Внезапная и пока еще нечеткая идея забрезжила в голове. Я посмотрела на коммуникатор и быстро набрала сообщение ректору:

«А многолинейная система нужна исключительно для доставки еды?»

«На данный момент – да. Мы собираем урожай и пересылаем его в Академию. Иногда случается так, что надо переслать семена, луковицы, инвентарь и прочую ерунду с одного второстепенного острова на другой, иногда на частные участки земли, так что многолинейная система нужна, Орианн, и компрессоры к трассам тоже».

Я кивнула в пустоту. Грегори Грешх-ан прав, но лишь частично. Нужны не компрессоры, а нечто, под действием чего капсулы будут двигаться.

«А ограничить вес посылок двадцатью килограммами можно?»

«Ты уже просила ограничить вес пятьюдесятью, но если тебе принципиально, то да, можно. Отдам указания складывать капсулы поменьше и чаще запускать».

Мне не столько принципиально, сколько жалко гуманоидов, которые будут выполнять функцию маршрутизатора... Все-таки перетаскивать двадцать килограммов проще, чем полцентнера.

«Как долго транспортируемые продукты могут идти до точки назначения?» – написала я следующий важный вопрос.

Грегори долго не отвечал, видимо раздумывая.

«Вообще-то я считал, что концепция пневмопочты заключается в том, что посылка достигает адресата почти мгновенно. Но если тебе нужно время, то два-три дня, когда дело касается зерен, овощей и фруктов».

Я усмехнулась. Пневмотрасса для гуманоидов имела самым важным пунктом скорость перемещения, но в случае с продуктами на первое место по важности встает пропускная способность, а это совсем другое.

Чувствуя, как пальцы покалывает от возбуждения, я быстро набрала еще один вопрос:

«А как часто метеостанция может давать прогнозы в изменении высоты островов?»

В этот раз ответ не заставил себя ждать.

«Каждый день».

Отлично!

Я вскочила, кусая губы и чувствуя возбуждение на грани лихорадки. Этот проект с пневмотрассами на Юнисии был бесконечно важен не только потому, что я здесь жила и сама в будущем могла пользоваться транспортной системой, а еще и потому, что это было первое и единственное дело, которым я занялась после развода. Архитектура логистической инфраструктуры на Юнисии гарантировала стабильный оклад, а следовательно, финансовую независимость, которая давно стала синонимом свободы. Теперь же, когда я снова забеременела, вопрос строительства многолинейной трассы становился первостепенным.

Я положила планшет на ступени, понимая, что еще вернусь, и устремилась к плоту-катамарану, который подарила семья Кассов, чтобы я могла в любой момент и в любом составе приплывать к ним в гости. Я быстро отшвартовалась и, сев в удобное кресло, направилась к самому первому острову, на который тянула пневмотрассу, – Авалону.

«Тот кусок земли, в отличие от нашего, подвержен частым перемещениям по вертикали: магнис в его почве залегает не так равномерно», – так и крутились у меня слова командора Грешх-ана в голове.

А что, если обойтись одной гравитацией? Что, если вместо сложных электрических приборов, которым требуется специальная изоляция, заставить саму планету работать на Академию? Что, если сейсмологи будут сообщать прогноз – поднимется этот остров или опустится – и в зависимости от этого движение по трубам будет возможно в одну сторону или в другую? На Авалоне проживает технический персонал, и остров, насколько я помню, меняет высоту буквально каждый день. Если сделать Авалон распределительным центром многолинейной системы и нанять персонал, чтобы он вовремя перекидывал груз из одной трубы в другую, то можно будет обойтись вообще без компрессоров.

Например, остров Виталин, на котором выращивают апельсины, находится стабильно ниже уровня центрального острова с Академией. Если Авалон сегодня опустится ниже Виталина, то апельсины по трубе скатятся на Авалон, а завтра или послезавтра, когда Авалон поднимется выше Академии, эти же фрукты переложат на соседнюю линию и под действием гравитации они достигнут конечной точки назначения. Благодаря нестабильному магнису в почве Авалона остров можно использовать как лифт естественного происхождения!

Ко всему несколько гуманоидов получают стабильную оплачиваемую работу. Капсулы с едой не будут приходить минута в минуту и в зависимости от активности магнуса в почве могут задержаться на день или два, но зато, когда остров примет нужную высоту, пневмотруба превратится в обыкновенную горку.

«Веселые горки» – всплыла недавняя характеристика детей.

Я усмехнулась... Оказывается, близнецы очень точно описали то, что мне требовалось.

Плот-катамаран причалил к Авалону, и я выпорхнула с него, уже привычными движениями привязала к ближайшему дереву и направилась к единственной трубе на этом острове.

– Госпожа Ор’тэйл, здравствуйте!

– Добрый день, Орианн!

– Рад вас видеть, с вашим изобретением теперь трачу на дорогу до работы менее десяти минут вместо часа!

– Хорошего вечера, Ор’тэйл!

Пока я шла к площадке, встретившиеся гуманоиды спешили поздороваться или хотя бы помахать рукой. С учетом того, сколько времени я потратила на первую трубу, неудивительно, что на Авалоне меня знал каждый.

На специально расчищенном для выхода и посадки в капсулу месте я принялась мерить шагами пространство, прикидывая, сколько выходов трасс она может вместить. Желательно строить все так, чтобы было близко друг к другу и обслуживающему персоналу нужно было лишь перенести капсулы на несколько метров – с одной трубы на другую.

Я так увлеклась расчетами, что почувствовала, что что-то не так, лишь когда поддерживающие выход трубы рессоры натужно заскрипели.

Остров задрожал, меняя высоту. Зашелестела листва, с моря подул холодный ветер, пригоняя клочья густого тумана. Невидимая сила ухватила Авалон и начала медленно не то рывками, не то толчками погружать вниз.

Я бросилась к месту причала, но, когда на лоб упала первая капля, поняла: отчалить в сторону острова Кассов не получится – опасно. Несколькими секундами позднее заморосил мелкий дождик. Разумеется, я застегнула куртку, но тонкая ткань платья практически сразу набрала влагу и неприятно прилипла к телу.

– Вот же не везет так не везет! – в сердцах воскликнула я.

Мало того что угодила в момент изменения высоты острова, так еще и дождь начался! Первое правило безопасности на Юниси, которое всех прибывающих требуют выучить назубок, – не пользоваться мех-левами и плотами в турбулентном море.

«Без паники, Орианн. Надо вспомнить, в какой стороне здесь располагается жилье сотрудников Академии, и попроситься к кому-нибудь переждать непогоду».

Подумать легко – сделать сложно. Земля под ногами ощутимо дрожала, а с самого утра меня преследовала тошнота. Я шла по дорожке, пытаюсь разобрать в уплотняющейся серой стене дождя нужное направление, как внезапная острая боль пронзила левую лодыжку.

– Ай!

Очередной толчок земли швырнул меня на четвереньки. Противно засадили ободранные о щебенку колени и ладони, но боль в щиколотке была острее. К сожалению, я не просто подвернула лодыжку, но еще и застряла во внезапно образовавшейся яме.

Я много раз видела, как после легких землетрясений кадеты заполняли мелким камнем образующиеся пустоты в почве, но никогда не думала, что сама так глупо попадусь в ловушку природы. Я попыталась вынуть ногу, но густой, стелящийся вдоль поверхности туман мешал что-либо разглядеть, а дурацкий щебень вел себя как зыбучий песок. В придачу ко всему малейшее движение отзывалось тысячей болезненных уколов в лодыжке.

Захотелось расплакаться.

Природа бушевала не на шутку: все утопало в монотонном звуке молотящего о землю дождя, громко завывал ветер, трещали деревья.

Проливной дождь хлестал наотмашь не переставая, словно кто-то наверху забыл выключить кран. Волосы давно намокли, и вода с них ледяными ручейками пробралась за шиворот кутки.

Глотая неприятный ком в горле, я с трудом приняла какую-никакую сидячую позу и обхватила руками коленки.

«Ничего страшного не случится, – тщетно успокаивала я саму себя, – промокнешь, замерзнешь – бывает. Ребенку это не повредит... не должно повредить. В конце концов, я практически чистокровная цваргиня, даже от нескольких часов под дождем не растаю. Когда-нибудь это все закончится, кто-то из персонала обязательно воспользуется этой дорожкой, увидит меня и поможет освободить ногу. Все будет хорошо».

Время текло медленно, а дождь продолжал стучать, настойчиво напоминая о боли в лодыжке, о беспомощности и одиночестве.

Именно тогда, когда я мысленно произнесла «все будет хорошо», я почувствовала еще один мощный толчок земли, а за ним громкий треск. Доли секунды хватило на то, чтобы поднять голову и замереть, поняв, что от последнего импульса огромное кряжистое дерево начало как в замедленной съемке падать именно на меня.

– Орианн, не-е-ет! – ушей коснулся неистовый рык, а в следующий миг меня снесло ураганом по имени Себастьян Касс.

Обжигающая боль на этот раз прострелила ногу насквозь, но Себастьян каким-то образом умудрился схватить меня и обнять, в последний момент закрывая спиной от возможного удара, а также взмахнуть хвостом с шипом, чтобы расцедь хоть какие-то тяжелые ветки. Кажется, одна из них пришлась на спину мужчины. Я видела перекошенное от боли лицо Себастьяна. Затем землю трянуло еще раз, и нас отшвырнуло от упавшего дерева и закрутило. Россыпь ударов колючими вспышками пронзила позвоночник, локоть и все ту же многострадальную лодыжку. Я зажмурилась, а когда мир наконец перестал невыносимо кружиться, обнаружила, что лежу на животе Себастьяна и судорожно дышу куда-то в район его ключицы.

Я хлюпнула носом и приподнялась на руках.

– Себастьян?

Он лежал подо мной. Бледный, с сухими обветренными губами и огромной кровоточающей раной на лбу у основания рога. Ярко-алая кровь струилась у него по лбу и виску. На мгновение мне показалось,

что он умер, и земля ушла из-под ног. Не в том буквальном смысле, в котором она настойчиво уходила последний час, а в гораздо более глубоком – когда сердце рвется на части и становится тяжело дышать... Возможно, потому, что легкие уже разодрало в клочья.

– Себастьян!!! – заорала я во всю мочь, хватаясь за ворот его рубашки. – Себастьян, не уходи, ты нужен мне! Не оставляй меня!

Внезапно крупные мужские ладони погладили меня по спине. Из губ цварга вырвался рваный вздох, кадык дернулся.

– Не думал, что получу от тебя признание при таких обстоятельствах, – прохрипел он с закрытыми глазами.

Вот же дурак! Ну разумеется, нужен! Неужели такие очевидные вещи надо говорить вслух?

– Пойдем, надо убираться отсюда, – глотая слезы страха, пробормотала я и попыталась подняться, но не получилось.

– погоди, дай я еще наслажусь несколькими секундами с тобой. Ты так близко. – Он крепче сжал руки и блаженно улыбнулся. – Когда ты еще разрешишь себя обнимать?

С неба все еще хлестала вода, мы промокли до нитки и валялись в грязи на холодной земле. До зуда в кончиках пальцев захотелось чем-нибудь огреть этого любителя обниматься.

– Себастьян, давай все-таки куда-нибудь уйдем!

Цварг шумно вздохнул и наконец отрыл глаза. По рассеянному взгляду мужчины было видно, что удар по голове пришелся сильнее, чем он пытался показать, отшучиваясь. Злость на мужчину мгновенно сменилась уколом вины. Пока Себастьян поднимался, я спросила:

– Как ты меня нашел? Почему вообще искал?

– Искал потому, что ты ушла с крыльца. Я почувствовал это сразу по бета-колебаниям. Встал и пошел искать тебя – вначале дома, потом спросил у встретившихся по пути кадетов, не видел ли кто роскошную цваргиню, от красоты которой слепит глаза...

Я все же не удержалась и легонько стукнула Себастьяна по бедру. Нет, ну что за дела? Он только что чуть резонатора не лишился! Инвалидом мог на всю жизнь стать...

– Представь мое удивление, когда выяснилось, что никто не видел Орианн Ор'тэйл, – словно не почувствовав шлепка, продолжил цварг.

Он галантно подал руку, будто мы были не в траве и грязи среди бесконечного потопа, а на светском рауте в Серебряном Дворце. Я

ухватилась обеими руками за его запястье и с трудом поднялась, стараясь игнорировать боль в лодыжке.

– Я написал Грегори, что ты срочно мне нужна. Это вопрос жизни и смерти, и если я тебя не найду, то случится что-то плохое.

– Ты обманул его! – возмутилась я. – Я три дня у твоего окна сидела, ты пришел в себя! И... это не отвечает на вопрос, как ты понял, где меня искать. Ректор понятия не имеет, что я отправилась на Авалон. Я никому не говорила.

Вокруг творился какой-то хаос, но мне почему-то надо было знать ответ. Себастьян улыбнулся.

– Он не знал, но я сделал логический вывод исходя из той переписки, что он переслал, и того, что нашел на планшете. Ты оставила его у родителей на крыльце. Не забывай, мой отец инженер и об определенных вещах я могу догадаться. Из твоих расспросов четко следовало, что ты хочешь заменить компрессоры гравитацией. А какой из ближайших островов самый нестабильный? Авалон.

Я беззвучно ахнула. Нет, рассудительность и логичность Себастьяна удивления не вызывали, но вот способности доморощенного детектива поразили.

– Ты с него еще и переписку требовал?

– Конечно, – не моргнув глазом ответил этот обманщик. – Это же был вопрос жизни и смерти, Грегори не мог не помочь. А на острове я нашел тебя по запаху эмоций.

Мне осталось лишь всплеснуть руками.

– Надо найти укрытие. Я уверена, что нас пустят в любой из домов, но вот только...

«У меня болит нога, и я не могу точно понять, куда идти».

Но остаток фразы я не успела произнести. Себастьян подхватил меня на руки, заставив замолчать и судорожно вцепиться в его широкие плечи.

– У меня другое предложение. Тряска уже закончилась, дождь через час-другой тоже прекратится. А тебе сейчас нельзя ходить, разбередишь травму.

И с этими словами он пошел к ближайшему огромному дереву-бутылочнику и ударил по коре хвостом. Шип проломил кусок коры внутрь, а дальше цварг поставил меня на землю и, помогая себе руками, проковырял внушительную дыру в дереве.

– Мама рассказывала, что однажды им с отцом пришлось провести в подобном стволе всю ночь, – прокомментировал цварг свои действия, отрывая очередной крупный шмат коры. – Тогда Соло еще не был стабилизирован и как звезда-магнитар оказывал дополнительное воздействие, тем самым многократно увеличивая последствия землетрясений на Юнисии. На том острове не было ни строений, ни нормальных укрытий...

– И что?

– Как видишь, все обошлось. Бутылочники полые внутри и имеют очень крепкие корни. Идеальное убежище во время ливня, шторма или сейсмической активности. После тебя...

Он жестом, каким приглашают дам на танец, указал на темное, но сухое нутро дерева.

Я вздохнула, подобрала прилипшее к ногам платье и переступила вначале здоровой ногой, затем аккуратно подтянула ушибленную. Сразу стало тише и чуточку теплее, а в нос ударил запах влажной древесины. Следом в своеобразное укрытие забрался Себастьян, закрывая спиной проем и занимая своим крепким телом все свободное пространство бутылочника. С ним стало тесно, но теснота эта была приятной. Несколько секунд мужчина смотрел на меня, а затем положил горячие ладони на мою талию.

– Орианн, я не солгал Грегори. Это правда. Когда ты сегодня молча ушла, да еще и раньше, чем уходила в предыдущие дни, у меня как будто кто-то кусок сердца вынул из груди. Я не могу без тебя.

Его руки согревали даже через ткань. Я положила голову на его грудь и среди множества запахов различила такой родной и знакомый аромат Себастьяна. Этот мужчина, даже будучи с острой бета-недостаточностью, принялся меня искать, сообразил в два счета, куда я направилась, не раздумывая накрыл собой, приняв удар от падающего дерева, а потом, чутко уловив боль в лодыжке, донес до укрытия на руках.

В глазах предательски защипало. Я не выдержала и всхлипнула, принявшись шарить по его карманам. Все-таки в беременность гормоны бурлят...

– Где же оно? Где?..

– Кто? – удивленно спросил Себастьян, явно не поняв, почему я вдруг начала щупать его через ткань брюк.

– Швархово кольцо! Тебе так важно, чтобы я его носила. Хорошо, буду носить... – В этот момент пальцы наткнулись на что-то крохотное и твердое, и я вытащила драгоценность наружу. – О, вот же оно!

Я надела знакомое кольцо на безымянный палец и подняла руку выше, демонстрируя драгоценность. Даже в полутемном нутре дерева черный муассанит переливался всеми гранями.

– Все! Теперь я его ношу по своей воле, как ты и хотел. Доволен?

Светлая улыбка озарила осунувшееся лицо цварга.

– Спасибо, Орианн. Это действительно много для меня значит.

– Много значит... – буркнула я тихо, понимая, что сейчас подходящий момент, чтобы рассказать о его вкладе в генетическое наследие расы.

На улице все еще не успокаивалась водная стихия, и определенно мы здесь заперты еще надолго.

Мужская ладонь, поползшая вдоль моего позвоночника, вернула в реальность.

– Ты волнуешься. Что-то случилось?

Насыщенно-синий взгляд пронзал так, что сердце забило где-то в горле. На длинных черных ресницах Себастьяна блестела мелкая взвесь капелек, горячие пальцы неожиданно переместились выше по позвоночнику, мягко оглаживая. Касс подсознательно успокаивал.

Бескрайний космос, я и забыла, что он так хорошо чувствует! Он еще не знает, но уже ощущает мое волнение. Во рту внезапно пересохло, я облизала губы.

«Сейчас или никогда, пора, Орианн».

– Себастьян, помнишь тот раз... в «Храме Фортуны»?

Он улыбнулся, медленно наклонился и провел носом вдоль моей шеи, отчего по телу пробежало электричество. Это было так приятно, что на несколько мгновений я вообще забыла, о чем хотела сказать.

– Конечно помню, – прошептал этот хитрец, обжигая меня горячим дыханием. – Это ты предпочла сделать вид, что все, что было между нами там, там и осталось.

– Да не делала я такого вида, просто договор взяла... Это ты не хотел интимной близости без статуса жениха!

– Хочешь повторить? – тоном искусителя продолжил Касс, проигнорировав последний выпад. – Песчаная буря там, водная – здесь. Будет не очень удобно, но зато символично.

– Себ... Себастьян... – Я заставила его все-таки оторваться от соблазна моей персоны и посмотреть в глаза. – Ты в ту ночь в первый раз не воспользовался контрацепцией.

– Помню, я уже за это извинился. Обещаю, это не повторится. Но и ты пойми, пока мы не войдем в ближний круг друг друга, тебе не о чем переживать. Возможно, ты не запомнила мою теорию, но у цваргов...

Он что-то говорил еще, сыпя научными терминами, а я разозлилась. «Обещаю, это не повторится». Да толку-то?!

– Я уже беременна! Это будет девочка.

– Беременна? – Касс прервался на полуслове и повторил это так, будто теперь я сообщила ему какую-то экзотическую информацию.

По мере того как до Себастьяна доходило, на его лице проступала безумная радость. Внезапно он крепко сжал и принялся покрывать меня поцелуями – лоб, глаза, нос, подбородок, шею...

– Вселенная, Орианн, как же я счастлив! Ты... потрясающая... невероятная... любимая... – бормотал он между касаниями губ. – Почему же ты сразу не сказала?.. Солнце мое...

Он продолжил осыпать меня поцелуями, а наглые мужские руки вдруг скользнули по бедрам, без спроса задирая намокшее платье... Но ведь это он избегал меня после посещения Храма!

– Себастьян, ничего не изменилось, пойми. – Я попыталась достучаться до явно поплывшего от счастья разума цварга. – Мы разные личности с разными ценностями! Я согласна на секс, но никогда не соглашусь на...

– Хорошо! – невпопад ответил цварг, так и не дав договорить.

Я вдруг испугалась не на шутку. Если Себастьян уже сейчас не слушает, то что будет потом? А вдруг я для него стану таким же инкубатором, каким являлась для Мориса? Вселенная, да ведь он даже не слышит, что я не подпишу больше ни одной проклятой бумажки!

И в тот момент, когда я так подумала, произошло маленькое чудо. Себастьян уловил мои опасения без слов. Он отодвинулся, насколько позволяло тесное пространство бутылочника, взял мое лицо в свои ладони и серьезно сказал:

– Орианн. Ты беременна, а значит, ты меня любишь! Поверь, это все, что мне надо было знать.

– Ты совсем дурак? – вырвалось у меня. – Разумеется, я тебя люблю! Неужели ты не чувствуешь? Да я влюбилась в тебя еще на Цварге... Шварх, да после той ночи с травмой Ланса в горах я не могла думать ни об одном другом мужчине, кроме тебя! Вселенная, разве это было не очевидно?!

Себастьян продолжал молчать, странно вглядываясь в мое лицо. Помолчала некоторое время и я, а затем вздохнула и тихо добавила:

– Да, я тебя люблю и думала, ты прекрасно это понимаешь. Резонаторы вроде на месте.

Губы мужчины расплылись в мягкой, но укоризненной улыбке.

– Откуда мне было это знать? Ты же мне никогда не говорила о глубине твоих чувств. Конечно, я чувствовал симпатию, но мало ли какие корни она имела? Может быть, я – твоё мимолетное увлечение, помноженное на искреннюю благодарность. Ты же никогда не давала понять, что хочешь остаться со мной, наоборот, твердила обратное – никакого брака ни при каких условиях. Помолвка являлась для меня какой-никакой гарантией того, что ты не увлечена другим мужчиной, что хочешь быть именно со мной и на долгие годы. Орианн, на пляже, когда ты сладко достигла вершины наслаждения, а потом стала спрашивать, к тебе или ко мне, я почувствовал себя мальчиком для разовых утех.

Я сглотнула слюну, понимая, как все могло выглядеть для Себастьяна... Мне казалось, что моя безусловная и глубокая любовь к нему очевидна для нас обоих и он требует роспись из упрямства или чтобы потешить чисто цваргско-мужское эго.

– Конечно же, я буду рад, если в один прекрасный день ты подпишешь документы и возьмешь мою фамилию, но это все второстепенные вещи, – тем временем продолжил Касс. – И раз уж ты согласна носить мое кольцо... Могу ли я уточнить, что мне позволено?

«Позволено?..»

Что он там навывдумывал?

– Давай, – пробормотала я.

Дождь начал потихоньку стихать, но чувствовалось, что у нас в запасе еще час как минимум.

– Мне будет позволено приходить в твой дом, играть с детьми и участвовать в воспитании?

– Конечно!

Я пожала плечами – это было само собой разумеющимся.

После утвердительного ответа горячие пальцы вновь вернулись на мои замерзшие бедра и начали мягко, но настойчиво их массировать.

– Мне будет позволено помогать тебе финансово?

Будь я двадцатилетней девушкой, то задрала бы подбородок и бросила гордое «нет», но за плечами лежал первый брак, и я знала истинную цену деньгам. Пускай я лучше буду откладывать свою зарплату на всякий случай. Если Себастьян хочет оплачивать нашу с детьми жизнь, то я не против.

– Да, – кивнула я.

Мужские ладони забрались чуть выше, приятно разнося по телу тепло.

– Мне будет позволено дарить тебе подарки?

На этот вопрос я снова кивнула не раздумывая. Если уж финансово помогает, то глупо отказываться от подарков. Хочет – пускай делает.

– Мне будет позволено оставаться у тебя дома на ночь? – тем временем продолжал наглеть этот несносный мужчина, опаяя шею жарким дыханием.

В этот момент губы Себастьяна вновь коснулись чувствительного местечка за ухом, а ладони согревающе легли на крестец. О-о-о, как же приятно...

– Да, – тихо пробормотала я, млея от медленных движений губ Себастьяна от мочки и до самой ключицы.

– А любить себя ты позволишь? – тем временем тихо прошептал Касс, ловко забрасывая мою ногу себе на бедро.

В стволе бутылочника было тесно и неудобно, но по тому, как уверенно его каменное желание уперлось между моих бедер, стало понятно, что этот хитрец подразумевал под словом «любить».

– Да, – ответила я, не видя причин отказывать.

Белоснежная улыбка сверкнула в темноте бутылочника, и мужские руки уже полностью расстегнули куртку, стянули ее вниз и проникли под остатки одежды.

– Тогда предлагаю начать с последнего пункта, потому что я слышал, что беременным нельзя мерзнуть. Надо тебя как следует согреть.

Эпилог

Орианн Ор'тэйл

Вторая беременность протекла намного легче, чем первая. Возможно, это было связано с тем, что на этот раз она была не многоплодной, а возможно, с тем, что Себастьян окружил меня такой заботой, что я забыла о тревогах и печали. После того как мы провели несколько часов в бутылочнике, Касс собрал вещи и переселился в наш с детьми дом. Совершенно незаметно он стал для Ланса и Лотта авторитетом даже большим, чем я, и это порой пугало, потому что нет-нет, да и проскальзывала мысль: «А что делать, если мы решим разойтись?»

– А Себастьян сказал так!..

– А Себастьян запретил пробовать без него!..

– Нет, мы лучше Себастьяна дождемся...

Касс как-то незаметно пробрался в нашу с детьми жизнь, пророс в нее корнями, переключил на себя оплату быта и мелкие неурядицы, проводил вечера в играх с близнецами, а ночами согревал меня в постели. Спальня в доме была единственной, и этот хитрый жук заявил, что на диване неудобно. Впрочем, я не видела смысла запрещать спать вместе.

Он хотел быть со мной все время и искренне переживал, когда требовалось ненадолго покинуть нас из-за очередного научного форума. Когда ближе к дате родов ему потребовалось лететь на Цварг, он нанял в дополнение к Шелли двоих приходящих помощниц по хозяйству, чтобы мне не пришлось ни в коем случае нагибаться, таскать тяжести и выгуливать собаку в непогоду. Дошло даже до небольшого скандала, потому что мне пришлось отвоевывать право заниматься спортом. Памятуя о лишнем весе в первую беременность, мне очень хотелось максимально сохранить фигуру, а потому я каждый день старалась уделять время гимнастике. Себастьян был уверен, что это может повредить малышке, а потому мы сошлись на плавании-полетах в юниССком море.

Порой на меня накатывал страх, что рано или поздно отношения с Кассом превратятся в то же, во что скатился брак с Морисом, но

всякий раз, когда казалось, что вот-вот Себастьян начнет продавливать, он отступал. Так случилось и с работой. Открытие многолинейной системы распределения грузов пришлось на седьмой месяц беременности, когда я превратилась в объемный шарик. Ноги стали отекать, появилась отдышка, спать хотелось все больше, двигаться – все меньше... Себастьян предложил взять декрет чуть раньше, чем он полагался по срокам, или хотя бы уменьшить количество часов работы, а на меня накатило сильнейшее чувство дежавю, когда Морис уговаривал бросить архитектурный колледж.

Я так испугалась, что меня залихорадило и даже поднялась температура. Уже вечером на пороге нашего дома появился Грегори Грешх-ан с загадочной белоснежной улыбкой и с контрактом, где он предлагал работу гражданского архитектора для Академии Космофлота на ближайшие пять лет с окладом втрое больше текущего и свободным графиком. Разумеется, догадаться, откуда у этого кабального контракта ноги растут, было несложно.

Пожалуй, именно тогда я поняла, что забота Себастьяна никогда не будет ограничивать по-настоящему, что он всегда знает, когда остановиться, и никогда не станет подстраивать меня под себя. Держа в руках подписанный договор с Академией Космофлота и осознавая, что все это любимый мужчина сделал ради моего спокойствия, я разрыдалась. Гормоны бушевали неистово, и плакать хотелось все время, но эта бумага стала для меня символом того, что за десять лет я так ни разу и не получила от первого брака, – свободы и уважения.

Я рыдала так громко, что Грегори почувствовал себя неловко и принялся успокаивать. К сожалению, именно этот момент Себастьян выбрал, чтобы вернуться домой. Его ревность не знала границ, но почему-то от того, как он сильно разозлился, мне вдруг стало смешно. Сам же доказывал, что у цваргов не может быть детей, если они не входят в ближний круг друг друга, а тут...

Примирение мне понравилось.

Лаури родилась ровно в срок, здоровая и безумно красивая. У нее оказались ярко-синие глаза, совсем как у Себастьяна, а во всем остальном она походила на меня. Ланс и Лотт пришли в восторг от того, что у них появилась сестричка. А через две недели после родов к нам потянулась вереница друзей и родственников – все хотели подержать на руках маленькую Лаури, пощекотать, потискать,

понюхать, погладить, обнять... Список желаний можно было продолжать до бесконечности. Вивьен практически каждый день приходила, чтобы погулять с коляской, которую сконструировал Север специально для Юнисии. Постепенно в гости стали напрашиваться Майк Бруно, Грегори Грешх-ан и другие коллеги Себастьяна. Однажды, чтобы познакомиться с малышкой, на Юнисию прилетел Стефан с той самой молодой цваргиней, которую я однажды видела по телевизору с Себастьяном на симпозиуме. Ее звали Джун, она оказалась младше меня и неожиданно мечтала о детях.

Обилие приятелей, друзей и родственников в какой-то момент меня начало смущать, потому что для меня, Себастьяна, Ланса, Лотта и Лаури небольшой двухэтажный домик стал просто тесен. И тогда Касс сделал первую робкую попытку уговорить переехать к нему.

– Давай ты хотя бы посмотришь, тебе понравится, – осторожно убеждал он.

Как-то так вышло, что за полтора года проживания на Юнисии я видела дом Кассов-старших и лабораторию Себастьяна, но ни разу не была у него на личном острове.

Потом пошли шутки о том, что он чувствует себя альфонсом, раз живет в моем с детьми доме, и мне пришлось согласиться хотя бы одним глазком взглянуть на жилье Себастьяна. Что ж... оно оказалось огромным. Ланс и Лотт носились из комнаты в комнату, а лично меня взяла оторопь при мысли о том, сколько сил и энергии потребуется, чтобы мыть, убирать и поддерживать в чистоте такое здание. А ведь роботы-уборщики, как и любая техника на Юнисии, постоянно барахлили!

Сперва я отказалась от переезда к Себастьяну, и тогда он взял меня измором, выступив как заказчик и через Грегори попросив проложить пневмотрассу от центрального острова на его территорию. Разумеется, командору Грешх-ану я не могла отказать. А в процессе строительства мне нет-нет и приходилось ночевать в доме Себастьяна: то непогода застанет, то сил после рабочего дня добираться до главного острова не было. Лаури, Ланс и Лотт быстренько получили по комнате в доме Себастьяна, а мне была выделена целая гардеробная при спальне хозяина. Несмотря на то что помещений с кроватями у Касса было предостаточно, этот хитрец заявил, что отныне спать я буду только с ним в одной постели. Недели шли за неделями, месяцы

за месяцами, и я сама не заметила, как обнаружила себя живущей больше на территории Себастьяна, чем в собственном доме. Одежда медленно перекечевала в просторную гардеробную, а рабочих планшетов, электронных перьев и прочих важных для работы вещей у меня вдруг оказалось минимум по два экземпляра. Я лишь покачала головой, когда поняла, как ловко Себастьян меня развел на переезд к нему.

Придуманная мной многолинейная система труб с распределительным центром на Авалон показала себя превосходно. Благодаря постоянной подвижности магнуса в островах стало возможным пересылать на дальние расстояния объемные грузы.

Однажды я потеряла важный чертеж и принялась перебирать все документы в доме. Мне нужны были кое-какие архитектурные детали, которые напрочь выскочили из головы, но проклятый чертеж все никак не хотел находиться! Я перебрала одну стопку бумаг, затем другую, пересмотрела пластиковые таблички, словом, все. И в итоге залезла в секретер Себастьяна, так как подумала, что Шелли могла положить нужную вещь туда. На глаза неожиданно попала пухлая стопка писем. Так как на Юнисии частенько шалило Соло и были неполадки с инфосетью, я знала, что время от времени гуманоиды пользуются самой обычной почтой, но все равно удивилась объему пачки. Я не собиралась читать письмо, адресованное Кассу, но один листок выпал на пол и раскрылся. Писал дед Себастьяна – Сильвестр. Он выражал радость от того, что у него родилась правнучка, но давил на то, что до тех пор, пока Себастьян не женится на мне, а Лаури не получит фамилию Касс, она не может считаться частью рода. Я перебирала письма одно за другим и поражалась, как менялись интонации Сильвестра. Из милого дедушки в какой-то момент он превратился в того еще тирана и деспота, который требовал от внука жениться на цваргине, родившей ему ребенка. Дальше пошли угрозы лишения наследства, а потом и вовсе судебная тяжба...

Когда любимый вернулся из лаборатории и застал меня в кресле, обмахивающейся письмами, словно веером, он сразу почувствовал неладное.

– Орианн, тебя кто-то обидел? Что случилось? – буквально с порога бросился цварг ко мне.

Я посмотрела в бесконечно синие глаза, указала на письма от деда и спросила:

– А когда ты собирался рассказать о том, что от тебя требуют жениться?

Он пожал плечами:

– Никогда. Зачем тебе нервничать? Несколько лет назад ты четко мне сказала, что замуж не пойдешь. Это было твоим условием.

– Сильвестр добился, чтобы АУЦ выписал тебе штраф. – Я помахала одним из писем на красной бумаге. – А тут вообще сообщение, что ты нарушаешь закон, не женившись на мне. Тебе запрещен влет на планету.

– Да-а-а, это одно из последних постановлений. Дед у меня, как бы это сказать... – взлохматил Себастьян прическу, – привык, что ему всегда подчиняются. Все-таки нашел рычаги и добился запрета. Думает, что таким образом меня простимулирует на правильные поступки.

– А ты?

– А я не стимулируюсь, – со смехом ответил этот мальчишка.

Я лишь всплеснула руками.

– А Стефан? А Софос? Ты же теперь их не увидишь!

– Почему же не увижу? Стефан к нам уже приезжал, а Софос как раз хотел заскочить в следующем квартале. Он пригласил в путешествие свою жену-эльтонийку и просил у тебя уточнить контакты твоей матери. Вдруг она тоже захочет присоединиться.

– Да-да, конечно, сейчас скину... – Я трянула головой, пытаюсь переварить всю информацию. – погоди, а что будет, если я подпишу вот это... Тут твой дед предусмотрительно положил в конверт.

Я вытащила красивую бумагу с надписью «Брачный договор».

– Ты станешь моей женой, – невозмутимо ответил Себастьян. – Еще там дед вписал пункт, что ты и Лаури должны взять родовую фамилию. Он очень щепетилен насчет этого.

Я прикинула в уме: Орианн Касс звучало ничуть не хуже, чем Ор'тэйл.

– Там еще пункт про то, что ты должна хотя бы две ночи в месяц проводить в моей спальне.

Я фыркнула. Да, это было стандартным требованием Планетарной Лаборатории к женатым парам, но никто никогда в здравом уме не

проверял такое, а потому с Морисом мне удавалось годами держать дистанцию. С Себастьяном же... Я искренне скучала каждую ночь, если у него случались редкие командировки.

– А существенное что-то есть?

Я снова потрясла бумажкой. Какой-то частью разума я понимала, что спрашивать такие вещи глупо и на Юнисии все вокруг нас давно считают семьей, но тем мне менее не спросить не могла.

– Есть, – внезапно ответил Себастьян и, приблизившись ко мне на расстояние шага, со скорбным видом сообщил: – Если ты подпишешь эту бумагу, то по законам Цварга наша дочь станет очень-очень...

– Очень?

– ...неприлично богатой. Фактически сейчас она единственная, кто наследует муассанитовые шахты. Девочки Софоса по расе – эльтонийки и не могут претендовать на природные ресурсы Цварга, а Стефан и Джун пока не обзавелись детьми.

Вот же паяц! Я фыркнула и протянула руку:

– Давай ручку, я подпишу.

Себастьян внезапно перестал улыбаться и заговорил серьезно:

– Орианн, ты не должна делать это ради моего деда. Перебьется со своими требованиями. Мне важно, чтобы ты чувствовала себя счастливой. Это самое главное, все остальное – неважно.

Я вздохнула и посмотрела в такие любимые глаза своего мужчины.

– Чтобы быть полностью счастливой, мне хочется носить твою фамилию, дорогой супруг.

* * *

Бонус. Письмо Себастьяна Касса

«Уважаемый Фабрис!

Хочу поблагодарить вас за то, что помогли мне заполучить медицинскую базу данных Планетарной Лаборатории. Теперь, после года тщательных исследований и анализов, я могу с уверенностью подтвердить, что гипотеза, которую я озвучивал ранее, верна: чтобы у пары чистокровных цваргов появились дети, необходимо, чтобы они оба вошли в ближний круг друг друга.

Если у мужчин нашей расы привязку можно определить по стремительно падающей концентрации бета-частиц в крови вдали от источника бета-волн, то с женщинами все сложнее. Как правило, во всех анкетах цваргинь я отслеживал такие фразы, как «мне плохо вдали от мужа», «я скучаю без него», «я постоянно о нем думаю». Я смог отобрать в базе не такую уж и большую выборку пар, но связь получилась настолько статистически значимой, что полученные на выборке результаты можно распространить на всю генеральную совокупность, то есть на всю расу цваргов.

Примечателен тот факт, что в смешанных парах условия на появление потомства схожие. По крайней мере, в парах цваргне-цваргиня, которые я смог найти.

Ввиду вышесказанного я напоминаю о предложении разрешить контрацепцию на планете. Я искренне считаю, что это улучшит демографию, как бы странно это ни звучало. Также спустя год исследований у меня появилась гипотеза касаясь распределения пола. Я обратил внимание, что на Юниси, куда вывезен основной пласт цваргов с низким уровнем владения резонаторами, девочки рождаются не реже, а иногда даже чаще, чем мальчики. На Цварге ситуация кардинально другая – две или три девочки появляются на десяток мальчиков. Все это заставило задуматься над ситуацией.

До сих пор на научных конференциях ученые искали причину такого перекоса рождаемости в генетических мутациях, а самые смелые предполагали, что факторы внешней среды могут влиять на пол, хотя всем известно, что у нашей расы самцы являются гетерогаметным полом. Но мне в голову пришла теория иного характера. А что, если, несмотря на то что у женщины две одинаковые половые хромосомы XX, именно их организмы определяют пол?

Я знаю, что на Цварге допустимо небольшое бета-воздействие в лечебных целях, а минимальные вмешательства в ментальный фон, как правило, не определяются даже на МРТ-аппаратах. Итак, если цварг хочет понравиться цваргине на первом свидании, он может насладиться на нее легкие эмоции симпатии, и она воспримет это совершенно естественно. Логично предположить, что ввиду огромного количества желающих обзавестись чистокровной женой многие готовы преступить закон и оказать небольшое влияние, чтобы понравиться

девушке и выбиться в кандидаты в супруги на фоне многочисленных конкурентов.

Я думаю, что если цварг какое-то время воздействует на женщину с помощью резонаторов, то ее организм начинает сопротивляться этому, впадает в стресс и классифицирует даже малейшее бета-воздействие как катаклизм. Как следствие, женский организм неуловимо меняется, среда для сперматозоидов, несущих женскую X-хромосому, становится более агрессивной. Сперматозоиды погибают, не добираясь до яйцеклетки. Зачатие может произойти лишь при проникновении Y-хромосомы. Причем чем больше бета-воздействие на женский организм, тем сильнее сопротивление, а следовательно, агрессивнее среда для сперматозоидов с X-хромосомой и меньше вероятность зачатия девочки.

На Юнисии давно селятся мужчины, которые по тем или иным причинам были отбракованы Планетарной Лабораторией. Подавляющий процент или родились со слабыми резонаторами, или получили травмы в детстве, а как следствие, физически не могут воздействовать на женщин на бета-уровне.

Все, что я описал, имеет теоретические выкладки и основано на наблюдениях и догадках. Проверить мою гипотезу будет крайне сложно, потому что надо заручиться согласием большого числа цваргинь проходить дополнительные обследования на ультраточных МРТ-аппаратах, но я верю, что такой влиятельный цварг, как вы, Фабрис, со временем может запустить этот громоздкий механизм.

С уважением,
*профессор астробиологии
и межгалактической генетики
Себастьян Касс»*

Цварг

Спустя полгода после проведения масштабного научного симпозиума на Цварге Аппарат Управления неожиданно принял новый закон о контрацепции и закупил первую партию негормональных средств у Эльтона. Общество жужжало и шумело, словно потревоженный пчелиный рой, из-за того, что у расы, которая стоит на грани выживания, теперь узаконено предохранение у супружеских пар.

Особенно сильно недовольны были консерваторы, но Планетарная Лаборатория успокоила политически активную прослойку общества официальным сообщением:

«Это экспериментальный правовой режим, который, если не будет видимых результатов в ближайшие три года, подлежит отмене».

Однако результаты не заставили себя ждать. Вкупе с недавней реформой о том, что цваргини могут выбирать супругов из более широкого списка, чем рекомендованный Планетарной Лабораторией (ее на планете еще называли «реформой Марсо»), на Цварге произошел резкий всплеск рождаемости. Аппарату Управления пришлось не только перевести закон из категории экспериментального в постоянные, но и добавить расширение – контрацепция теперь стала доступна любому гражданину Цварга вне зависимости от его семейного положения.

Конечно, это вызвало очередную волну протестов и демаршей, но они потонули на фоне новости о том, что находящаяся в оппозиции независимая империя Кейтер, куда когда-то бежали несогласные с режимом цварги, впервые выразила готовность к сотрудничеству.

К моменту рождения Лаури фамилия Касс оказалась настолько известной, что ни Планетарная Лаборатория, ни Аппарат Управления Планетой не смогли проигнорировать факт рождения чистокровной цваргини от второго брака. Отчасти распространению информации тайно поспособствовал сам Фабрис Робер. Факт, что женщина-цваргиня может родить детей и от второго мужчины, стал настолько резонирующим в обществе, что АУЦ пришлось сделать послабления в законодательстве для разводов. Общественность настояла, что разводы надо давать не только в тех случаях, когда оба супруга согласны, но и когда только женщина или только мужчина просят о нем.

В частности, если цварг заявляет о привязке к жене и нежелании ее отпускать, супруга теперь подвергают медицинской процедуре: берут кровь на бета-частицы, помещают в изолированное учреждение на короткий срок и снова анализируют состав крови. Если привязки нет – брак расторгают. Наличие детей от первого мужчины тоже теперь не играет большой роли.

По достижении совершеннолетия Ланс и Лотт Мэрриш вернулись на Цварг, чтобы официально сменить фамилию на Касс. Злые языки поговаривали, что ушлые ребята таким образом строят коварные

планы заплучить часть наследства богатейшего рода, но сами близнецы отшучивались, что хотят иметь общую фамилию с любимой сестренкой.

notes

Примечания

1

Костюмы для плавания в разреженном юнисском море.

На планете очень мало женщин, а потому некоторые цварги, вместо того чтобы посещать райские сады на Тур-Рине, выписывают себе девушек для коротких отношений. Визы категории «беллеза» выдаются Аппаратом Управления в строго ограниченном количестве, и стоят они дорого. Это широко не афишируется.

Редкий дорогостоящий напиток на территории Федерации Объединенных Миров, известен тем, что его вкус зависит от вкусовых рецепторов дегустатора. Для каждого гуманоида шэйтарри имеет свой особенный запах и букет.